

ВСЕВОЛОД СЫСОЕВ

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ЗВЕРИ

Хабаровское
книжное
издательство
1973

ВСЕВОЛОД СЫСОЕВ

**УДИВИТЕЛЬНЫЕ
ЗВЕРИ**

P2
C 95

Рисунки ГЕННАДИЯ ПАВЛИШИНА

7-3-2
52-73

© Хабаровское книжное издательство 1978

*Екатерине Максимовне —
жене и другу
посвящается*

От автора

Неповторима природа Приамурья!

Счастлив натуралист, попавший в этот край, где еще и поныне живут тигры и леопарды, непальские куницы и антилопы-горалы. Где на озерах цветет лотос, и утомленный путник может укрыться от палящего солнца в тени вечнозеленых тисов!

Особенно великолепны и роскошны на Дальнем Востоке кедровые леса.

Как прозрачен и напоен смолой воздух в них! Высокие многовершинные кроны кедров господствуют над лесным пологом. На устремленных к небу темно-зеленых пушистых ветвях красуются крупные золотистые шишки. Как вкусны маслянистые кедровые орешки, лакомиться которыми любят люди и птицы, крупные хищники и мелкие грызуны!

Ходить в кедрачах легко и бесшумно: подлесок не густ, а землю покрывает мягкий слой осыпавшейся хвои. В этих лесах всегда царит оживление и в то же время как-то таинственно.

Они хороши во все времена года: летом в них не жарко, растущие между кедрами липы и ребристые березы создают тень и прохладу. Зимой — светло и просторно. Можно издалека видеть пасущихся диких кабанов, бредущего медведя.

Много разнообразных зверей встретится на вашем пути: колонков и соболей, выдр и росомах, изюбров и лосей. В этих лесах обитают полудревесные гималайские медведи, забирающиеся на зиму в дупла лесных великанов.

Подолгу хранит снежный покров следы лесных трагедий — смертельных схваток тигра и медведя, кабана и леопарда.

Охотоведы бережно хранят и приумножают запасы ценных зверей. Они широко расселили соболей, акклиматизировали в крае американскую норку и ондатру, белорусского бобра и зайца-русака.

В нашем крае живут непревзойденные звероловы, берущие голыми руками тигров и леопардов. А сколько «мягкого золота» — пушнины, кабарожьей струи и пантов добывается ими!

Тридцать пять лет я охочусь и изучаю жизнь дальневосточных животных. Много впечатлений от необычных таежных встреч сохранилось в моей памяти. И захотелось мне, читатель, поделиться с тобой своими наблюдениями.

Лучшей наградой автору будет благодарность молодого читателя, стремящегося познать и еще больше полюбить окружающую природу.

ЗОЛОТАЯ РИГМА

История
жизни
одной
уссурийской
тигрицы

Глава 1

ЗОЛОТАЯ ТИГРИЦА

Девственный лес Сихотэ-Алиня стынет в объятиях жгучего мороза. Гнутся до самой земли ветви молодых пихт и елей под тяжестью снежной кукты. Наступил первый месяц весны, а свирепая пурга намечает глубокие сугробы, тщательно укрывает сопки ослепительно белым снегом.

Лишь в одном месте, среди мрачных гранитных расщелин, черным пятном зияет вход в пещеру. Едва приметный

след вьется между дряхлыми кедрами. В пещере вечный полумрак. Днем здесь холоднее, чем снаружи. На сухой черной земле, устланной истлевающими листьями, дремлют два маленьких тигренка. Суровый лес безмолвно встретил появление на свет тигрят, но заботливая мать проявила к ним столько внимания и ласки, что все опасности, таившиеся в лесных дебрях, отступили от полосатых малышей. Под надежной защитой тигрицы им не были страшны ни холод, ни многочисленные кровожадные враги. Безмятежно спали брат и сестра, пригревшись у теплого материнского бока. Сестренка имела удивительную окраску: ее светлую пушистую шкурку покрывали широкие желтые полосы. Этот золотистый цвет немало поразил бы и привел в восторг натуралистов, мать же не обращала внимания на редкую для тигриного рода окраску своей дочери. Люди впоследствии назовут ее Ригмой. Много приключений произойдет с ней, прежде чем станет она могучим и мудрым зверем, владычицей северных джунглей, а пока маленькая Ригма теснее прижимается к широкой лапе матери.

Стихла метель. В ярких лучах мартовского солнца заискрились крупные снежинки. В густой синеве неба проплыл ворон. Над широким лесным распадком пронесся его ликующий крик и долетел до чуткого уха старой тигрицы. Она несколько дней ничего не ела, утоляя жажду снегом, лежавшим толстым слоем у входа в пещеру. Голод заставлял идти на охоту.

Торопливо спустилась она в ключ, где обычно паслись табунчики кабанов, и стала разыскивать добычу. С уходом тигрицы холодно и страшно стало маленькой Ригме. Съевшись в пушистый комочек, озираясь по сторонам, она теснее прижалась к дрожавшему от холода братишке. Скорее бы возвращалась мать. Пройдет несколько лет — и тигрята станут наводить страх на всех обитателей леса, а пока они так беспомощны и беззащитны. Стоит войти в пещеру медведю-шатуну или волку, забежать росомaxe или кунице-харзе, даже залететь филину — и не станет этих двух крохотных существ. Вернется мать-тигрица, в тоске обнюхает пустое холодное логово...

Ригма не знала отца. Он бродил где-то на далеком Матае, занятый заботой о себе. Мать, выйдя на охоту, ни на минуту не забывала об оставленных малышах. Поймав кабана и едва утолив голод, она примчалась в пещеру,

чтобы накормить и обогреть заждавшихся детей, а через несколько дней снова исчезла в тайге.

Однажды, возвращаясь к логову, тигрица учуяла едва различимый запах дыма, доносившийся из глубокого распадка, и остановилась. Человек здесь не появлялся давно. Инстинктивно тигрица понимала, что зимой дым связан только с ним. После долгого колебания она медленно зашагала навстречу опасности. Лес поредел. Каменистые россыпи низвергались к самому берегу ключа. Отсюда его долина хорошо просматривалась. Острое зрение тигрицы уловило движение человеческих фигурок, казавшихся на фоне снега угольно-черными. Один поправлял костер, двое ставили палатку, другие подтаскивали валежник к костру. Тигрица замерла. Лишь едва уловимое движение ноздрей да расширившиеся зрачки золотистых глаз выдавали ее волнение.

Не подозревая близости страшного зверя, лыжники готовили бивак, стучали топорами, разговаривали, громко смеялись. Эти звуки долетали до чуткого уха тигрицы, а она все еще стояла в оцепенении на черном камне. Никогда не встречаясь до этого с туристами, тигрица приняла их за охотников. Раздался слабый звук выстрела, словно треснуло от мороза дерево. Это один из лыжников захотел добыть для чучела подлетевшую к биваку сову. Даже после выстрела тигрица не шелохнулась. Заботливая мать думала лишь о том, как отвести возможную беду от своих тигрят. Зоркие глаза прощупывали каждый куст, каждый предмет: нет ли где собак, этих неизменных спутников охотников?

Велика подозрительность у старого хищника. Тигрица обошла табор с подветренной стороны. Выйдя на следы людей, она долго принюхивалась. Кроме незнакомого запаха лыжни, она не уловила ничего. Собак с охотниками не было. Если бы она обнаружила их следы, то не ушла бы от бивака, прежде чем не расправилась с ненавистными псами. Тигрица очень боялась человека, но инстинкт материнства властно требовал защитить своих детей, укрыть их от беды.

Волнение матери передалось тигрятам, когда она появилась в логове. Выбежав ей навстречу, малыши притихли и насторожились. Тигрица не стала их кормить. Она придавила лапой к земле Ригму, затем вобрала ее плечи в свою огромную пасть и понесла прочь. Несколько часов несла

тигрица маленькую Ригму к логову, где четыре года тому назад у нее появились первые дети. Оставив Ригму одну, мать вернулась за ее братом и, как только принесла его, накормила молоком проголодавшихся тигрят. Затем она снова вернулась к опасному распадку. Обойдя широким полукругом покинутый бивак, тигрица убедилась, что люди ушли в противоположную сторону. Несколько раз появлялась она в районе неприятной встречи. Лыжные следы утратили какие-либо запахи, новых не было. Тигрица окончательно успокоилась.

...Весна медленно входила в лес. Днем потемневший снег таял, оседал, напитавшись водой, становился зернистым. Ночные морозцы высушивали проталины, схватывали мокрый снег, превращая его поверхность в ледяную корку — наст. По нему легко бегали колонки и гималайские куницы, волки и рыси, но олени, лоси, кабаны и козули проваливались; острые ледяные края наста, словно ножи, резали ноги, следы окрашивались кровью. То, что благоприятствовало хищникам, было губительно для копытных. Недолго длилась эта страшная для них пора: быстро тающие сугробы не успевали замерзнуть ночью. Загремели горные ключи, запахло прелыми листьями и смолистыми почками тополей и берез. Лес ожил, наполнился шорохами. Покинули берлоги медведи, вылезли из своих нор барсуки и енотовидные собаки; дневные голоса птиц сменялись ночным хором лягушек. В эту пору человек покидает леса, только у сплавщиков начиналась горячая пора: вскрывались реки.

Тигрята радовались весне. Исчез снег, и логово потеряло свои границы. Теперь Ригма и ее брат могли целыми днями гоняться друг за другом на большой поляне, взбираться на камни, спускаться к ключу. Иногда в пылу игр они так далеко убегали от логова, что возвратившаяся мать подолгу разыскивала их и, не найдя, подзывала к себе голосом, от которого с трепетом замирали олени, в ужасе убегали кабаны.

Однажды тигрица, возвратясь с охоты, принесла молодого кабана и положила его перед попятившимися тигрятами. И хотя добыча была неживой, шерсть на тигрятах встала дыбом. Переминаясь с лапы на лапу, стали они кружить вокруг неизвестного зверя, принюхиваясь к не-

му, не понимая, что надо с ним делать. Видя нерешительность своих детей, тигрица снова взяла в зубы кабана, перенесла его на несколько шагов в сторону и, положив на землю, стала облизывать добычу, как бы подбадривая их. Ригме показалось, что кабан при этом зашевелился. Она быстро схватила его за ухо, а брат — за заднюю ногу. Тигрята осмелели. Лежавшая рядом мать шевелила лапой кабана, и это служило сигналом к очередному нападению. Тигрята имели маленькие клыки, неокрепшие зубы и, хотя поросенок издавал аппетитный запах, ничего поделаться с ним не могли.

Вдоволь позабавившись добычей, тигрица разорвала поросенка на две части и отдала их детенышам. Ригма впервые познала вкус мяса дикого кабана, самой желанной пищи всех тигров.

Весеннее солнце по-летнему прогревало южные склоны сопки. Тигрята подолгу дремали, растянувшись на прошлогодних дубовых листьях. Окраска их так хорошо сливалась с цветом окружающей среды, что малышей трудно было рассмотреть даже вблизи.

Чуткую дремоту Ригмы как-то прервал сильный шорох, словно по лесу брел крупный зверь. Вскочив в испуге, она притаилась за деревом. Прямо на нее бежал дымчато-серый зверек с большим черным пушистым хвостом. Это белка искала прошлогодние желуди. Не добежав до Ригмы, она почуяла слабый запах кедрового ореха и начала быстро разгребать цепкими лапами прелую листву. Пытаясь схватить белку, Ригма прыгнула. Другой зверек вряд ли избежал бы тигриных когтей, но чернохвостка птицей взметнулась по гладкому стволу и, усевшись на суку, сердито зацокала.

В лесу жило много бурундуков. Производя своей возней сильный шум, они беспокоили Ригму, но очень редко попадали под ее широкую лапу.

Весенний лес был полон дневных и ночных шорохов. После долгого зимнего оцепенения все звери и птицы пришли в движение. Одни наслаждались брачной жизнью и любовными играми, другие были озабочены устройством гнезд и обновлением убежищ. Возбужденные обитатели леса то и дело натывались на Ригму, пугали ее, но и сами испытывали перед ней еще больший страх.

Незаметно прошла весна. По-прежнему стояла сухая ветреная погода, и лишь горячее солнце да распутившаяся листва деревьев и кустарников свидетельствовали о начале лета.

В различных местах вспыхивали низовые пожары. Они наполняли лес удушливым дымом, который, словно густой туман, застилал долины, закрывал горы. Солнце, едва пробиваясь сквозь плотную пелену дыма, висело в небе зловещим кроваво-красным шаром.

Поначалу огонь медленно расползлся по склонам сопков, пожирая прошлогоднюю сухую траву и валежник. Иногда он угасал, но легкий ветерок разносил искры тлеющих пней, и они, западая в иссохшие лишайники, разгорались маленькими огоньками. Спускаясь в долины ключей, огонь пробирался в густые заросли вейника. Пламя катилось по вейниковым лугам, как по спелой ниве, уничтожая мелких зверей и птичьи гнезда; изюбры и косули не боялись пала: они, словно играючи, легко перепрыгивали без всякого вреда для себя метровое пламя. Многие километры прошел низовой пожар, оставляя после себя черные выжженные луга и поляны, закопченные стволы деревьев. Пал уходил, но подолгу дымились обсохшие болота: горели глубокие пласты торфа.

Пока огонь пробирался дубовым или березовым редколесьем, он не нес большой опасности зверям и птицам. Но вот медленно ползущая змейка огня углубилась в густой ельник. Послышался сильный треск. Пламя, взметнувшись кверху, мгновенно поглотило несколько темно-зеленых крон, клубы черного дыма поднялись к небу. Налетевший порыв ветра наклонил огневую стену над лесом — и пошла полыхать смолистая хвоя, словно порох. Рев могучего пламени, треск горящего леса, свист ветра смешались в страшном гуле верхового пожара. Казалось, сам лес взревел от боли и стонет от ужаса. Адская жара породила бешеные потоки воздуха. Ураганные завихрения ломали деревья, поднимали в небо горящие ветки, бросали летящих птиц в пламя. В огненном шквале гибли белки и быстроногие косули, металась с ревом медведи. Реки огня разливались по лесным чащобам, то расходясь, то соединяясь, и тогда все живое, очутившись в огненном кольце, погибало. Обезумевшие звери выбегали на чистые места к озерам, обжигая ноги, уходили через горящие торфяники. Нестерпимым зноем веяло от сгоревшего леса, а огонь катился все даль-

ше и дальше, превращая зеленое море тайги в черную пустыню смерти и пепла.

Спасая гибнущий лес, люди с риском для жизни прыгали с парашютами на лесные поляны. Приземлялись порой вблизи огня и тушили пламя, но огонь прорывался в другом месте. Только многодневные дожди могли погасить разбушевавшийся на сотни километров пожар, но на тусклом небе не появлялось ни одного облачка.

Ночами старая тигрица видела отблеск приближавшегося огня. Она очень боялась этой грозной стихии. Даже низовой пожар становился опасным для тигров: их мягкие, не защищенные толстым роговым слоем подушечки лап легко обжигались. Обеспокоенная усилившимся чадом, тигрица заблаговременно покинула обжитое место и увела тигрят по ключу на самую вершину сопки. Здесь воздух был чище, звери чувствовали себя в безопасности.

На самом водоразделе находилось большое кабанье купалище. Через него шла хорошо проторенная звериная тропа. Подступающие к тропе ели и пихты носили следы острых клыков кабанов. Многие секачи чесали свои бока об эти деревья, оставляя на смолистых стволах грязь и щетину. Не нужно стало далеко ходить за добычей: кабаны сами подходили к засаде тигрицы.

Ясная погода, длившаяся несколько недель, наконец испортилась. Наступил сезон летних муссонных дождей. В первые же три дня лесной пожар прекратился, прояснилось небо. Как легко и приятно дышалось теперь Ригме! Влажный чистый воздух промытого дождями леса наполнился смолистым ароматом тополевых листьев, медвяным запахом липового цвета. Особенно волновали тигров едва уловимые запахи следов оленей и кабанов. Лишь медвежий дух будил инстинкт самосохранения и заставлял держаться осторожнее.

Земля давно напиталась влагой, во всех распадках гремели ключи, а дожди все лили и лили. Тигрята не успевали высыхать, хорошо хоть воздух был теплым и не ощущалось недостатка в пище: заботливая мать то валила оленя, то схватывала зазевавшегося кабана.

Однажды мелкий морозящий дождь перешел в тропический ливень. Водяная пелена ниспадала с неба столь густо, что на расстоянии нескольких шагов с трудом различались деревья. Шелест падающих крупных капель дождя усили-

вался порывами ветра, сливаясь с шумом ветвей. Притихли птицы, притаились звери.

Ливень застал тигров в широкой долине Светлого ключа. Укрывшись в густом ельнике, тигрята прижались к стволам деревьев, не замечая стекавших струек воды. Их пушистые шубки скоро намокли, а дождь все не переставал. В начале ночи к монотонному шуму дождя стал примешиваться какой-то отдаленный рокот. Он нарастал, приближаясь к долине ключа. Это сквозь чащу деревьев катился двухметровый сплошной вал воды, образовавшийся из слившихся дождевых потоков. С глухим рокотом несся водяной вал сквозь лес, пригибая кустарники, унося валежник, сметая все на своем пути. Лисицы и зайцы, бурндуки и змеи забирались на полуповаленные деревья, всплывшие валежины. Наводнение примирило и объединило всех зверей в одну семью, заставило забыть вражду. Мокрые, дрожащие от холода, они все стали равны перед лицом смертельной опасности.

Вода, подступая со всех сторон к небольшой возвышенности, где отсиживались тигры, просочилась под Ригму. Звереныши поднимали лапы и сердито отряхивали с них воду. Нужно было искать новое, более надежное убежище. Обнюхивая воду, старая тигрица спокойно вошла в мутный поток и поплыла к едва видневшейся сопке. Тигрята последовали за ней. Сильное течение сносило их в сторону, они отставали, но плыли легко.

Тиграм пришлось проплыть несколько сот метров, прежде чем они добрались до каменистого склона незатопленной сопки. Брезгливо отряхнувшись, они облизали мокрую шерсть, затем разыскали нависшую над обрывом скалу и улеглись под ней на сухой прошлогодней листве. Теперь ненастье их не страшило.

Всю ночь из долины доносился шум бушующей воды. Дождь то переставал, то снова, как будто отдохнув, начал хлестать по деревьям. Пригревшись у теплого бока матери, Ригма притихла, и хотя сон ее был очень крепким, проснулась сразу, услышав громкое карканье, извещавшее о наступлении утра. Сидя на вершине кедра, ворона рассматривала разлегшихся тигров и выкрикивала на весь лес: «Как! Как! Как!», словно спрашивая: «Как вы здесь появились?»

Ригма широко раскрыла глаза. Поднявшееся над сопками солнце озаряло мокрый лес. Вода блестела в затоп-

ленной долине, но заметно спала. В темно-голубом чистом небе плавно кружил беркут, зорко высматривавший, нет ли где какой поживы. Отдохнувшие тигрята не торопились разыскивать мать, ушедшую чуть свет на охоту. Радуюсь солнечному теплу, они переворачивались с боку на бок, подолгу лежали на спинах, лениво шевеля хвостами.

Яркий солнечный день становился знойным. Высохшие листья деревьев и трав источали горьковато-смолистый запах. Щебетание птиц и пронзительные крики индийской кукушки оживляли лес. Ликующее настроение природы передалось тигрятам. Они без усталости носились по кустам, то разбегаясь в разные стороны, то, припав к земле, снова подкрадываясь друг к другу. Ригма так плотно прижималась к малейшей впадине, что брат терял ее из вида и, высоко задирая голову, выдавал свое присутствие. Не спуская с него глаз, Ригма выжидала... При виде мчавшейся на крупных прыжках шалуньи шерсть на спине ее брата поднималась дыбом, он скалил пасть, но стоило сестре коснуться его передними лапами, как тигренок падал на спину и частыми ударами задних лап отбивался от нее.

К вечеру вернулась мать, принеся телят изюбра. На следующее утро тигры покинули временное пристанище под скалой, а спустившаяся на землю ворона позавтракала обильными остатками их стола.

В течение всего лета не покидала семья тигров распадка Светлого ключа и косогоров, спускавшихся к нему. Тигрица приносила добычу во временное логово или, забрав с собой детенышей, вела их к месту охоты.

С приходом осени на Сихотэ-Алине установилась солнечная погода. Ночные заморозки расцветили листья деревьев и трав. Ярким багрянцем вспыхнули кусты клена и дикой малины, золотистой охрой покрылись шатрообразные кроны бархата амурского. Побронзовели узорчатые листья пышных папоротников. И только зелень елей и пихт стала еще ярче, еще свежее. Раньше всех уронил свои перистые листья маньчжурский орех. Отряхнула зеленый убор приречная черемуха.

Проголодавшиеся тигрята всю ночь с нетерпением поджидали свою мать, ушедшую на охоту. Тишину едва забрезжившего рассвета неожиданно нарушил могучий рев какого-то неизвестного зверя. Рев заканчивался нотами,

похожими на голос матери, зовущей их к себе, и в то же время пугал протяжностью и высотой звука. Тигрята прижались друг к другу, уставившись немигающими глазами в сторону, откуда неслись незнакомые звуки. Но зверь не приближался к ним, продолжая время от времени потрясать воздух могучим зовом, отдававшимся в распадке. Неведомый зверь так яростно и долго ревел, что тигрятам стало страшно, они забеспокоились. Мать не появлялась. Ригме казалось, что зверь, оглашавший лес громким криком, был хозяином косогора и вызывал на смертный бой каждого, кто вздумает оспаривать это право. Тигрята решили убраться подальше и бесшумной рысцой потрусили к вершине сопки, но едва они достигли перевала, как до них донесся голос матери. Она не звала к себе, а лишь спрашивала, где они находятся. Значит, охота не удалась, и тигрица возвращалась без добычи. Отозвавшись, тигрята остались на перевале поджидать ее.

В это время снова послышался рев незнакомого зверя, и тут же мать ответила почти таким же приглушенным голосом. Тигрята замерли в нерешительности — казалось, мать не торопилась к ним. А разъярившийся страшный зверь ревел теперь почти не переставая и медленно приближался к затаившимся малышам. Волнение тигрят усилилось. Они то вскакивали на высокий камень и напряженно вслушивались в каждый шорох, то приседали на задние лапы. Вдруг рев зверя как-то неестественно оборвался, и в лесу установилась звенящая тишина, прерываемая лишь каплей обильной утренней росы, предвещавшей хороший солнечный день. Прокричала проснувшаяся желна, где-то прошуршала листвою бегущая по земле белка.

Успокоенные тишиной, тигрята стали осторожно спускаться с сопки туда, откуда последний раз донесся так странно изменившийся голос матери. Вот и знакомый запах материнского следа. Пройдя по нему с километр, тигрята остановились в нерешительности: легкий ветерок донес запах крови. Долго всматривались они в гущу ореховой рощицы, прежде чем увидели свою мать. Поставив передние лапы на тушу рогатого быка-изюбра, она смотрела в их сторону и тихим грудным голосом подзывала к себе. Лишь позже Ригма узнала, что безобидный олень-самец в брачную пору своей жизни может напугать ревом не только неопытного тигренка, но и взрослого зверя.

На Сихотэ-Алине надолго установилась яркая, звонкая

осень. Лесные опушки и дубовые релки, привлекавшие зверей обилием разной пищи, теперь хорошо просматривались. В них стали чаще появляться люди. Начались передвижения кабаньих табунов и изюбров с закрайков тайги в глубь горных лесов. Сытая жизнь наступила для тигров.

Казалось, ничто не предвещало быстрого приближения зимы, только морозы крепчали по ночам, покрывая стекловидным льдом мелководные заводи лесных протоков. Как-то ночью Ригма увидела медведя, забиравшегося на старую сухую липу. Ригма инстинктивно боялась ходить по свежим следам косматых великанов, и только близость матери успокоила ее. Медведь и не подозревал, что из-за густого куста лещины за ним следят немигающие глаза тигренка. Добравшись до зияющего черного отверстия дупла, он затолкал в него по самые плечи голову и с силой втянул в себя пахнущий гнилью воздух, убедившись, что дупло необитаемо, медведь вскарабкался выше отверстия и, опустив в него задние лапы, стал спускаться, пока не исчез весь. Напрасно Ригма ждала, что медведь вылезет обратно. На всю долгую зиму обосновался внутри пустотелого дерева косолапый.

Утром на небе, задернутом толстым слоем облаков, солнце не появилось. В воздухе проносились белые «мухи». Опускаясь на шерсть Ригмы, они исчезали, оставляя после себя капельки воды. Вскоре снег повалил столь обильно, что за день покрыл всю землю белым саваном.

Ригма не узнавала знакомых полян и косогоров. Теперь любое движение зверя или птицы она быстро улавливала издали, но и сама становилась более заметной для тех, к кому подкрадывалась. Лежать на снегу было мягко, но холодно, и Ригма забивалась под густой лапник елей — здесь землю покрывал толстый слой прошлогодней хвои. Двое суток шел снег. Затем резко похолодало, и хотя до конца осени оставался месяц, зима полновластно вступила в свои права. Лишь черноголовые дубоносы никак не хотели признавать ее приход, звонко распевая на вершинах обнаженных берез.

С наступлением зимы старая тигрица направилась к местам, где кедровые сосны росли вперемежку с дубом. Здесь паслись табуны кабанов, привлеченные осыпавшимися на землю желудями и кедровыми шишками.

Вместе с кабановыми лакомилась желудями изюбры и ко-

сули, доставая их из-под снега с земли, усыпанной опавшими листьями.

Стояла охотничья пора. Кабаны привлекали к себе не только тигров: многие охотники стремились добыть побольше жирной кабанины. У полосатых владык северных джунглей появились опасные конкуренты. Нередко, слышав лай собак и выстрелы, тигрица поворачивала обратно, не желая сталкиваться с промысловиками, а те все глубже и глубже проникали в леса, и казалось, что нет места, где бы ни грохотали ружейные выстрелы. Только большой опыт тигрицы позволял ей вовремя обходить зверобоев, не сталкиваясь с их собаками. Самые же опасные для нее люди — тигроловы — еще не появились в зимних лесах.

Глава 2

ТИГРОЛОВЫ

На высоком обрывистом берегу Амурской протоки у самого спуска к реке приткнулся ничем не примечательный бревенчатый домишко под дощатой крышей. Наличники окон и фронтон его украшены скромными деревянными «кружевами». Вместо распространенных в поселке сливовых деревьев около дома растут две пышные елочки. Хозяин дома Аверьян Матвеевич Калугин — профессиональный охотник. На просторном, хорошо убранном дворе привязаны на цепь две молчаливые, не обращающие внимания на прохожих собаки. Волчья окраска и загнутые серпом кверху хвосты обличают в них лаек, но длинные висячие уши красноречиво доказывают наличие в роду легавых. Вошедший в дом попадал в прихожую, объединенную с кухней и отгороженную деревянной переборкой от большой комнаты с пятью окнами, уставленными фикусами. Из общей комнаты — «залы» — две двери вели в спальни хозяина и его девятерых детей. Ни на стенах, ни на шкафах и комоды не было видно не только оружия, но и какого-либо охотничьего снаряжения. Лишь изюбриные рога, висевшие в прихожей, подтверждали род занятий Калугина.

— А ну-ка, Колька, включи радио, какая завтра погода будет? — обратился Калугин к младшему сыну, делавшему уроки. — Эх похолодало. Того и гляди снег повалит,

а мы еще дома сидим. Надо завтра в тайгу подаваться. Мать, сухари скоро готовы будут?

— Почти готовы!

— Ну ладно, собирай, что ли, котомку, а я пойду бригаду поднимать.

С этими словами Аверьян направился к своим товарищам по охоте. Бригада Калугина состояла из трех человек: Федора Проскурякова, Луки Горбунова и Дмитрия Золотарева. Все они жили неподалеку. Не прошло и часу, как бригада собралась у Золотарева. Решили на следующий день ехать до станции Вяземской, затем добираться до Медвежьего по узкоколейке, а там податься на Светлый ключ, где у Аверьяна стояло зимовье. В этом году бригада Калугина выходила на промысел последней. Лишь несколько дней тому назад пришло на промхоз задание на отлов тигров; ждали его еще с начала осени, оно-то и задержало Калугина.

Теперь, кроме добычи пушнины, бригада должна была отстрелять восемь кабанов и поймать живьем двух тигрят. Не впервые выходил Калугин на промысел — на его счету было более двадцати тигров, — но каждый раз с волнением подписывал договор.

Вернулся Аверьян домой поздно. Его жена Анисья укладывала в объемистый рюкзак мешочки с сушеным луком, сухим молоком и крахмалом. Основные продукты — хлеб, сахар, масло, крупу — охотники возьмут на Медвежьем. Патроны, охотничье снаряжение — топор в чехле, нож, прибор для чистки винтовки, компас и небольшую аптечку — обычно укладывал он сам.

— Ну, мать, завтра отчаливаем, а теперь спать!

Упругая сетка никелированной кровати бесшумно подалась под могучим телом Калугина. Но ни тепло и покой этой кровати, ни вкусные борщи и пельмени, которые так мастерски умела стряпать Анисья, ни даже ее ласковое, теплое отношение к мужу не могли удержать старого охотника дома. Надвигался охотничий сезон — и он на несколько месяцев уходил в лес, ночевал в лучшем случае на жестких, с торчащими сучками нарах охотничьих барачков или ежился у костров, довольствуясь незатейливой похлебкой, а то и просто чаем с замерзшим хлебом. На промысле он не только не тосковал о семейном уюте и удобствах, но даже забывал об Анисье и детях, о Красной Речке и доме, отдаваясь всем сердцем во власть древней-

шей страсти человечества — охоте. Только в конце зимы, а то и в начале весны возвращался он домой, иногда привозя свои трофеи на большой лодке, сделанной им самим в лесу из сухостойника.

За внешней сдержанностью Калугина скрывались постоянство и большая его привязанность к своей жене. Еще задолго до отъезда в лес он навел образцовый порядок в хозяйстве: подвез к дому стог сена, утеплил хлев для коровы, наколот дров на четыре месяца.

Анисья и сама слыла хорошей хозяйкой, все спорилось в ее руках: дети ходили чистыми, опрятными, а полы в доме настолько блестели, что навещавшие Калугина приятели стеснялись в сапогах входить в комнаты и скромно садились в прихожей, пряча ноги под табуретку. Поначалу Анисья волновалась за мужа и даже требовала, чтобы он бросил охоту и перешел в совхоз пасечником, но спокойная уверенность Калугина в своей силе и охотничьем счастье передалась с годами и ей, а может, как знать, и в ее жилах текла кровь древних охотников, — и Анисья крепко сжилась с судьбой жены зверового промысловика и как умела помогала мужу.

Чуть свет Калугин спустился с крылечка, отвязал поскуливавших и дрожащих от возбуждения и холода собак и вышел за калитку. Заходя за угол, он бросил прощальный взор на окно дома, в котором белело грустное лицо Анисьи.

Калугин шел медленной походкой человека, несущего тяжесть, хотя рюкзак его был сравнительно легкий, — просто он не хотел вспотеть. Обычно бригада собиралась у Золотарева, дом которого стоял в центре поселка.

Дмитрий Золотарев происходил из уссурийских казаков, переехавших на Красную Речку со станции Тихонькая еще до революции. Он издавна держал лошадь, так как не представлял себе охоту без коня. В пору его молодости вокруг Тихонькой водилось много коз. Дмитрий настроливал за зиму по два, а то и по три десятка косуль, часть которых продавал на базаре. Вывести такое количество зверя без лошади было немыслимо. Умение ловко обращаться с конем да еще невероятная физическая сила Дмитрия пригодились в бригаде, где ему поручалась вывозка добытых зверей.

Хотя совсем рассвело, в окне Золотарева горел электрический свет. Все были в сборе и поджидали Калугина. Не

занося в избу оружия и рюкзака, Аверьян шагнул на кухню.

— Здорово, хлопцы!

— Здорово, батько! — отвечали все хором.

— Может, пельмешками из кеты закусишь? — предложил Золотарев, подвигая Калугину миску с пельменями.

— Спасибо, я только от стола.

— Ну как автобусом или поездом? — спросил самый молодой член бригады, Горбунов.

— Да, пожалуй, автобусом сподручнее: он как раз у переезда останавливается.

Жена Дмитрия Золотарева не имела детей, а потому с мужем расставалась всегда со слезой, не стесняясь своей слабости. Сунув в карман его суконной тужурки пару горячих пирогов, она помогла ему закинуть за плечи трехпудовый «сидор», как в шутку называл он свой рюкзак, и широко распахнула дверь. Все вышли во двор.

— Ну, Дарья, бывай здорова! Жди к Новому году, — улыбнулся Дмитрий.

Громко хлопнула калитка, и охотники, ведя на сворках собак, направились к автобусной остановке. Кондуктор автобуса — бойкая девушка узнала Калугина и благосклонно разрешила бригаде посадить своих четвероногих помощников, хотя, по строгому правилу автобусной конторы, этого и не полагалось.

Вдоль асфальтированного шоссе тянулись поля, разделенные низкорослым дубняком и орешником; лист на деревьях давно пожух, но не падал на землю. В дни своей молодости Калугин любил охотиться в таких перелесках за фазанами. Он находил их без собаки, по едва видимым следам в «порхалищах», где фазаны, как домашние куры, «купались» в песке.

После четырехчасового пути охотники высадились у Вяземского лесного склада. Отсюда предстояло ехать на Сихотэ-Алинь узкоколейкой, построенной для вывозки заготовленного леса. Маленькие, словно игрушечные, вагончики пассажирского поезда, в котором обычно ездили лесорубы, тянула «кукушка» — так в шутку назывался паровоз с непомерно большой и широкой трубой для улавливания искр.

Через три часа пути редкие, обожженные весенними палами дубово-березовые рощи сменились густыми кедрочами. Вот и первый сихотэ-алиньский перевал.

Уже в пути понаслышались новостей.

— Лимонника да винограда нынче много. Кедровой шишки и желудя очень мало, а вот маньчжурского ореха и лещины совсем нет, — рассказывал лесник. — Кабана и медведя поприбавилось, изюбр никуда не уходил.

— Белки пока маловато, может, ходовая пойдет.

За разговорами прошло полночи. Пронзительный свист «кукушки» известил о том, что поезд подходит к Медвежьему. На лесоучастке охотники закупили продукты, наняли лошадь, расспросили о переходах зверя. На следующее утро тронулись в путь. Впереди шел Калугин, за ним с лошадью Золотарев, остальные замыкали шествие. Земля на тропе подмерзла, шаги гулко отдавались в лесу. При переходе ключей лошадь вязла в илистой почве по самый живот. Тогда тигроловы быстро снимали с нее тяжелый вьюк, и коняга с трудом выбиралась из трясины.

Лишь вечером мокрые от пота охотники и лошадь притащились к крохотному барачку. Широко распахнутая дверь его приглашала путников скорее войти внутрь, затопить печку.

Не прошло и недели, как охотничья избушка на Светлом ключе имела вполне обжитой вид. Бревенчатые стены высохли и посветлели. На четыре стороны вились утоптаные в снегу тропинки.

Утром, едва солнце поднималось над заиндевевшими деревьями, охотники выходили на промысел. Каждый из них шел в направлении, избранном по желанию. Уже на второй день Золотарев принес в рюкзаке грудинку и кусок нежного внутреннего сала кабана. С этого дня мясо не переводилось на столе.

Разведав окружающие леса, промысловики срубили и поставили вдоль троп кулемки* на колонка, приманкой служили внутренности кабана и мясо рябчиков. Возле полыней ставили капканы на норку и выдру.

Преследуя табун кабанов, Золотарев встретил свежие тигриные следы. Боясь отпугнуть выстрелами драгоценных зверей, он отказался от охоты на кабанов и вернулся в избушку. Вечером, когда все собрались за дощатым столом, на котором едва уместились четыре объемистые миски

* Ку л е м к а — деревянная опадная ловушка, сделанная на месте промысла.

с дымящейся похлебкой, Золотарев не спеша рассказывал об увиденном:

— По всему видать, на Светлом живет семья полосатых. Фарт сам идет в руку! — заключил он.

Решили брать тигрят живьем. Из широкого медицинского бинта нарезали «концов», приготовили два просторных пеньковых мешка, проверили крепость поводков для собак. Тщательно наточили топоры и ножи. Узкая поперечная пила, согнутая кольцом, вошла в обширный рюкзак Золотарева, туда же он сунул на всякий случай одеяло. Спать легли пораньше.

В тот вечер Калугин долго не мог уснуть. Вспомнилось давно прочитанное: «Рисковать жизнью ты имеешь право лишь тогда, когда дело, ради которого готов на смерть, жизненно необходимо народу». Сам по себе зверь не страшен, но кто поручится, что тигрица, заступаясь за своих тигрят, не убьет человека? Значит, ты идешь на риск, но во имя чего — славы, большого заработка? Какая необходимость людям в твоей смелости? Одумайся, ведь выгоднее и спокойнее добывать соболей, норок. Нет, тигр не опасен. Охотники выловили сотни тигрят, и никто не погиб, даже не был изувечен. Оплошаешь — так тебя и поросенок кусать может. Ведь я прежде всего охотник, а «зверя бояться — в лес не ходить». Люди устраивают зоопарки и зверинцы, чтобы полюбоваться разным зверем, а без тигра какой же это зверинец? Нужно же кому-то ловить этих сильных кра-

сивых зверей. Правда, гоняться за ними трудно, нужно иметь здоровое сердце, но уж коли взял, то любо поглядеть: что клыки, что шкура! Да и рыкнет — аж земля вздрагивает. Не каждому доводится хватать за загривок царя зверей, побеждать его в честной схватке...

Сердце Калугина наполнялось профессиональной гордостью и уважением к своему нелегкому, но нужному людям труду тигролова.

Безмятежным сном спали его товарищи. Монотонно шипели дрова в жестяной печке...

В лесу еще царил непроявленная темень, а тигроловы были уже на ногах. Горбунов сходил на ключ и принес котелки с водой — один под чай, другой под кашу, подбросил сухих кедровых дров в печку. Железная труба мигом покраснела от сильного огня, горячий воздух наполнил избушку, пришлось распахнуть дверь. Здесь толпились собаки, терпеливо ожидая завтрака. Предчувствуя, что за тиграми предстоит многодневная погоня, охотники обувались тщательно: намотав по две суконных портянки, они натягивали на ноги олочи — кожаные носки с войлочными стельками; суконные просторные брюки выпускались поверх олоч и плотно обматывались у щиколотки оборками; шерстяные гимнастерки заправлялись в брюки. На ремне с одной стороны — охотничий нож в глубоких деревянных ножнах, с другой — плоский патронташ для трех обойм с патронами.

Солнце еще не вышло из-за горизонта, когда охотники во главе с Золотаревым, ведя на поводках собак, углубились в лес по одной из троп на восток от избушки.

Шли молча, ступая след в след, и, лишь пройдя километра четыре, сели, как по команде, на ствол поваленного ветром кедра. Изменяя распространенной среди охотников привычке к табаку, в бригаде Калугина никто не курил.

Собаки настороженно прислушивались к шелестящим в березовой коре синицам.

Короткая передышка — и снова цепочка охотников замелькала между коричневыми стволами кедров. Она то медленно поднималась на водораздельный хребет, то шумно спускалась в распадок. Наконец Золотарев остановился и показал на огромный выворотень. Падая под напором сильного ветра, кедр-исполин увлек на корнях почвенный слой и поставил его пятиметровой стеной на пути охотников. На снегу у этой естественной преграды виднелись круглые вмятины — следы тигрицы. Тигрята заинтересовались поваленным деревом, взбирались на его ствол и ходили по нему. Рассматривая следы, Калугин заметил:

— Тигрята еще совсем молодые, следок как у рыси, по тридцать килограммов будут, не более.

Обстоятельство, что тигрята годовалые, и радовало, и тревожило. Брать их было легче, но за таких особенно ревностно заступалась мать. До глубокого вечера шла бригада по тигриным следам. После захода солнца Калугин стал подыскивать место для табора. Вскоре бригадир заметил давно усохший ствол. Около него виднелись два высоких пня. Выгнившие в середине, они поднимались словно желтые трубы.

— Вот тут и заночуем, — остановился Калугин. — Дрова хорошие, и под бок положить есть что.

Скинув рюкзаки и отпустив собак, охотники принялись готовиться к ночлегу: Проскуряков пошел искать воду, Золотарев с Горбуновым взялись кромсать пустотелые пни, Калугин развел небольшой костер. На кол, наискось воткнутый в землю, повесили котелки с водой, которую Проскуряков обнаружил в незамерзающем ключике. Мороз был несильный, но на длинную ноябрьскую ночь требовалось много дров.

После ужина Калугин подошел к сухому кедру, отколол топором несколько смолистых щеп и поднес к ним зажженную спичку. Огонек робко перекинулся на щепу, расплылся синим коптящим пламенем по стволу кедра, лишенному коры, и юркнул в обширное дупло. Вскоре из верхнего отверстия пустотелого дерева, находившегося на

десятиметровой высоте, повалили клубы черного дыма. Кедр вспыхнул, как гигантский факел.

Щурясь от яркого пламени, охотники обступили горящий кедр и принялись сушить свои коротко обрезанные шинели, затем они развесили портянки, а Золотарев, потевший больше всех, разделся догола и, накинув на плечи сухую теплую шинель, просушил нижнее белье, гимнастерку и шаровары.

Более двух часов горел кедр, затем он стал потрескивать, локряхтывать и рухнул на землю, подняв в небо облако снежной пыли и искр. Стащив в кучу куски горячего дерева, охотники уложили вокруг длинного костра корытообразные обломки срубленных пней, улеглись на них, словно на садовых скамейках. За ночь костер прогорал несколько раз, и им приходилось подтаскивать свои деревянные «ложа» ближе к огню. Определив по звездам предрассветный час, Калугин поднялся.

— Ну что, дружина? Сегодня, наверное, догоним, — обратился он к своим товарищам. — С годовалыми тигрица далеко не ходит. Подфартило же тебе, Золотарев, годичков найти. Давайте завтракать — и по следу!

Предположение Калугина сбылось. Во второй половине дня они вышли на поляну, где незадолго до их прихода тигрята лакомились молодой кабаниной. Тигрица, лежавшая под густой елью на земле, лишенной снега, первая услышала шелест шагов. Ее зоркие глаза еще издали уловили силуэты людей и собак. Она отрывисто и глухо рявкнула, забила в беспокойстве хвостом по снегу и метнулась в сторону. Сигнал опасности, поданный матерью, вызвал у Ригмы страх: шерсть поднялась, глаза расширились, и она вместе с братом последовала за тигрицей. Легко и бесшумно мелькали в зарослях желтые звери. Они были отчетливо видны на белом фоне снега среди серых стволов деревьев, но стоило им остановиться, как вся семья словно растворялась среди зарослей.

— Вот где они пировали! — воскликнул Калугин, выходя на поляну. — Ну, ребята, собак пускать не сразу. Лука, отвязывай! Ты, Федор, своему намордник надень. Тигрята малые — порвет!

Дав понюхать собакам следы, охотники отпустили двух из них и разрядили ружья в воздух. Затем Калугин крепко завязал челюсти своему повизгивающему от нетерпения Чеку и также отвязал его со сворки. Вслед за Чеком убежал

и Бельчик Дмитрия, пес вязкий, но трусливый. Теперь охотники беспорядочно бежали по тигровым и собачьим следам.

Ригма отстала от матери и старалась не упускать из вида брата. Она видела, как две черные собаки с ходу бросились на него, сбили с ног, но тут же с визгом отскочили в стороны, испробовав остроту его когтей. Сменив направление бега, брат Ригмы устремился к спасительным зарослям густого пихтарника, но наперерез ему бросились с отчаянным лаем две другие собаки. Ригма видела, как заматался между деревьев брат, как снова его догнали черные собаки и, сбив с ног, начали прижимать к земле. Две другие собаки лаяли на расстоянии. Ригма бежала по следам матери. Впервые в жизни ее сердце наполнил ужас. Поднявшись на сопку, она увидела поджидавшую ее мать и успокоилась: мать в обиду не даст.

Пока тигры удалялись от места встречи с ловцами, собаки, окружив оставшего тигренка, принудили его залезть под выворотень и оттуда, как из пещеры, отбиваться лапами. Не будь у самых злобных псов челюсти завязанными, они задушили бы его.

Первым к месту свалки подоспел Калугин. Видя, что тигренок сам залез в западню, он стал ловить собак и привязывать их к деревьям. Подбежавшие охотники помогли ему. Когда собаки были отстранены, ловцы принялись вытаскивать тигренка из-под выворотня. Набросив с помощью палок на него одеяло, они прижали зверя к корням, а затем, надев на переднюю лапу веревочную петлю, вытащили его наружу и связали бинтами.

Оставив возле пленника Луку, остальные тигроловы пустились догонять Ригму. Не привыкшая к длительному бегу, потеряв из вида мать, она забилась в бурелом и там затаилась, чутко прислушиваясь к каждому шороху. Старая тигрица могла уйти от преследователей, и никакие собаки не догнали бы ее, если бы великий инстинкт материнства не привязывал ее стальной петлей к опасному месту. Молодой охотник, стороживший дорогую добычу, и не подозревал, что из гущи лесной заросли на него смотрят, мерцая огнем жгучей ненависти, два зеленых тигриных глаза. Зашевелились или подай голос тигренок, мать поспешила бы к нему на помощь, и тогда несдобровать Луке. Неслышно подползла бы она к нему на животе из-за укрытия и в два огромных прыжка, как падающее дерево, обрушилась бы на беспечно-

го парня... Но тигренок лежал без движений и не подавал голоса. Может, он мертв? Обойдя Луку на приличном расстоянии, тигрица направилась разыскивать Ригму, к которой тем временем подходили охотники.

Как ни горел желанием Калугин продолжить поиск, ночная тьма остановила охотников на тигриных следах. Тут уж не до удобств. Разведя маленький костер, люди просидели над ним остаток ночи.

Накипятив из снега горьковатой воды, они заварили ее лимонником, разлили по кружкам и поужинали мерзлым хлебом с салом. Хотя сон был кратким, усталость прошла. Только на войне да на охоте потрясенная нервная система творит чудеса с человеческим организмом, и он становится способным переносить напряжения, немислимые в обычной жизни.

Наступил день, и возобновилось преследование тигров. Собаки, обнаружив Ригму в буреломе, окружили ее со всех сторон. Они не могли ее атаковать, но и не давали выбрать надежный путь к отступлению. Желая напугать своих врагов, Ригма громко рыкала и шипела, отчего собаки еще больше входили в азарт и норовили вцепиться в ее бока. На помощь собакам бежали охотники, не подозревая, что с другой стороны к ветровалу кралась старая тигрица. Завидя хозяев, собаки смелее накинулись на Ригму, но она вдруг сделала высокий прыжок и, перемахнув через преследовательниц, устремилась в чистый кедровник. Собаки оказались проворнее: как ни напрягала она последние силы, два серых пса, сорвав намордники, почти одновременно схватили ее за задние лапы. От боли Ригма издала резкий гортанный звук, который был воспринят матерью как крик о помощи. Не успели собаки опомниться, как одна из них была отброшена ударом лапы тигрицы, а другая судорожно забила в ее пасти.

Подбегая, Калугин даже расслышал, как отчаянный вопль его любимого Чека слился с леденящим душу хрустом раздробляемого позвоночника. Швырнув бездыханного врага через плечо, тигрица ловким прыжком, словно ловящая мышь гигантская кошка, прижала передними лапами к земле еще одну жертву. Мгновенный удар клыков — и пес превратился в бесформенную массу на снегу. Оставшиеся в живых Бельчик и Тайга бросились наутек, поджав хвосты.

Калугин в отчаянии сбросил с плеча карабин и не

целясь, желая только отпугнуть зверя, дважды подряд выстрелил. Описав петлю, собаки бросились ему под ноги, приводя «на хвосте» расвирепевшую тигрицу. Калугин, как истый тигролов, осуждал тех, кто стрелял, даже в целях самозащиты, в редких зверей. И когда тигрица, оставив собак, кинулась на него, он только перекинул карабин и сунул приклад в ее пасть, словно перед ним была не старая тигрица, а тигренок. Крепко сжимал карабин Калугин, да удар тигриной лапы по прикладу оказался настолько силен, что оружие вырвалось из его рук и отлетело на несколько метров в сторону. Сорвав с головы меховую шапку, бывалый следопыт сунул ее вместе с рукой в оскаленную пасть наседавшего зверя, но сомкнувшиеся челюсти «прошили» руку с ушанкой. Тигрица поднялась на дыбы и передними лапами нанесла несколько сильных ударов по плечам и голове Калугина. В ушах у него зазвенело, и что-то горячее полилось за ворот гимнастерки. Теряя сознание, Калугин увидел, как у самого его лица раскрылась клыкастая пасть... «Конец!» — мелькнуло в его затуманенном сознании.

Как будто издалека донеслись звуки выстрелов и крики бросившихся на выручку товарищей... Через мгновение Калугин очнулся. Он хорошо расслышал голос Золотарева:

— Тигрица готова!

— Крепись, Аверьян, сейчас освободим.

Дмитрий и Федор оттащили в сторону вздрагивавшую тигриную тушу, помогли Калугину подняться. Сплюнув кровавый сгусток на снег, он попытался надеть на голову шапку, но рука не повиновалась. Товарищи торопливо осматривали его, желая скорее убедиться, что раны не смертельны.

Тигрица успела прокусить плечо Аверьяна, несмотря на пиджак из прочного солдатского сукна, и раны от ее клыков были довольно глубоки. Хорошо, к счастью, что хоть кости плеча и крупные кровеносные сосуды остались целы. Ударом лапы тигрица повредила Аверьяну нижнюю челюсть и когтями порвала кожу на шее. Сгоряча он не почувствовал боли, дал перевязать себя нижней рубашкой и бинтами.

Ригма видела, как мать, умертвив двух собак, бросилась на охотника, как подоспевшие тигроловы стреляли в нее. Она была уверена, что мать обратит врагов в бегство, а затем скроется с ней в горах. Отбежав с километр, Ригма остановилась, но ужас снова овладел ее сердцем и она на махах стала уходить от страшного места.

Видя растерянные и озабоченные лица товарищей и желая ободрить их, Калугин, будто ничего не случилось, улыбувшись, запел свою любимую песню «По диким степям Забайкалья...», но вечером не то что говорить, а и открыть рта не мог.

Золотарев советовал переночевать, а утром наикратчайшим путем возвратиться в избушку. Федору же поручалось идти за Лукой и вдвоем с ним тащить тигренка.

Грустная ночь наступила для тигроловов. Как-то перенесет раны Калугин, дойдет ли сам до избушки? Усадив у костра Аверьяна и напоив его крепким чаем, охотники сняли с тигрицы шкуру, схоронили в дупле старой липы своих лучших псов, поужинали вареной тигрятиной. Аверьян кроме теплой воды ничего не мог проглотить. Челюсть его распухла, раны болели.

— Хоть и жаркий костер, грудь — в тепле, спина мерзнет. Давайте второй разведем, — предложил Федор. — Аверьян между кострами ляжет, — тогда ворочаться ему не надо.

Запылал еще один костер. Калугин лежал в дремотном забытии. Поддерживая огонь, товарищи следили за тем, чтобы одежда на Аверьяне не загорелась от искр. Вспоминая о несчастных случаях на охоте, Золотарев неторопливо рассказывал:

— Меня в молодости тоже зверь драл. Охотился я на Алчане. Ружьишко слабое, одноствольная переломка. Нашел дупло с белогрудым медведем, давай в него прутом ширять. Вылезай-де наружу! Поначалу медведь палку закусывал, потом, гляжу, — полез. Сквозь дупло вроде пятно на груди сбелело, ну я и пальнул, но пуля, видать, не по месту ударила. Медведь рывкнул, да на меня с дерева и сиганул. Сбил, конечно, с ног, втоптал в снег и давай когтями рвать. Телогрейка на мне толстая, только вата клоцьями летит. Силюсь подняться, надо скорее добить зверя, а он меня лапой... Хоть удар и скользом пришелся, но кожу с волосами на голове наполовину завернул. Кровища хлынула. И такая меня злость взяла, что и боли не почувствовал. Схватил ружье за ствол да как врежу по медвежьей башке, аж приклад вдребезги. Рывкнул медведь — и в сторону. Протер я глаза, а его и след простыл. Прибег на зимовье. К черепу кожу аккуратно приладил, а сверху пригоршню соли высыпал. Слышал, что при таких ранениях — первейшее средство.

— Это ты зря, — вставил Федор, — свежей золой засыпать надо.

— Золу не пробовал, а соль помогла, — улыбнулся Золотарев. — В ту пору ни докторов, ни фершалов в наших деревнях не было. Лечись кто как может.

В течение ночи охотники не давали угаснуть огню, заботились, чтобы Калугин все время находился в тепле. Утром Аверьян едва поднялся. Бригада разделилась: Калугин с Золотаревым тронулись в обратный путь. Впереди шел Золотарев. Он нес два карабина и рюкзак Калугина. К обеду показалась избушка. Ночевать в ней не решились. Короткая передышка, несколько глотков теплого чая — и снова в путь. Лишь поздней ночью они пришли в поселок.

Молодой врач внимательно осмотрел пострадавшего, сделал перевязку и уколы против столбняка. Он настаивал на срочном выезде в районную больницу для накладки швов. С первым попутным товарняком охотники направились в районный центр. Тяжело было Золотареву отводить друга в больницу, отдавать его в руки хирурга. Не боящиеся звериных клыков и когтей, эти мужественные бородачи робели перед шприцем и скальпелем. Оставив Аверьяна в больнице, Золотарев в тот же день вернулся на лесоучасток, а затем в охотничью избушку: при вывозке драгоценной добычи его помощь была необходима.

Глава 3

В НОВОЙ СЕМЬЕ

Осиротевшая Ригма в течение нескольких дней ничего не ела. Ночевала она в старых кабаньих гайнах *. Прошло две недели. Желудок все настойчивее требовал пищи, но добыть себе на обед оленя или кабана Ригма еще не умела. К счастью, в ту зиму в лесу водилось много полевок. Стоило Ригме остановиться и прислушаться, как в то же мгновение до нее доносился шорох. Это под снегом суетились короткохвостые мыши. И хотя Ригма принадлежала к лесной «знати», она была прежде всего кошкой. Может, именно

* Г а й н о — гнездо для ночевки, устраиваемое кабанями на земле из мелких веток и сухой травы.

поэтому она не пренебрегала лесными мышами и ловила их во множестве.

Как-то ночью ей посчастливилось поймать зайца. Испугавшись лисы, косою сам прискакал к ней в лапы. И все же для изголодавшейся молодой тигрицы это были крохи, и она мечтала о сочном мясе кабана и нежной изюбрятине.

Поселившись в районе, облюбованном кабанами, Ригма ходила по их тропам. Она много раз видела пасущийся кабаньей табун, близко подкрадывалась к нему, но боялась схватить даже поросенка: вокруг, громко чавкая, поблескивая грозными клыками, ходили крупные секачи. Однажды Ригма подошла к гайну, с которого только что встала свинья с выводком поросят. Кабанье гнездо, выстланное вейником, густо пахло и еще хранило тепло. Ригма прилегла на мягкую подстилку и от удовольствия зажмурилась. Дремоту мгновенно прогнал шорох легких шажков приближающегося зверя. Ригма припала к земле и вся превратилась в слух и зрение. Вскоре она увидела, что по тропе бежит маленький поросенок, — Ригме он показался беззащитным. Малыш, возмечтавший поспать часок-другой в теплом гайне, находился почти у заветной цели, как вдруг навстречу ему выпрыгнул полосатый зверь. Резкий верещащий крик взметнулся в холодное серое небо и тут же оборвался.

Впервые в жизни самостоятельно овладела Ригма добычей, достойной ее «царского» происхождения. За три дня она съела поросенка с кожей и костями головы и почувствовала прилив сил и уверенности. После этого случая она осмелела и решилась на более дерзкое нападение.

Кабаньей табун голов в сорок безмятежно пасся на хвоще, вырывая его из-под снега. Ригма несколько раз обошла зверей на почтительном расстоянии. Место было вполне подходящее для успешного нападения, но план осложнялся тем, что вместе с кабанами ходили два изюбра. От их зорких глаз трудно было укрыться даже тигру. Ночью Ригма сумела бы обмануть бдительность оленей, но днем от нее требовались большая выдержка и терпение, а этими качествами молодая тигрица еще не обладала. И хотя Ригма, распластавшись на снегу, ползла от прикрития к прикритию подобно огромной полосатой змее, изюбры заметили ее. Подпрыгивая на месте, они совсем по-собачьи «залаляли» на тигренка. Кабаны хорошо знали, что «лай» изюб-

ров является верным предупреждением об опасности. Они стремглав бросились на гору и скрылись за перевалом. Следом поскакали сторожкие изюбры.

Много было еще неудачных охот у Ригмы, но с каждым разом опыт ее обогащался.

Случилось, что Ригма вышла на свежие следы незнакомых ей тигров. Старая тигрица с двухгодовалыми тигрятами переходила в новый район охоты. На ее тропе оставалась недоеденная добыча, которой и пользовалась Ригма, отгоняя ворон и мелких зверушек. Вскоре тигрица обнаружила Ригму. Удостоверившись, что перед ней тигренок, она не стала его преследовать. Тигрята хотели наброситься на незнакомку, но когда поняли ее доброжелательные намерения, стали заигрывать с ней, как бы приглашая следовать за собой. Вскоре Ригма вошла полноправным членом в новую семью, разделяя с ней все успехи и неудачи лесных охотников.

Старая тигрица, заменившая мать Ригме, была доброй мачехой. Она не обижала сироту. Лаская своих взрослых детей, уделяла ей нежности отнюдь не меньше, чем им. При удачной охоте уступала Ригме лучшую часть добычи и не позволяла своим тигрятам обижать ее.

Тигры жили дружной, веселой семьей, устраивали коллективные охоты, во время которых Ригма училась у старших, как выслеживать оленей и кабанов, подкрадываться к ним и мгновенно умерщвлять. Гора, где жили тигры, редко посещалась охотниками. Она носила краткое и странное название Ко, данное ей удэгейцами. Ригме казалось, что кроме человека и собак у тигров нет врагов и все четвероногие обитатели Сихотэ-Алиня боятся старой тигрицы, владычицы лесных дебрей. Вскоре она убедилась в ошибочности своего мнения.

В ту зиму во всех окрестных лесах из-за недостатка пищи большие бурые медведи не залегали в обычную спячку. Один старый шатун неотступно следовал за тигриной семьей, подбирая остатки их пиршеств. Медведь был худ и подслеповат. Черная тусклая шерсть свешивалась с его туловища длинными клочьями и местами слипалась от кедровой смолы. Когда он шел по утоптанной кабаньей тропе или по льду речки, длинные когти передних лап, выступавшие на добрый десяток сантиметров, зловеще выстукивали, как кастаньеты. Его вечно пустой желудок мог с успехом переваривать все, что попадало ему на зубы:

зимний хвощ и траву, мясо кабана и его кости. Не гнушался он и падалью, грабил запасы охотников и припрятанную ими добычу. Большую часть найденного он съедал на месте, а что не мог проглотить, утаскивал и прятал про запас в укромных местах. Он имел прекрасное чутье, по интонациям вороньего крика мог определить, есть ли пожива у этих черных кумушек. Шатун не терпел себе подобных и жил мрачным отшельником. Сколько было ему лет, никто не знал. Очевидно, он был убежден, что является «старейшим», хозяином сихотэ-алиньских лесов.

Избегая встречи с тигрицей, бродяга не испытывал страха перед ней. Он просто не хотел заводить ссору, зная остроту тигриных зубов и когтей. Его вполне устраивала жизнь захребетника. Но если с главой семьи он обходился почтительно, то Ригму не терпел и однажды, застигнув ее за поздним завтраком, с ревом набросился на нее. Не раз отгонял медведь от добычи и взрослых тигрят. Они огрызались, но боялись трогать своего обидчика.

Шатун до того обнаглел, что как-то явился незванным гостем прямо к «обеденному столу». Тигрица, не успевшая утолить голод только что убитым изюбром, с яростью напала на медведя. Она ловко награждала пришельца сильными ударами передних лап, но пустить в ход свои смертоносные клыки не решалась, боясь попасть в железные объятия шатуна. Медведь, издавая оглушительный рев, принимал угрожающие позы: шерсть на его загривке встала дыбом, он выпускал длинные крепкие когти, загребая ими в воздухе. Очень не хотелось ему сражаться с ловким и опасным врагом, он лишь старался поскорее отпугнуть тигров от их добычи, источавшей столь аппетитный запах, что слюна, наполнявшая ему рот, падала на снег. По натуре, как и все медведи, шатун имел очень упрямый нрав и, когда нужно было добыть любимую и вкусную пищу, мог переносить сильное физическое напряжение и боль. Ссора могучих хищников сихотэ-алиньских лесов перешла в настоящую битву. Оба врага были чрезмерно голодны, а посему никто не хотел уступать. По законам тайги посягать на чужую добычу мог только сильнейший. Это поняли взрослые тигрята и, желая помочь матери, тоже начали теснить медведя. Видя, что его атакуют уже три тигра, медведь начал пятиться, прижимаясь задом к толстым деревьям, и вскоре оставил поле боя.

Победителями на этот раз оказались тигры, но Ригма убедилась: кроме человека, нужно опасаться больших бурых медведей.

В середине зимы табуны кабанов перешли в распадки, густо поросшие зимним хвощом. Тигры облюбовали крутые солнечные склоны близлежащих сопок и изредка делали набеги на кабаньи стада. Насытившись, тигрята любили валяться на земле, усталой прошлогодними листьями. Они грелись под скупыми лучами зимнего солнца. Желая хорошо выспаться, Ригма разыскивала старые брошенные гайна кабанов. Выстланные сухим вейником и размочаленными ветками, эти большие гнезда

были мягкими и сравнительно теплыми убежищами.

Зима на Сихотэ-Алине мало-снежная, солнечная. В открытых долинах больших рек зимние муссоны пронизывают ледящими морозами все живое. В царстве густых смешанных лесов и невысоких сопок они стихают. Шум легкого ветра, запутавшегося в кронах исполинских кедров, доносится невнятно, словно шум далекого морского прибоя. Внизу, у самой земли, покрытой рыхлым, как пышная вата, мягким снегом, — тихо. Не шелохнет ветвь лещины сухими листьями, не упадут на землю снежные гирлянды, причудливо развешанные по кустарникам.

Лишь только в начале зимы, пока ледяным панцирем не покроеется Амур, да в преддверии ранней весны врываются в эти леса разрушительные циклоны. И тогда под напором ураганного ветра выворачиваются с корнем вековые кедры, ломаются старые липы.

Даже тридцатиградусные морозы были не страшны тиграм. Природа позаботилась об этих теплолюбивых животных: длинная шелковистая шерсть и довольно толстый слой жира под кожей надежно защищали их от стужи. В самую холодную часть суток — ночью и в предрассветные часы тигры бодрствовали. Они совершали обход своих владений, охотились. Тигрята играли и резвились с Ригмой. На деревья они не лазали, но валежины и полуповаленные ветром стволы лесных великанов привлекали их к себе: звери забирались на них, осматривая с высоты лесные дебри. С наступлением дня они выбирали место для отдыха и, пригревшись на солнцепеке, чутко дремали.

Тоскливо тянулись больничные дни Калугина. Его навещала Анисья, принося домашнюю снедь. Казалось, он вполне выздоровел. Накинув на плечи халат, едва прикрывавший колени, старый тигролов подолгу просиживал у окна. На горизонте виднелись едва различимые светло-голубые сопки. Там прошли лучшие годы его жизни. Услужливая память воскрешала сцены давно минувших охот, и он переживал их сызнова. Вспомнилась далекая юность. Он, русоволосый парень, впервые взял в руки ружье и затерялся в широком раздолье весенних амурских лугов.словно пшеничное поле, колыхался по ветру золотистый вейник, и не было ему ни конца, ни края. Лишь изредка среди необозримого простора синели мелкие озера с подступавшими к самой воде осиновыми рощицами. Тучи крикливых уток и стонущих куликов носились в небе.

Немного дичи добыл в первую свою охоту Калугин, но глубоко запала в душу великая радость общения с природой, полюбились голубые заливы с белоснежными лебедями, нависшие над водой зеленые ивы. И когда наступила осень и в небе поплыли на юг гусиные стаи, оставил он навсегда дымную кузницу и ушел в тайгу на промысел.

Есть в каждой стихии чарующая сила. Одних влечет море, иных манит небо. Калугина властно позвал к себе лес. Этот зов, подобный инстинкту, рожден был вместе с ним.

Без него Калугин не стал бы следопытом. На охоте он больше всего ценил первозданную красоту леса. Ему доставляло радость прокладывать первый след в девственной тайге, наблюдать скрытную жизнь ее обитателей.

Возвращаясь в избушку смертельно усталым, с пустым рюкзаком, он снимал шинель, промокшую от пота и растаявшего снега, и спокойно и уверенно готовился к новому дню охоты. Счастье его всегда было впереди, как зверь — в конце следа. Недюжинная сила и ловкость являлись залогом его успеха на промысле.

Вскоре Калугин постиг хитрые повадки зверей, понял потаенные законы их жизни. Поначалу он предавался спортивной страсти, соревнуясь со зверем в быстроте и выносливости. Он хвалил себя за меткий выстрел, но все чаще и чаще проникала в душу жалость к зверю, и лишь ловля тигров живьем всегда веселила его бесхитростное сердце: добытый зверь оставался живым.

Лежа на постели, Калугин раздумывал о своих товарищах, оставшихся в тайге. Стоял разгар зимнего промысла, а для настоящего охотника нет ничего мучительнее, как сидеть в такую пору дома, поглядывая с тоской на перепадающие за окном пороши. Не хотелось, чтобы без него ловили тигров, он даже ревновал приятелей к заветным берложьим местам. Лечивший Калугина молодой хирург тоже увлекался охотой. Делая обход больных, он подолгу останавливался около тигролова, расспрашивал о настроении.

— Скажите, доктор, — спросил как-то Калугин, — почему говорят: «Охота хуже неволи»?

— Охота не хуже и не лучше, она крепче неволи. Раньше невольника заковывали в кандалы, и то убегал. Вас охота, я вижу, держит крепче цепей.

— А по-моему, охота — веселье. Душу человеческую она тешит. Я на охоте все забываю!

— Положим, не всегда. Для вас она могла кончиться плачевно.

— Это, доктор, пустяки, маленько зверь поцарапал. Отпустили бы вы меня. Перевязки я и сам умею делать. В лесу скорее поправлюсь.

Но хирург не соглашался. Прошло около месяца, прежде чем Калугина выписали из больницы. Тем временем его товарищи вывезли из лесу брата Ригмы и сдали его на базу «Зооцентра».

Аверьян не стал засиживаться дома. Напрасно Анисья убеждала его не ходить до следующего сезона на промысел. Ничто не могло так быстро восстановить силы Аверьяна, как целебное воздействие девственного леса. Он снова отправился на Светлый ключ — там находились его товарищи.

— За кабанам да за медведями не буду мотаться, а за пушниной похожу, — сказал он на прощанье Анисье.

Прошла зима. С богатой добычей вернулась бригада Калугина. Сотни белок, десятки колонков, норок сдали охотники на приемный пункт. Теперь перед ними стояла задача обзавестись хорошими собаками, ибо еще «злее» на тигров стал их бригадир.

— На будущий год все равно план выполним: двух тигров обязательно поймем, — твердо заявил Аверьян Матвеевич на вопрос директора промхоза, будет ли он после ранения продолжать ловлю тигров.

Наступила вторая весна в жизни Ригмы. Теперь она уже не беспомощный тигренок, таращащий глаза на все движущееся. Под великолепной золотисто-белоснежной шкурой молодой тигрицы крепили и разрастались могучие мышцы царственного хищника, способные при необходимости толкнуть ее упругое тело на несколько метров вперед. Не только подсвинки, но и молодые изюбры могли стать ее жертвой.

Старшим тигрятам исполнилось по три года. Они мало чем отличались от взрослых зверей и переходили на самостоятельную жизнь, подолгу пропадая на дальних переходах, затем снова возвращались, чтобы совместно поохотиться на оленей. К Ригме они относились по-прежнему дружественно, явно тяготясь ее нерешительностью. В эту пору Ригма еще теснее сблизилась со своей приемной матерью, а та весь остаток материнских чувств перенесла на сироту.

Весеннее солнце да теплые ветерки испарили снег за долго до вскрытия рек, не разливающихся весной. Снова наступило время лесных пожаров. И все-таки жить Ригме стало гораздо легче, чем зимой, хотя по шуршащему листу очень трудно подойти не только к изюбрам, а даже к роющим в земле кабанам. Зато как сливалась ее необычная расцветка с весенним березняком, усыпанным желтой

листвой! Когда, проплывая между тонкоствольными берегами, Ригма останавливалась, ее теряла из вида даже старая тигрица, обладавшая очень острым зрением.

Прошла весна. Летние муссоны еще долго не приносили дождевых туч. Обмелели реки. Изюбры, у которых отрастали новые рога, забирались в непролазные чащи; свои нежные панты оленя-быки несли осторожно: прикосновение к ним даже тонкой веточки вызывало у животных боль. В эти знойные солнечные дни Ригма спускалась к тихому заливу горной реки и ложилась в воду. Тучи комаров и слепней звенели вокруг. Иногда она переплывала залив и подолгу нежилась в тени ивовых зарослей на сырой илистой почве.

Лето — лучшая пора в жизни Ригмы. В лесу нет охотников. Только один раз видела она человека. Он снимал кору с толстых бархатов и относил ее к берегу реки, где складывал между вбитыми в землю кольями. Хорошо жилось летом, буйная растительность скрадывала шаги, скрывала с головой. И какой только пищи нет в распоряжении тигров! Больше всего Ригма любила мясо молодого кабана или оленя. Ради лакомства ловила птиц, бурундуков и крупных кузнечиков. Она поела даже траву и лесные ягоды, необходимые ей как витамины.

К лету Ригма теряла свой длинный волос. На фоне яркой зелени ее выдавал белесый наряд, но она охотилась главным образом ночью и в сумерках, и наряд не особенно мешал успеху охот.

Лето минуло незаметно. Сентябрьские утренние заморозки посеребрили лесные поляны. Как-то, переходя горную реку Катэн, Ригма услышала громкое всплескивание воды, словно какой-то зверь брел руслом. Мгновенно выпрыгнув на крутой берег, она внимательно осмотрела перекаат реки, откуда доносился непонятный шум, но на реке никого не было. Может, зверь уже перешел реку и стоит где-то в прибрежной заросли? Желая выяснить причину всплесков, Ригма подошла к перекаату и стала приюхиваться к мокрой гальке. Вдруг крупная рыба с красноватыми боками и загнутыми зубастыми челюстями выбросилась на мелководье перекаата и, энергично извиваясь всем телом, поползла вверх против течения, словно гигантская ящерица. Ригма настигла рыбу, схватила ее зубами и вынесла на берег. Это был морской лосось — кета, пришедшая на нерест.

С большим наслаждением съела Ригма лосося. Все кошки мира равнодушны к рыбе: ведь она редко перепадает им на обед! После этого Ригма неоднократно появлялась на катэнском перекате, подкарауливая проходящую кету, пока лед не покрыл реку.

На Сихотэ-Алинь снова пришла зима. Желтые полосы и светлая окраска Ригмы делали ее совсем незаметной на фоне заснеженного леса.

С наступлением зимы лес снова заполнился охотниками. Всюду слышались выстрелы, лай собак. И тигры, как по команде, исчезли в глухих отдаленных делях, где редко ступала нога промысловика.

Глава 4

ПЛЕН

Еще до начала охотничьего сезона Аверьяна Калугина вызвали в промхоз.

— Возьмешься ловить тигров? — спросил его охотовед. — Нынче имеем план поставить четырех тигрят для нашего Госцирка. Двух думали дать тебе, а двух — бригаде Авдеева.

— Обязательно возьмемся, — ответил Калугин. — Вот только куда податься? На Светлом тигриных следов нет.

— Езжайте на Катэн. Удэгеец Мирон на пантовке там был, четыре свежих следа на косе видел. Ну, так как, будем заключать договор?

Сообщение о свежих тигриных следах наполнило радостью охотничье сердце Калугина. Похлопывая и потирая руки от удовольствия, он улыбнулся, отчего обычно хмурое лицо его стало красивым, взял бланк договора и сел заполнять.

Выйдя из промхоза, Калугин пошел разыскивать свою бригаду, чтобы сообщить товарищам о скором выезде на промысел. Все они были профессиональными охотниками. Летом охотились за пантами, искали женьшень или заготавливали кору бархата амурского, собирали ягоду лимонника. Осенью и весной ловили рыбу, зимой промышляли разного зверя. Получалось, что большую часть года они были заняты в лесу и у реки и лишь немного времени могли уделить хозяйственным делам.

За крупных трехлетних тигрят охотникам выплачивали по тысяче двести рублей. Кроме того, ни один зверь не приносил столько славы охотнику, как пойманный тигр. Корреспонденты каждый год фотографировали бригаду Калугина, писали о ней небывалые истории, над которыми посмеивались сами тигроловы, но все-таки видеть в газете свое изображение было каждому приятно.

Не прошло и недели, как бригада Калугина окончила сборы и выехала на Катэн. Звероловы были уверены в себе, охотничье счастье не изменяло им в течение ряда лет, вот только новые собаки беспокоили. Это были рослые пегие дворняги с висячими ушами, вся доблесть которых заключалась в том, что они отчаянно гоняли по селу кошек и бродячих свиней. На охоту прежде они ходили лишь на уток да на коз.

К месту промысла прибыли в конце октября. Стояла солнечная погода. Снег еще не запорошил землю. У шумящего в каменном русле ключа охотники поставили невысокий сруб, затем сверху ловко натянули палатку. Внутри вдоль трех стен соорудили нары, устлав их сухим вейником, а посередине сруба установили жестяную печь. Рядом с жильем появился лабаз для продуктов.

Теперь охотникам предстояло разведать окружающую местность: какой и где поблизости водится зверь. С этой целью в один из погожих осенних деньков бригада разошлась в разные стороны.

...Чем дальше углублялся в лес Калугин, тем свободней и радостней дышала его грудь, наполняясь чистым лесным воздухом. Словно близких друзей, осматривал он мохнатые кедры и улыбался им, вслушиваясь в едва внятный приветственный шепот таежных исполинов. Шуршащие под ногами листья источали горьковатый запах, знакомый и приятный обонянию охотника. Сквозящий лес позволял издали различать стволы толстых лип, исцарапанные медвежьими когтями, обширные порытки кабанов, дупла старых усохших кедров. Калугин поднимался на гряде сопок, спускался в ключ и, перейдя его по замшелым камням, снова взбирался на косогор, пристально всматриваясь в глубь леса. При ходьбе он не смотрел под ноги, но от его взора не ускользнули ни один след, ни одна подозрительная вмятина в почве. Подняв с земли крупную золотистую кедровую шишку, он обломил смолистые чешуйки и положил ее в карман.

Пройдя к полудню с десяток километров, Калугин повернул обратно. На пройденном пути ему пришлось пересечь несколько свежих следов изюбра, кабанов и медведей. Обилие непуганого зверя радовало. Калугин решил выследить изюбра. Олени, облюбовав солнепечный косогор, собирали опавшие желуди, переворачивая носами листья, словно свиньи. Будь на земле снег, Калугин запросто бы подкрался к пасущимся изюбрам, а теперь все зависело от его выдержки и осторожности. Стараясь как можно меньше производить шума, Калугин осторожно пробирался сквозь заросли лециновых кустов, беспрестанно останавливаясь, прислушиваясь и осматриваясь по сторонам.

Поднявшись на стрелку, он присел на валежину и достал из кармана шишку. Кто из охотников не любит сладковатых маслянистых орешков! В лесу, да еще проголодавшемуся, они кажутся особенно вкусными. Долго сидел Калугин, прежде чем обратил внимание на причудливое сухое дерево, вывернутое ветром с корнем и поваленное на землю. Валежина очень напоминала насторожившегося оленя. Бросив шишку, Калугин стал пристально всматриваться в неподвижный предмет, казавшийся ему не то оленем, не то выворотнем. Легкий поворот одного уха — и перед охотником ясно вырисовался замерший на месте изюбр. Сомнений не было. Спокойно подняв карабин, Калугин выстрелил. «Валежину» как ветром сдуло. Разделав изюбра и прикрыв добычу еловыми ветвями, Калугин положил в рюкзак добрый кусок мяса и зашагал к избушке. Придя на зимовье первым, он наколот дров и поставил варить изюбятину. Товарищи вернулись в сумерках. Все они были возбуждены встречами со зверями, хотя стрелять никому не удалось. Следов тигров никто не видел.

Прошло несколько дней. Охотники добыли подсвинка, наловили в речке золотистых ленков, настреляли несколько десятков белок, а пороша все не выпадала. С каким нетерпением ожидали тигроловы снега!

Однажды, встав поутру, они не узнали знакомого пейзажа: под пухлой снежной пеленой исчезла зелень елей, желтизна густого вейника. Ни одно явление природы не заставляет так сжиматься в сладостной истоме сердце охотника, как свежая пороша! Наскоро позавтракав, бригада разбрелась по тайге. И снова Золотареву посчастливилось найти след двух тигров. Один из них принадлежал Ригме. Не подозревая об опасности, с увлечением охотилась она

вместе со старой тигрицей. Они убили кабана и, не торопясь приступить к завтраку, лежали под навесом старых пихт. Тихо и глухо было в лесу. Мерный шепот снежинок не прерывался ни единым звуком. Вдруг треснула лежащая на земле сухая ветвь, зашуршали кустарники. Такой звук могли издать только охотники. Тигры заволновались. Вскочив с лежек, они стали прислушиваться, жадно втягивая в себя влажный, лишенный запахов морозный воздух. Но вот запахло людьми.

Старая тигрица замерла. Ее раздражение выдал хвост, вздрогнувший несколько раз. Нужно немедленно уходить. Словно тени, замелькали тигры в редких просветах между деревьями, — они не убегали, но, ускоряя шаг, с достоинством, заблаговременно уступали дорогу человеку.

Вскоре показались сами тигроловы. Они подошли к месту последней лежки зверей и обнаружили еще теплого кабана. Спустив собак, охотники дали залп и подняли крик. Уходившие тигры слышали выстрелы и перешли на прыжки, разойдясь в разные стороны.

Подбежав к месту, где Ригма свернула в еловый ключ, охотники устремились по ее следу. Лишь один Лука ушел за старой тигрицей, постреливая на ходу в воздух, чтобы угнать ее подальше.

Собаки быстро догнали и окружили Ригму. Тигрица могла постоять за себя, если бы не одновременное нападение псов. Она заметалась между ними, стараясь отпугнуть дворняг своим грозным видом. Ей хотелось проучить желто-пегого пса, отличавшегося отчаянной смелостью, но как только она бросалась на него, сзади подскакивали другие собаки и кусали ее за ноги. Громкий лай, шум падающей кухты с молодых деревьев отвлекали внимание тигрицы. Она с глухим ревом прыгала между деревьев и не замечала, что к ней подкрадываются охотники. Неожиданно выйдя из-за деревьев и сгрудившись, они двинулись вперед, держа наперевес деревянные рогульки. Не обращая внимания на беснующихся собак, Ригма припала к земле и стремительно помчалась навстречу людям. Она уже было нацелилась схватить Калугина, шедшего впереди, как внезапный удар в плечо опрокинул ее навзничь, а четыре рогульки крепко придавили к земле. Одну рогульку она успела перекусить, но другая обхватила ее за шею. Утопая в снегу, яростно отбиваясь лапами, Ригма задыхалась. Наброшенная на голову веревочная петля намертво сжала

челюсти тигрицы, передние лапы ее были туго связаны вместе. Ригма затихла. Она ждала смерти.

Тем временем охотники связали задние лапы и стянули их с передними, на голову надели матерчатый намордник. Пленницу перенесли на грудь еловых ветвей. Собак накрепко привязали к деревьям.

Только теперь тигроловы хорошо разглядели свою странную добычу.

— Ну и тигрица, какая-то белая, — протянул с изумлением Проскуряков.

— Все не белая, а золотистая, — поправил Золотарев.

— Словом, «золотая тигрица», — заключил бригадир. — Первый раз ловлю такого зверя. Вот невидаль!

— А я слышал, что бывают белые изюбры, — заметил Проскуряков.

Ригму переложили на одеяло, связав его концы в крепкие узлы, просунули под ними кленовую жердь и, сменяясь на каждом километре, понесли к избушке. Лишь на второй день возвратились к своему пристанищу охотники.

Трое начали делать сруб, а Лука сбегал за мясом изюбра, которого свалил Калугин. Слово из сказки, выросла крохотная бревенчатая избушка «без окон и дверей», с настилом из расколотых пополам бревен вместо крыши. На земляной пол бросили охапку елового лапника и сухого вейника. Бережно положили Ригму в сруб, развязали путы.

Теперь родной лес она могла видеть только сквозь щели бревенчатых стен. Убедившись в крепости своей темницы, Ригма перестала биться, легла на вейник.

На второй день Калугин, отодвинув одну из потолочных плах, опустил на дно сруба добрый кусок изюбриного стегна и высыпал с полведра зернистого снега вместо воды. При виде человека Ригма забилась в уголок и зашипела подобно огромной змее, но человек тотчас ушел, оставив аппетитно пахнущее мясо. Сильные волнения и физическое перенапряжение, перенесенные ею во время схватки с тигроловами, требовали восстановления сил, и Ригма, урча как кошка, съела принесенное мясо.

Несколько дней тигроловы мастерили нарту — длинные высокие охотничьи сани. Когда нарта была готова, охотники пришли за Ригмой. Просунув суконное одеяло между потолочных плах, они набросили его на тигрицу

и прижали к земле рогульками. Калугин с Золотаревым залезли в сруб, связали Ригму и, укутав одеялом, положили на нарту, устланную изюбриной шкурой, а чтобы тигрица не свалилась, ее привязали к копыльям полотенцами. В нарту впрягли собак и осторожно тронулись в путь-дорогу.

Золотарев, перекинув через плечо карабин и держа в руке топор, шел впереди. Он выбирал путь почище, срубал мешавшие молодые деревца и кустарник. За ним брели в лямках собаки. Калугин направлял и придерживал нарту, ухватившись за длинный шест — правило. Остальные замыкали шествие.

Немало пота пролили люди, прежде чем вытащили нарту на зимний волок леспромхоза. Вскоре их догнал пустой грузовик и довез до лесоучастка.

Все население лесной деревушки сбежалось смотреть Ригму. Одних пугал вид живого тигра — ведь находились люди, считавшие его людоедом, другие изумлялись его необычайной окраске и высказывали мнение, что это особый, «полярный» тигр. Такое множество людей Ригма видела впервые. Ее занесли в пустую холодную избу. Люди долго толпились у окон.

Желая избавиться от назойливых зрителей, Калугин быстро вышел на крыльцо и, хлопнув дверью, с досадой и тревогой в голосе громко воскликнул:

— Развязалась!

Одно это слово обратило всех в паническое бегство. Просторный двор мгновенно опустел, никто до следующего дня не подходил к избе.

Вскоре пришла машина, высланная базой «Зооцентра» по запросу Калугина. Ригму посадили в дощатую клетку с железной решеткой, выкованной местным кузнецом. В кузове рядом с клеткой разместились тигроловы, собаки, сюда же погрузили нарту и все охотничье снаряжение. Это недлительное путешествие Ригма перенесла тяжело: на ухабах трясло, она больно ударялась о прутья. Противно пахло бензином, отработанным газом мотора. Тонкое обоняние тигрицы болезненно страдало от этих резких запахов. Шерсть на ней свалилась и намокла от пара, оседавшего инеем на внутренних стенках клетки, ее знобило от холода.

Благо к середине ночи машина пришла на базу «Зооцентра». Заспанный ветеринарный врач, наспех осмотрев пленницу, буркнул что-то невнятное себе под нос и показал

на клетку-изолятор — сюда следовало перегнать Ригму. Составив приемный акт о том, что двухгодовалая тигрица-альбинос принята от бригады Калугина на месячный карантин, ветеринар удалился в свои покои.

Вырезав кусок изюбриной мякоти, Калугин решил в последний раз побаловать Ригму. Суровый охотник любил гордого, величественного даже в неволе зверя. Это чувство нашло отклик в сердце Ригмы. Она не шипела, не метала из глаз зеленые искры, когда тигролов приближался к ней, спокойно брала из его рук мясо, насаженное на тонкую заостренную палочку. Если глаза их встречались, Ригма не проявляла ни раздражения, ни тревоги.

Жаль было Калугину расставаться со своей «золотой тигрицей». В эту минуту никто не ведал, что они еще встретятся. Словно предчувствуя долгую разлуку, Ригма прижалась к железным прутьям клетки. Калугин погладил ее по шее, и она спокойно приняла прощальную ласку человека.

Потекли однообразно-томительные дни в неволе. Теперь свежего мяса Ригме не давали, не видела она и родного леса. В просторном сарае базы, уставленном клетками, стоял смраднй запах навоза и какого-то лекарства. Сюда прибывали различные звери: медвежата, кабаны, изюбры, рыси и крупные непальские куницы — харзы. У многих пленников оказались израненными ноги. Искусанные собаками, бедняги жалобно стонали. Иные, перепуганные насмерть, забившись в темный угол вольера, не принимали пищи и тихонько дремали.

Ухаживал за мохнатыми узниками старик зверовод, бывший в молодости заготовителем пушнины. Он журил охотников за неумение ловить зверей живьем.

— Зверя нужно взять не в раз. Погонял его — оставь в лесу на ночь, а на второй, на третий день вязать можно. Такой зверь завсегда выживет, — утверждал он.

Вскоре на базу привезли трех тигрят, пойманных где-то в истоках Большой Уссурки. Их разместили рядом с Ригмой.

К концу месяца зверей, прошедших карантин, набралось на целый вагон. Их рассортировали, приготовили к отправке. Товарный вагон, куда затаскивались клетки с пленниками, был темный и холодный. Сопровождающие даже не додумались поставить печь, надеясь на то, что звери, терпящие морозы в лесу, перенесут их и в вагоне.

Перед выездом с Ригмой произошел случай, составивший ей плохую репутацию. Когда клетки были погружены, на станцию прибежал фотокорреспондент местной газеты, желая сфотографировать необычных пассажиров.

— Не показательно, — заявил он. — Что-то ваши тигры забились в угол и выглядят совсем жалко. Нельзя ли их приободрить?

С этими словами он стал примеряться аппаратом, пытаясь сделать снимок как можно лучше. Помогая гостю, сопровождающий рабочий шурнул в одну клетку длинной палкой, затем в другую, где сидела Ригма... Тигрята бросились к решетке. Вспышки электроламп сливались с щелчками аппарата. Фотограф ликовал, как вдруг один из тигров, молниеносно просунув лапу между железными прутьями, чуть не схватил его за голову. Отпрянувший в смертельном испуге корреспондент невольно прижался спиной к противоположной клетке. Раздраженная яркими вспышками и ударами палки, Ригма кинулась на человека с фотоаппаратом и вырвала из его пальто большой кусок ткани, оставив на теле глубокие раны. Это был единственный случай в жизни Ригмы, когда она пролила кровь человека.

Отчаянно вскрикнув, пострадавший кинулся на станцию, откуда его доставили в больницу. Зашивавший раны хирург, шутник от природы, сказал:

— Выразительный автограф оставила вам на спине тигрица! Хорошо еще не вцепилась в затылок, тогда моя помощь не понадобилась бы.

Вечером состав со зверями отправился в Москву. Езда в поезде оказалась для Ригмы тяжелее жизни на базе. Она болезненно страдала от холода, стук колес и лязганье буферов не давали ей хорошо выспаться.

Однажды при резком броске на дверцу клетки ей удалось сломать запор и выйти в узкий проход вагона. Каков же был испуг рабочего, кормившего зверей в пути, когда он, открывая дверь вагона, на одной из станций носом к носу столкнулся со страшной мордой тигрицы. Захлопнув дверь вагона, он побежал сообщить об этом начальнику станции.

Старый железнодорожник, не видавший никогда живых тигров, заявил, что тут надо действовать решительно. Он приказал отцепить вагон с животными и поставить в тупик, а рабочему посоветовал телеграфировать на зообазу.

...Выйдя с промысла, Калугин снова собирался уходить в лес, когда к нему прибежал посыльный из промхоза и передал срочный вызов к директору.

— Сейчас получили телеграмму, — сообщил директор, — что один из тигров, отправленных в Москву, вылез из клетки. Нельзя войти в вагон. Третий день звери не кормлены, могут погибнуть. Выезжай-ка ты срочно и поправляй дело!

Прибыв на станцию, где стоял отцепленный вагон, Калугин решил сам проверить, что случилось. Приоткрыв дверцу вагона, он увидел Ригму, лежавшую в проходе. Напрасно называл Калугин ее ласковыми именами. Измученная невзгодами дороги, Ригма, казалось, не узнавала своего друга, и как только он шире открывал дверцу, тигрица бросалась к выходу с явным намерением овладеть утраченной свободой, сметая все на пути.

— Через дверь в вагон не войдешь! — заключил Калугин. — Придется лезть через крышу.

Сорвав жесть с угла крыши вагона и прихватив с собой большое ватное одеяло, Калугин исчез в темнеющей дыре, как в колодце. Обступившие вагон железнодорожники и вызванная милиция молчаливо ожидали конца дела, готовые в случае беды прийти на помощь отважному тигролову. Но пока было все тихо.

Проникнув в вагон, Калугин пригляделся к темноте, затем, осторожно продвигаясь вдоль узкого прохода, подошел к Ригме, лежавшей у задней стенки вагона и внимательно наблюдавшей за ним.

— Беляночка, золотая моя, — нежно зашептал Калугин, — иди на место. — Но тигрица не шевелилась. Тогда Калугин перегородил одеялом проход возле широко открытой клетки и начал жестом подгонять тигрицу к ее жилищу.

— Ты что, не понимаешь, что я тебе говорю? Иди, иди на место, ну!

Ригма, конечно, ничего не понимала, что говорил Калугин, но требовательный жест заставил ее с неохотой войти в свою клетку. Калугин крепко закрутил сломанный запор толстой проволокой, снял одеяло, погладил через решетку плечо Ригмы и распахнул дверцу вагона:

— Заходите, товарищи! Тигрица в клетке.

Снова вагон с невольниками застучал по рельсам, снова потянулись однообразные дни, ставшие последними для

трех тигрят, не перенесших холода и кормления мороженым мясом. В Новосибирске окоченевших тигрят отвезли к препаратору.

После этого случая Ригму стали кормить парным мясом. Миновали Урал. Не столь лютые европейские морозы звери переносили легче.

К концу десятых суток Ригму доставили на подмосковную базу «Зооцентра».

Глава 5

НА АРЕНЕ ЦИРКА

Ригму поместили в просторный вольер с чистым покрашенным деревянным полом, дали хорошего свежего мяса. Здесь стояла тишина. Тигрицу внимательно осмотрел ветеринарный врач в белом халате. Хотя на базе привыкли видеть всевозможных зверей, необычная окраска Ригмы вызвала всеобщее восхищение не только служащих «Зооцентра», но и ученых-натуралистов. Люди подолгу рассматривали редкого зверя, покачивая от изумления головами.

После месячного карантина зверей показали прославленному дрессировщику и укротителю хищников Ивану Зарубину. Ему разрешалось выбрать двух тигров для смешанной группы, с которой он успешно выступал в цирках страны.

Красавица Ригма очень понравилась Зарубину. Обходя клетку, он вплотную приблизил лицо к прутьям решетки, чтобы лучше рассмотреть тигрицу. Ригма не выдержала пристального взгляда человека, восприняв его как угрозу. Она подняла губу, обнажая клыки. «Р-р-р-ры — р-р-р...» — пророкотало в ее горле.

— Молодец, Ригма! — воскликнул укротитель. — Приношу сто тысяч извинений за свою бесцеремонность. С сего дня Иван Зарубин — покорный слуга вашего таежного величества!

На второй день Ригму перегнали в транспортную клетку и доставили в цирк. Наступила сытая, но беспокойная жизнь. Ригму раздражали шум доносящейся музыки, невероятное смешение запахов людей, порохового дыма, смолистых опилок и конского пота. Все куда-то спешили, бы-

ли возбуждены, и это передавалось Ригме. Она металась по клетке, пробовала крепость решетки, шипела и рыкала на проходящих служителей. Напротив стоял ряд старых клеток. В них жили леопарды и тигры. Они не обращали никакого внимания на Ригму.

Ежедневно в вольере по несколько раз появлялся Зарубин. Сперва Ригма встречала его враждебно. Она хотела напугать этого назойливого человека, но опытный укротитель даже не вздрагивал, когда Ригма молниеносно ударяла лапами о решетку. Слегка улыбающиеся глаза Зарубина смело и пристально смотрели в самые зрачки Ригмы. В этом ласковом взгляде человека была такая непреклонная воля, светились такое превосходство и уверенность в своей силе, что Ригма невольно пятилась в темный угол и с ворчанием опускала глаза. Но не силой и грозностью стремился Зарубин расположить к себе сердце Ригмы. Он больше полагался на доброту и ласку. Кормление Ригмы Зарубин не доверял рабочим. Он сам приносил своей любимице отборное мясо. Но гордая тигрица не прикасалась к нему, пока у клетки стоял человек.

Магически действовал на Ригму голос укротителя. Он словно зачаровывал, успокаивал ее легко возбудимую натуру.

— Ригмушка, умница, кушай, — убеждал Зарубин, и тигрица переставала волноваться, подходила к пище.

Прошло немало дней, прежде чем Ригма решилась принять ку-

сок сырой телятины из рук Зарубина. Вскоре она даже позволила погладить себя через решетку. Так постепенно закреплялись первые, очень важные рефлексы: появление человека приносит пищу, протянутая рука дарит ласку.

Теперь Ригма реагировала на свое имя и смело приближалась к Зарубину, когда он появлялся у клетки. Настало время более близкого знакомства с человеком. «Как-то поведет себя золотая тигрица?» — думал Зарубин.

Однажды, после завершения вечернего представления, Ригму выпустили на освещенную арену. Как встрепенулось ее сердце! Опрометью бросилась она вдоль решетки, ища выхода на свободу, но тщетно: непреодолимой стеной стояли стальные прутья.

— Ригмушка, ну успокойся, хорошая моя, — услышала она знакомый ласковый голос.

В тот вечер прогулка длилась недолго. После нескольких выходов на пустую арену, когда успокоившаяся Ригма перестала метаться, к ней вошел Зарубин. Это был человек среднего роста, но атлетического сложения. За поясом кожаных брюк виднелась рукоять нагана, заряженного холостыми патронами. В руках он держал длинный бич и тяжелую металлическую трость. Через плечо висела сумка, наполненная кусками мяса.

Ригма заметалась по манежу. Она намеревалась броситься на человека, но спокойная самоуверенность дрессировщика, вкрадчивая

его походка пугали Ригму. Огромное желание выбраться на волю бушевало в ее сильно бьющемся сердце. Человек мешал, и поэтому она хотела избавиться от него. Победил страх перед человеком. Ригма попятилась, припала на опилки, приготовилась к отчаянной защите. Но Зарубин не угрожал и не нападал. Он медленно приближался к тигрице, разговаривал с ней, как с человеком.

Дрессировщик приглашал ходить вместе с ним вдоль решетки сперва в одну, потом в другую сторону. Ригма поняла, что от нее требовалось, и, исполнив желание укротителя, получила в награду кусочек мяса.

Теснота клетки надоела Ригме, и она с нетерпением ожидала вечера, чтобы насладиться прогулкой на манеже. А Зарубин все больше и больше усложнял прогулки, требуя от Ригмы то прыгать через барьеры, то заскакивать на подставки. И каждый раз за исполнение той или иной команды она получала кусок мяса.

Ригма была молода, ей доставляло удовольствие прыгать и носиться по манежу, но как только к ней приближался Зарубин, она скалила на него клыки. Желая научить тигрицу заскакивать на высокую подставку, Зарубин клал туда кусок мяса и, когда Ригма прыгала, произносил одно и то же слово: «Але!»

До поздней ночи обучал Ригму Зарубин. Его черная рубашка намочила от пота, волосы слиплись на лбу, порой он едва передвигал ноги от усталости, но упорно добивался повиновения. Ригма усвоила основное правило цирковой жизни зверей: хорошо работаешь — кормят обильно, плохо работаешь — кормят скудно.

В отличие от дрессировщиков, прибежавших к жестокому запугиванию или действовавших по старому испытанному принципу «кнута и пряника», Зарубин добивался своих успехов прежде всего поощрением животного любимым кормом и ласковым, спокойным обращением. Времени и терпения при этом требовалось больше, но приобретенные животным навыки закреплялись прочнее, и работать среди хищников становилось легче и безопаснее.

Лишь в одном случае Зарубин признавал и оправдывал необходимость применения строгого наказания: если зверь сознательно нападал на человека. Тогда уж Зарубин быстро и решительно пускал в ход силу и оружие. Если и это не помогало, злобствующий зверь передавался в зверинец.

Наступило время знакомства Ригмы со своими коллега-

ми по арене. Первая встреча предстояла со львом Султаном. Вырос Султан в неволе. Его родители, так же как и он, не знали свободы и не видели своей далекой родины — жарких саванн в Африке. Он давно утратил инстинкт хищного зверя, став по сути «домашним животным». Огромные клыки и длинные когти служили ему скорее «украшением», нежели грозным оружием. И все-таки Султан являлся сильным и небезопасным в гневе зверем. Будучи в почтенных годах, он ценил покой и не допускал схваток между четвероногими артистами. Его авторитет среди зверей утверждался большой силой и значительным весом, превышавшим сто килограммов. Не случайно во время представлений он исполнял роль «блюстителя порядка» и «телохранителя» Зарубина.

Когда Ригма вышла на арену, Султан сидел на низкой подставке, не проявляя ни малейшего интереса к тигрице. Ригма шарахнулась от льва и стала издали рассматривать и обнюхивать незнакомца, а лев позевывал от полного равнодушия к окружающему миру. Ригма успокоилась, но так и не решилась близко подойти к Султану.

После знакомства со львом Ригму представили трех тигров. Все они были почти одного с ней возраста, и Ригма очутилась в компании, расположенной к ней. Но если знакомство со своими собратьями прошло в духе взаимопонимания, то первая встреча с рысью вывела Ригму из равновесия. Брезгливую нетерпимость вызвала эта дикая короткохвостая кошка в душе тигрицы. И если бы не Зарубин, строго окрикнувший Ригму, она схватила бы за шиворот длинноногую незнакомку.

Пришел день, когда Ригму выпустили на арену, где находились все четвероногие артисты. Столь близкое соприкосновение их на свободе обязательно привело бы к кровопролитной ссоре. Здесь же, в необычной обстановке неволи, звери, словно застигнутые наводнением на небольшом островке — арене, примирились между собой и ежели изредка огрызались, то неохотно пускали в ход клыки и когти.

Все звери уже прошли курс обучения: они быстро занимали свои места и спокойно сидели на них до тех пор, пока не требовалось исполнить какое-либо приказание дрессировщика. Ригма же была новичком, она то забывала свое место, то сталкивалась с «артистами». В таких случаях, чтобы не допустить ссоры, требовалось срочное вмешательство человека.

Однажды, когда звери расселись по местам, Зарубин приступил к разучиванию очередных трюков. Ригма легко перескакивала с тумбы на высокую подставку, но перепрыгнуть через лежащего льва ей показалось страшным. Она была уверена, что Султан воспримет это движение как агрессивное намерение и жестоко искушает ее. Тигрица отказалась выполнить приказание укротителя. Напрасно он то подбадривал ее ласковыми словами, то настоятельно требовал и для устрашения щелкал бичом.

Зарубину следовало бы терпеливо подождать или заметить этот трюк другим, но, будучи утомлен бессонной ночью, он не сдержался и допустил поспешность. Он видел: Ригма понимает, чего от нее требуют, и лишь из боязни не исполняет приказание. Зарубин решил во что бы то ни стало заставить ее превозмочь страх. Подойдя к тигрице, он строго крикнул, громко щелкнул бичом у самого ее уха и ткнул железной тростью в бок. Ригма припала к полу и зашипела. В ее глазах вспыхнули зеленые огоньки, хвост вздрогнул. «Вперед, вперед!» — наступал Зарубин.

И тут случилось неожиданное: вместо прыжка через льва Ригма бросилась на дрессировщика. Не будь Зарубин блестящим акробатом, ему бы не увернуться от страшного удара передних лап тигрицы. Он упал. Ригма снова бросилась на него. Лежа на спине, дрессировщик успел нанести железным прутом несколько быстрых ударов по плечам и лапам Ригмы. Они оказались столь сильными, что едва не переломали тигриные кости. Замешательство Ригмы увеличилось крепким толчком холодной струи из брандспойта, выпущенной на нее дежурившим рабочим. Подоспевший ассистент поймал Ригму за ошейник и плотно привязал к решетке.

— Крепко вы ее осадили! — воскликнул он.

— В этой ситуации жалость неуместна, — усмехнулся Зарубин, стряхивая с себя опилки. — Тут следует задать такую встрепку, чтобы раз и навсегда отбить всякую охоту к нападению. Пусть знает: человек сильнее, трогать его опасно.

Несколько дней Зарубин не появлялся у клетки Ригмы, оставленной в наказание без пищи. Затем он принес кусок мяса, но прошел месяц, прежде чем тигрица успокоилась и забыла обиду. Так вторая попытка активно защититься от человека закончилась поражением, и опять Ригма смирилась.

Выступлению Ригмы предшествовала яркая афиша. Художник изобразил ее голову на красном фоне в припадке крайнего гнева — с грозно оскаленными, невероятно длинными клыками и щелевидными зелеными зрачками.

...Переполненный цирк гудел. Любит народ цирковые представления, особенно в восторге от них дети: тут и страшно, и смешно. Сегодня же ожидалось выступление необычной тигрицы-альбиноса. Все шли посмотреть на это чудо природы.

На освещенную арену, огороженную высокой железной решеткой, выбежали четыре тигра, промчались два леопарда и рысь, уверенной неторопливой походкой прошел старый лев. Все звери расселись по своим местам на низких и высоких тумбах и подставках. Заиграла музыка, и вот на арене появилась белоснежно-золотистая тигрица. Вздых изумления пронесся над публикой. На свое первое представление Ригма вышла спокойно. Она привыкла и любила выполнять упражнения на арене при ярком свете софитов, под звуки приятной музыки. Но когда из глубины темного, обычно пустого помещения цирка хлынула невнятная волна людского ропота и множество глаз устремилось на нее, легкая тревога наполнила ее звериную душу. К тому же сверкающая одежда и парик настолько изменили облик дрессировщика, что если бы не знакомый звук голоса и привычный запах, она не узнала бы Зарубина.

Подойдя к тумбе, изображавшей трон с гербом из двух зеленых кедровых ветвей, Ригма легко вспрыгнула на сиденье и уселась, приняв величественную позу.

Работали в тот вечер четвероногие артисты на славу, словно демонстрируя свое мастерство перед королевой диких зверей. Они ходили на задних лапах, прыгали сквозь обручи, обтянутые бумагой, и друг через друга, а рысь играла на барабане. Затем три тигра возили в коляске Ригму по кругу арены, а она раскланивалась с публикой. Зрители наградили ее громкими аплодисментами, кричали: «Браво!» С тех пор дальневосточная тигрица Ригма стала любимицей публики. Зарубин ликовал: успех группы превзошел все ожидания.

Прошло два года. Зарубин получил предложение выступить на гастролях в Хабаровске. Открытие цирка-шапито приурочивалось к Первому мая. Нужно было торопиться.

Разве могла Ригма понять, что мерно постукивающий колесами поезд уносит ее на родину? Теперь она не страдала в пути. В вагоне было тепло и светло, рабочие, неотлучно сопровождавшие зверей, отлично кормили и поили Ригму. На всех больших станциях ее осматривал ветеринарный врач, часто заходил Зарубин. Вагон, прицепленный к пассажирскому поезду, шел быстро. К концу недели прибыли в Хабаровск. Здесь зверям был предоставлен отдых, и вскоре их ознакомили с манежем.

Цирк представлял собой деревянное строение, поверх которого на двух высоких железных трубах-мачтах был натянут огромный брезентовый купол. До тонкого слуха Ригмы доносился шум городского рынка, расположенного недалеко от цирка. Представление труппы Зарубина началось в праздничные дни и проходило успешно.

— Аверьян! Никак это наша тигрица! — толкнув локоть Калугина, воскликнул Золотарев, когда на арену вышла Ригма.

Тигроловы всей бригадой присутствовали на выступлении Зарубина. Их очень интересовало, как работают в цирке тигры, которых они с таким трудом ловили голыми руками.

— Выходит, она, — ответил Калугин, — дюже жирна стала, спокойна.

Когда Ригма стала кланяться публике, Луке показалось, что она кивает ему головой как старому знакомому, и он, забыв, что сидит в цирке, закричал:

— Узнала! Ишь, даже лапой машет!

— Тише! — урезонил Луку Проскуряков. — Это она не нам. Артистка...

Публика зашикала на тигроловов, и они притихли, но еще долго переговаривались между собой шепотом.

После окончания представления охотники гурьбой ввалились к директору.

— Товарищ Шуляков! Проведи к Зарубину. Ведь это мы белую тигрицу с ребятами взяли на Катэне, — пробасил Калугин. — Нам с ним поговорить надо.

Когда тигроловы вошли в служебное помещение, рабочие раздавали корм зверям. Тигры метались по клеткам и глухо рыкали на пришельцев. Зарубин радушно приветствовал Калугина и его товарищей.

— Вы спрашиваете, откуда появилась у меня тигрица-альбинос? Отыскал ее под Москвой. Мне сообщили, что

поступила она с Дальнереченской базы. Выходит, ваша, дальневосточная. Пройдемте к ней, — пригласил Зарубин.

Обступив клетку, охотники замерли в молчаливом восхищении. Ригма лежала в дальнем углу и смотрела куда-то поверх людей.

— Она, — прервал молчание Калугин. — Такого зверя с другим не спутаешь.

— Значит, Ригма вам знакома? — спросил Зарубин.

— Как же! Мы ее с ребятами живьем брали, — улыбнулся Калугин. — Она по пути в Москву чуть не убежала, всех железнодорожников перепугала. Из всех зверей, которых я ловил, самой ласковой оказалась. Видать, вы ее характер поняли.

Ригма не проявляла никакого интереса к разговаривающим, хотя Калугину очень хотелось, чтобы она узнала его.

— Завтра цирк выходной, я буду репетировать днем. Приходите, товарищи, сфотографируемся на память с вашей Ригмой, — предложил Зарубин.

— Все, может быть, и не придем, но я обязательно явлюсь, — ответил Калугин, и тигроловы раскланялись.

«Узнает или забыла?» — не выходило из головы Калугина, когда он возвращался домой. Ради ответа на этот вопрос он направился на следующий день в цирк.

Зарубин ожидал тигроловов и не приступал к репетиции. Тут же находился фотограф. Когда появился Калугин, он осведомился, почему не пришли остальные.

— Ну что же, начнем, — пригласил Зарубин.

Взойдя на арену, Калугин сел на тумбу. Фотограф не решался ступить за решетку, уверяя, что его фотоаппарат позволит сделать снимок крупным планом и на расстоянии.

Впустили Ригму. Оглядев людей и обойдя манеж, она спокойно прилегла на опилки.

— Ригмушка, умница, здравствуй! — ласково приветствовал ее Зарубин. Тигрица, казалось, не обращала на него внимания. Дрессировщик подошел к ней и вежливо, словно обращаясь к человеку, предложил вспрыгнуть на высокую тумбу и сесть. Ригма выполнила приказание.

— Аверьян Матвеевич, подходите, становитесь рядом.

Калугин смело приблизился к Ригме и погладил ее по плечу. Зарубин не без тревоги метнул взгляд на тигрицу: такая вольность со стороны малознакомого человека могла стоить ему очень дорого. Но тигрица спокойно реагировала на этот жест, словно к ней подошел сам дрессировщик.

— Аверьян Матвеевич, уж коль Ригма к вам столь благосклонна, оставайтесь вдвоем, — сказал Зарубин и подал знак фотографу.

...Провожая тигролова к трамвайной остановке, Зарубин как бы в раздумье проронил:

— А все-таки, Аверьян Матвеевич, Ригма узнала вас. Тигры не проявляют так бурно своей радости, как собаки. Их чувства сдержанны. Но я-то знаю, как они относятся к тем, кого уважают и помнят!

На душе у Калугина было радостно: «Узнала!» На другой день в газете появился снимок Ригмы, восседавшей рядом с тигроловом.

...Одним майским утром сине-черное облако, зловеще закрывая горизонт, надвинулось из-за Амура на город. Впереди бежали низкие дымчатые тучки. Крупные редкие капли косо дождя упали на асфальт одновременно с глухими раскатами грома. Срывая с речной косы мелкий песок, опрокидывая легкие киоски, в город ворвалась первая волна ураганного ветра. Вторая волна сбросила с нескольких домов крыши, под ее натиском ломались деревья, хлопали и рассыпались стеклянными брызгами незакрытые окна. Застигнутые непогодой люди металась по улицам в поисках временного укрытия. Воздух, смешанный с пылью и туманом, стал мутным, а ветер все крепчал. Его напор оказался столь сильным, что не выдержали стальные трубы купола цирка. Они с грохотом сломались, рухнув на легкие деревянные навесы, под которыми размещались клетки со зверями. В этой катастрофе погибло несколько четвероногих артистов. Скользящий удар стальной трубы сорвал и смял одну из стенок клетки Ригмы. Метнувшись в образовавшееся отверстие, тигрица выскочила во двор цирка. Здесь в панике металась служители цирка и сорвавшиеся с привязи лошади. Нестерпимо яркий свет ослепил Ригму, оглушительный, словно пушечный выстрел, треск раздался над ее головой — это молния ударила в стоявший неподалеку чугунный столб. Обезумев от света и грохота, Ригма перепрыгнула через забор и на широких махах помчалась по бульвару.

Вскоре порывы ветра стали стихать, хлынул проливной тропический дождь. Некоторые улицы превратились в шумящие реки.

С чувством смутной тревоги спешил Зарубин в цирк. Выскочив из машины, он опрометью бросился во двор, где около смятых клеток суетились люди. Его больше всего беспокоила судьба Ригмы. Вот ее клетка. Она пуста. Значит Ригма жива, но где она?

Тем временем Ригма, миновав бульвар, свернула на пустынную улицу. Не обращая внимания на ливень, тигрица шла тротуаром, пугая одиноких прохожих, заходила во дворы, перепрыгивала через изгороди. Выйдя на железнодорожный путь, она пошла по шпалам, пока впереди не показались огни встречного поезда. Заметивший ее машинист от изумления дал гудок. Ригма свернула с пути и, очутившись в плодовом питомнике, скрылась за фруктовыми деревьями. Преодолев многие заграждения, она выбралась на окраину города и, перейдя широкую пахотную полосу, углубилась в лес.

С какой жадностью вдохнула она полной грудью сырой воздух леса, обмытого дождем, терпкий от запаха молодых листьев березы! Отвыкшая от длительных переходов, Ригма растянулась на поляне, прислушалась. Погони не было. Подставляя свое разгоряченное тело утихающему дождю, Ригма блаженствовала. Самое дорогое в жизни любого зверя — свобода вновь обретена ею. Таинственный лес властно звал к себе, и тигрица растаяла в зеленой чаще молодого березняка.

Напрасно Зарубин искал Ригму по городу. Объезжая улицы, он расспрашивал прохожих, постовых милиционеров. Никто не видел тигрицу. Тогда передали объявление по радио: «Ушла ручная тигрица. Просьба ко всем встретившим ее срочно сообщить в цирк». До позднего вечера разыскивали Ригму в городе, но она исчезла бесследно.

Занимался погожий день. За городом в прозрачной синеве неба прочертилась ниточка гусей, их ликующие крики доносились до слуха Зарубина, только ничто не радовало его. Он шел к Калугину в большой надежде на помощь тигролова.

— Аверьян Матвеевич! Ригма ушла! — крикнул он, входя в комнату и протягивая руки к Калугину. — Беда! Хорошие звери погибли. Больше всего жаль Ригму. Такой тигрицы мне больше не видать. Помогите найти ее!

Успокоившись, Зарубин подробно рассказал о случившемся и вопросительно посмотрел на Калугина. Тигролов молчал.

— Соберите свою бригаду, Аверьян Матвеевич, поймайте Ригму. Ведь вы же много диких зверей взяли, а она почти ручная!

— Это все верно. Да ведь тигров-то мы только зимой ловим. На снегу видно, где старые, где молодые идут. По следам и догоняем. Летом тигра не сыщешь. Разве на песке у воды либо на грязи след объявится, а вошел тигр в лес — и пропал след. Собак пускать боязно: вместо тигрят за матерым увяжутся, а тот спуску не даст. Останешься без собак и без тигра. Бригаду собрать можно, только ловить летом не берусь.

После долгой беседы решили: охотники поищут Ригму в окрестностях города. Если обнаружат — постараются подманить на мясо, потом приведут на это место Зарубина. Три дня велись поиски, опрашивались егеря и лесники. След Ригмы, найденный на пахоте, вскоре утерялся, как только тигрица вошла в кустарник. Найти его снова охотники так и не смогли.

— Будем зимой искать, авось найдем, — обнадеживал Зарубина Аверьян. — Убить ее не могут: стрелять тигров у нас запрещено. А ежели кто встретит, мигом сообщим.

На этом расстались.

Глава 6

СНОВА НА ВОЛЕ

Молодой кудрявый березнячок, поднявшийся на месте срубленного некогда высокоствольного лиственничника, сменился редким широколиственным лесом. Он рос на пологих увалах, тянувшихся к горизонту. Ригма шла не торопясь. Все привлекало ее внимание: обгорелый пенек и валяжник, прыгающая лягушка и крупная бабочка. Древний инстинкт ориентировки направлял ее на восток, к далеким синеющим сопкам Сихотэ-Алиня. Там, за гребнями гор и многочисленными долинами извилистых рек, бежал Катэн, простирались безбрежные леса ее родины. Ригма остановилась и присела на траву. Привыкнув к ежедневной обильной еде, она не прочь была позавтракать. Но теперь пищу нужно добывать самой, а она изрядно обленилась. Ей грозила голодная смерть, если бы не щедрость приамурской природы. На дубовой релке Ригма нашла на земле

гнездо дикой утки. В нем лежало восемь довольно крупных яиц. Находка не утолила аппетит. Вскоре Ригма рассмотрела под нависшим кустом фазанушку, крепко сидевшую в гнезде. Молниеносный удар — и птица оказалась вторым блюдом завтрака. Переходя падь, по которой протекала неширокая, но довольно глубокая речушка, Ригма увидела лодку, временно оставленную каким-то рыбаком, ушедшим к близкому озерку. Из лодки тянул соблазнительный запах рыбы. Не колеблясь, Ригма подошла к бату, на дне которого трепыхались живые караси и щуки, и завершила свой завтрак.

Перейдя падь, она вошла в густую поросль осиновой релки и улеглась в прохладной тени. В эту пору гнуса в лесу очень мало, он никому не надоедает. Отдохнув, Ригма тронулась дальше. Она шла кочковатыми болотистыми равнинами, поросшими шершавой осокой и вейником, переплывала речки, окаймленные непролазным ивняком, снова поднималась на увалы, поросшие лиственничниками. Под тяжестью тела ноги Ригмы глубоко утопали в моховой подушке леса, оставляя заметные вмятины. Иногда она пересекала следы лосей и косуль. Тонкое чутье тигрицы улавливало запах оленей. Когда-то она охотилась на них вместе с матерью.

Болотистые леса огромной равнины не могли служить местом постоянного обитания амурских тигров, но тем не менее, облюбовав обширную релку, покрытую широколиственным лесом, Ригма решила обосноваться здесь на некоторое время. Теперь от ненавистного города ее отделяла обширная марь протяженностью в шестьдесят километров. Летом здесь не ступала нога человека.

Спокойно и безмятежно зажила в родных краях Ригма. Вокруг обитало много разного зверя и птиц, в заливах речушек шлепалась и гуляла рыба. Отлежавшись в течение дня на сухой подстилке леса, Ригма лишь с наступлением вечера отправлялась на охоту. Рядом находилась колония барсуков. Вместе с ними, заняв старые барсучьи норы, жили енотовидные собаки. Выбрав удобную позицию, тигрица подолгу подстерегала «енотов» и барсуков у входов в их подземные жилища. Эти подслеповатые жирные звери пришлись Ригме по вкусу, поймать их не составляло ни малейшего труда. Конечно, для царственного зверя негоже подкарауливать каких-то жалких лесных собачонок, но голодный тигр и мышам рад.

Как-то, идя на водопой, Ригма услышала всплески воды. Дождей давно не выпадало, река мелела. В отшнуровавшемся высыхающем заливе остались караси. Их темные спины торчали из воды, соблазняя ворон, рассеявшихся по кустам. Утопая в илистом дне залива, Ригма каждый день появлялась у реки и успешно рыбачила, отдавая должное немптинским карасям. Поднявшаяся вода лишила Ригму рыбного деликатеса, пришлось перейти на мясную пищу, благо изюбры и лоси забредали к ней на релку.

В середине лета на болотистых полянах поспела голубика. Урожай ягод выдался столь обильным, что отдельные кусты окрасились в сизо-голубой цвет. Кисло-сладкая голубика понравилась Ригме. Но не она одна «паслась» на ягоднике,

сюда повадился ходить молодой гималайский медведь, не подозревавший, какой смертельной опасности подвергается он, вторгаясь во владения тигрицы. Как-то ранним утром Ригма услышала чавканье медведя и учуяла его резкий запах. Обойдя издали незваного гостя и определив по следам его возраст, Ригма решила дать встрепку пестуну. Подкравшись к медведю на десяток метров, она в два прыжка очутилась на его спине. Взревев от боли и неожиданности, медведь попытался вырваться из цепких когтей тигрицы и при этом больно укусил ее за лапу. В пылу схватки в Ригме проснулся дух ее предков, всегда ненавидевших медведей. Придя в ярость, она запустила клыки в шею пестуна. Хрустнули кости, оборвалась жизнь косолапого лакомки.

Медвежати́на не уступала по вкусовым достоинствам мясу барсука и енотовидной собаки. Да к тому же и добыча досталась ей не без сопротивления. К Ригме постепенно возвращалось чувство своего превосходства в силе над всеми обитателями леса. В цирке оно подавлялось укротителем. Но стоило тигрице остаться наедине с природой, как она почувствовала, что все подвластно ей.

Муссонные летние дожди наполнили водой мари, и они превратились в обширные мелководные озера. На релках, словно на островах, скопилось много зверей. Недостатка в пище не было.

Но вот прошло лето. Затрубили на далеких сопках изюбры. Звери стали покидать мари, уходя в предгорья. На открытых клюквенных и моховых болотах садились и паслись пролетные гуси. По утрам слышалось их непрерывное гоготание, хлопанье крыльев.

Ригму тоже потянуло к дальним переходам. Она направилась на юг, к истокам Немпту, вслед за кочующими табунчиками кабанов. Вскоре кончились мари. По косогорам росли смешанные кедрово-широколиственные леса. Они окружали ее в детстве, давали приют и обильную пищу. Извечные инстинкты ее предков, временно приглушенные в цирке, теперь властно овладевали всем существом Ригмы. Она не только нуждалась в пище и безопасности, но и в обществе себе подобных.

Перейдя через хребет одного из отрогов Сихотэ-Алиня, Ригма спустилась в долину широкой горной реки. Это великий Хор нес свои стремительные светлые струи в Уссури. Вдоль берега вилась дорога лесорубов, и здесь пахло машинным маслом и человеком. Идя вдоль дороги и оставляя на грязи следы, Ригма спустилась к широкой галечной косе, понюхала воду. Безбоязненно вошла она в стремительный поток и поплыла к другому берегу. Быстрое течение сносило ее вниз, но Ригма была хорошим пловцом. Широкие лапы, загребая воду словно весла, мощно толкали ее тело вперед, к быстро приближавшемуся берегу. Выйдя из воды и отряхнувшись, Ригма повалилась на горячей гальке и, обсушив шерсть, скрылась в сумраке молчаливого старого леса. Где-то невдалеке пересвистывались рябчики, барабанила о сухую щепу желна, пахло прелыми листьями. Ригме казалось, что она очень далеко ушла от человека, как вдруг до

нее донеслись рокот работающего мотора, жужжание мото-пилы «Дружба» и грохот падающих деревьев. Это заготовители леса пилили толстые, в три обхвата, кедр и волоком вместе с мохнатыми кронами подтаскивали стволы на лесной склад. На родине Ригмы хозяйничал человек. Теперь это его территория, и Ригме нужно идти дальше.

Два дня удалялась она на запад, и когда, найдя наконец укромную поляну, успокоенно прилегла под раскидистым тисом, снова услышала едва различимый гул идущего трактора, крики людей. Пришлось поворачивать на юг, опять уходить от человека. Поднявшись в горы, Ригма наконец укрылась от людей. Здесь не было их следов.

На высоте полутора тысяч метров растительность менялась: кедр уступал место елям, не росли в этом лесу орех и бархат, ясень и дуб. А поэтому не было кабана и изюбра, косули и гималайского медведя — всех тех зверей, которыми питалась Ригма. Изрядно проголодавшись, она хотела схватить сторожку кабаргу, но промахнулась. Посчастливилось ей поймать зайца-беляка, однако этого было мало.

Она спустилась в долину. Здесь гудели моторы, пахло соляной и человеком, зато в изобилии водилась любая пища. Кабаны и изюбры, хоть и боялись человека, не только не покидали этих мест, а и по ночам подходили к поваленным деревьям, где в изобилии находили корм: кабаны подбирали с земли шишки кедра, набитые маслянистыми орешками, а изюбры объедали лишайник, свешивавшийся с ветвей елей сизыми прядями. С наступлением рассвета звери покидали деляны, уступая место лесорубам, чтобы с приходом сумерек снова вернуться на кормежку. В таких местах и Ригме было на кого охотиться.

В конце октября неожиданно выпал глубокий снег. Молодые деревца, не успевшие стряхнуть с себя листву, согнулись до самой земли, придавленные тяжелой снежной кухтой. У многих старых лип обломались толстые сучья. Пользуясь этим, изюбры объедали с них листья. Застигнутые снегом звери словно оцепенели. Скрываясь в гуще пихтарников, они понуро топтались на одном месте, выжидая, когда порывы ветра пообдуют кухню с ветвей густого высокого кустарника.

Трудно стало Ригме разыскивать добычу. Как-то вечером она вышла на широкую звериную тропу, приведшую

ее прямо к охотничьей избушке. Ригма не стала близко подходить к человеческому жилью. Она видела, как из жестяной трубы вилась к небу тонкая струйка голубого дыма, затем скрипнула дверь и вышел охотник. Он начал было колоть дрова, но, бросив топор, снял карабин с вбитого в стену гвоздя и, взведя курок, стал зорко всматриваться в лес, откуда бежала к нему собака с поджатым хвостом. Лайка всегда проявляла трусость, встречаясь с медведем, может, и сейчас, бегая около избушки, она почуяла бредущего к ним шатуна? Охотник сделал по тропе несколько шагов и остановился в нерешительности. Если бы Ригма простояла без движения хоть две минуты, охотник, не рассмотрев ее, повернул бы назад. Но в ней еще не развилась нужная выдержка, тигрица шагнула в кусты раньше времени. Она сделала всего несколько шагов, как вдруг острая боль пронзила правое плечо и в то же мгновение грохот выстрела прорвал лесную тишину, отозвавшись эхом в крутом распадке. В отчаянии Ригма прыгнула в густую поросль бересклета и вскоре скрылась в лесу. Вдогонку ей прогрехотало еще два беспорядочных выстрела. Одна пуля, задев мерзлый сук ясеня, со звуком лопнувшей струны прозвене-ла над макушками деревьев, и все стихло.

Принял ли охотник Ригму за медведя или, находясь во власти испуга, пальнул, отгоняя от себя амбу, — неизвестно.

Припадая на правую лапу, Ригма брела густым ельником. Кровь, стекая по плечу, капала в снег. Тигрица преодолела несколько перевалов и глухих ключиков, прежде чем, уже перед рассветом, разыскала кабанье гайно и легла. Весь день она не поднималась, зализывая рану. Кровотечение приостановилось. К счастью, пуля, не задев кость, «прошила» только мышцы плеча. Утолив жажду снегом, с наступлением вечера Ригма сделала широкий круг по лесу и, убедившись, что за ней нет погони, перешла в соседний ключ, где отыскала брошенное «гнездо» старой свиньи и устроилась на отдых. Боль в плече усилилась, Ригма не могла ступать на правую лапу. Пришла самая тяжелая пора в жизни тигрицы: чтобы согреться на двадцатиградусном морозе, нужно есть теплое мясо, двигаться. Она же не могла не только преследовать добычу, но даже быстрым шагом передвигаться по лесу.

Первые две недели Ригма терпела голод, довольствуясь несколькими полевками в день. Грызуны сами подбегали

к лежащей тигрице, принимая ее за труп. Но, истощив все внутренние запасы, болеющий организм потребовал обильной пищи, и Ригма, преодолевая боль, тронулась на поиски.

Над острой конусообразной сопочкой с криком кружили вороны. Ригма решила проверить, какую добычу нашли горластые вещуньи. Может, и ей удастся поживиться? Поднимаясь по крутому склону сопки, она вышла на след огромного медведя-шатуна. Он брел в том же направлении. Идти по примятому снегу легче, и Ригма заковыляла по медвежьим следам. Скоро она поднялась на сопку. Лес поредел и состоял из корявых молодых дубков. Местами снега на земле не было — это кабан, роясь, сдвинул его. Повеяло резким мускусным запахом секача. Выйдя на поляну, Ригма испугнула ворон. Поднявшись с земли, они расселись по макушкам деревьев и нахохлились, переключаясь между собой.

Снег здесь был особенно плотно примят и в некоторых местах смешан с кровью. Рядом с гранитной глыбой лежал растерзанный медведем кабан. В любое время «хозяин» тайги мог вернуться к своей добыче. Долго стояла Ригма, прихнюживаясь к воздуху и пристально рассматривая каждый подозрительный предмет. Раненая тигрица чувствовала, что столкновение с крупным шатуном может окончиться для нее трагически. Затем она обошла останки кабана, обнюхивая каждый след, и, только убедившись, что поблизости нет врага, осторожно подошла к секачу.

Медведь, убивший кабана, успел съесть лопатку и часть внутренностей. По медвежьим правилам следовало завалить остатки снегом, ветвями елей или, по крайней мере, стащить в укромный лесной ключ. Видимо, шатун был отвлечен кем-то от своего обеда или же насытился до предела.

От голода Ригма утратила чувство меры и съела почти всю заднюю часть кабаньей туши. Оторвав про запас добрый кусок мяса, она спустилась с сопки, пробралась в густую поросль молодого пихтача и, развалившись под выво-

ротнем усохшего кедра, впервые после своего ранения крепко заснула.

На следующий день Ригма съела принесенный кусок кабанины, однако завтрак лишь распалил ее аппетит. Возвращаясь на сопку, она почуяла запах находившегося где-то поблизости медведя и вскоре вышла на свежие следы шагуна: «хозяин» тайги возвращался к своей добыче. Тигрице пришлось повернуть назад.

Кабанье мясо основательно подкрепило силы Ригмы. Теперь еще с полмесяца можно было терпеть голод.

Быстро заживают раны у хищников. Вскоре Ригма поправилась окончательно и вышла на охоту за кабанами. Пользуясь старыми тропами, она разыскала табунчик свиной и стала подкрадываться к нему, не подозревая, что с противоположной стороны к кабанам подходят охотники с собаками. Если бы звероловы не принимали мер крайней предосторожности, Ригма не подпустила бы их к себе так близко. Прогрохотало два выстрела. Один кабан остался на месте, остальные бросились в сторону Ригмы, громко сопя и фыркая. Вслед за ними неслись собаки, спущенные с поводков. Догнав секача, лайки набросились на него со всех сторон. Обороняясь от нападавших собак, кабан прижался задом к толстой липе и, грозно пощелкивая клыками, приготовился к отчаянному сопротивлению. Подоспевшие охотники прикончили его тремя выстрелами.

Покидая место неудачной охоты, Ригма не знала, куда ей податься: всюду были люди. Они рубили и возили лес или охотились, уйти от них казалось невозможным; нужно было приспособливаться к этому вездесущему хозяину лесов, иначе ей грозила гибель.

И Ригма смирилась со своей участью, стала осторожно обходить людей: соприкосновение с ними многому научило тигрицу. Она перестала бояться собак и рокочущих, страшных на вид машин и издали отличала лесоруба от зверобоя. Охотясь по ночам, тигрица подходила близко к промысловым избушкам, бродила по следам охотников, но никогда не трогала добытых и припрятанных ими зверей. Днем же Ригма забиралась на крутые сопки, откуда далеко просматривались все косогоры, и чутко дремала. При малейшем шорохе она широко открывала глаза, зорко присматривалась и прислушивалась. Теперь она научилась прекрасно ориентироваться в мире звуков, безошибочно различая шелест шагов медведей и изюбров, по крику птиц

догадываясь, кто нарушил покой ее пернатых друзей. Да, птицы стали ее испытанными друзьями. Они оповещали ее о местонахождении пищи, об общем их враге — человеке. Даже по тому, как бежал по лесу тот или иной зверь, Ригма знала, кто его преследовал.

Природа щедро наделила Ригму силой и ловкостью, дав ей светлые, словно выточенные из нефрита когти, желтые пятисантиметровые клыки. Ее превосходное зрение не уступало глазу человека, вооруженному биноклем. Чуткое ухо улавливало шорох далеко бегущей мыши. Обоняние позволяло выделить легкий запах копыт давно прошедшего оленя. Не будь у нее этих хорошо развитых органов чувств, отличной памяти и сообразительности, неутомимости и терпения, трудно пришлось бы молодой тигрице в заснеженном лесу. Да и жертвы ее имели оружие защиты и могли постоять за себя: кабан оборонялся длинными клыками, изюбр мог пустить в ход острые, как пики, рога, медведь — крепкие зубы. Нелегко подчас давалась победа.

Ригма не испытывала чувства ужаса перед человеком, коим наделены многие обитатели леса, испокон веков преследуемые охотниками. Просто она не хотела связываться с мечущим молнии и гром существом и благоразумно уступала ему дорогу. Человек же, бессознательно боявшийся тигров, трепетал при виде Ригмы. Но тигрица и человек могли вполне мирно сосуществовать в этих лесах. Ведь Ригме для утоления голода нужно меньше кабанов и оленей, чем охотнику. Да к тому же в ее когти попадали чаще всего старые или больные животные с ослабленным организмом, в то время как промысловик стремился убивать сильных самок — вожаков кабаньего стада или оленей с прекрасными симметричными рогами. Такие трофеи ценились дороже.

Кроме того, Ригма не терпела в своих владениях волков и лисиц, с удовольствием охотилась за ними, а также преследовала рысь, росомаху и енотовидную собаку. В ее охотничьем районе не было засилья этих хищников, ибо они частенько попадали на обед тигрице.

Общаясь с человеком, Ригма научилась хитрости, а о ней говорили как о коварном звере. В месяц охоты, чтобы утолить голод, она убивала одного — двух кабанов или изюбров, а за это слыла зверем кровожадным. Ригма иногда бродила по широким следам медведей и охотников — так легче идти по снегу, а люди, не знавшие повадок зверей,

утверждали, что тигрица опасна: желая якобы напасть на человека, она заходит сзади, некоторое время идет по его следам и, выбрав удобный момент, валит с ног и уносит в заросли.

Много несправедливостей возводилось на Ригму: обвиняли ее и в оскуденье лесов зверем, объявляли и вредным хищником — лучше-де с ней в тайге не встречаться. Только ученые-натуралисты, знавшие полную невзгод и лишений жизнь тигров в таежных дебрях, заступались за нее, настоятельно требуя создать на Сихотэ-Алине заповедник для сохранения удивительного реликтового зверя — тигра длинношерстного.

Глава 7

ГРОЗА КАТЭНА

В этот год в леса Катэна пришел большой неурожай. На столообразных, словно подстриженных, вершинах кедров не красовались золотистые шишки, не было желудей, крупных и мелких орехов. Не плодоносили лианы.

Первыми стали покидать бескормные леса кедровки. Собравшись в небольшие стайки, они улетали на юг, в сторону Бикина, словно предчувствуя, что там есть их любимые орехи. За ними шла белка; потянулись на юг и табунчики кабанов, бурые и белогрудые медведи. Опустели некогда полные разного зверья леса. Наступила голодная жизнь и для Ригмы. В довершение всех бед в горах Сихотэ-Алиня выпал ранний глубокий снег. Переходя ключи, Ригма утопала в сугробах по самые уши.

Голодная тигрица спустилась в долину Катэна и обосновалась недалеко от поселка лесорубов.

Снега здесь оказались не столь глубоки, можно было легко ходить по льду замерзшей реки и по широким тракторным дорогам. Привлекали Ригму и дворняжки. Собаки зачастую самостоятельно углублялись в лес и там ловили зайцев в тальниковых зарослях.

Огромным оранжевым шаром опускалось солнце к горизонту, пронизывая потемневший лес прощальными золотистыми лучами. Осторожно ступая по льду уснувшей реки, Ригма кралась в заросли тальника, где раздавался слабый треск. Это в прибрежных кустах собака искала зайца. А вот показался и сам лохматый «охотник». Принюхиваясь к све-

жим заячьим следам, пегий вислоухий пес подбежал к Ригме почти вплотную. Увидев тигрицу, он на мгновение замер, затем, взвизгнув от испуга, круто повернул и что было силы помчался к поселку. Но можно ли убежать от тигра! В несколько прыжков Ригма настигла обезумевшего пса и одним ударом клыков лишила его жизни. Схватив собаку поперек туловища, она унесла ее в густые заросли пойменного леса и с аппетитом поужинала.

Хозяева не сразу догадались о причинах отсутствия их сторожа. Только через несколько дней, когда у лучшего охотника поселка исчезла молодая собака, по следам установили, что собак похитила тигрица.

Сначала этим событиям не придали особого значения: тигры в окружающих лесах не в диковинку, а о том, что они пристрастны к собачьему мясу, все хорошо знали. Пожалели пропавших собак, да и забыли бы о происшествии, но Ригма вскоре снова напомнила о себе.

Возвращаясь вечером на участок, местный лесник решил попутно прихватить мешок с рябчиками, лежавший на лабазе в стороне от дороги. Остановив лошадь, он вылез из саней, привязал ее к придорожной черемухе и направился по едва приметной тропе к избушке. Погревшись чайком и отдохнув, он подпер палкой дверь и, взвалив мешок на плечи, зашагал к саням. Тут он услышал громкое тревожное ржание коня, прерываемое ревом зверя. «Вот черная немочь! Однако моего Чалого медведь сгреб», — решил лесник и, бросив тяжелый мешок, побежал к оставленным саням. Не чувствуя под собой земли, спотыкаясь о корни деревьев, торопился лесник и все же опоздал. Выскочив на дорогу, он так и не понял, что случилось. Вот и черемуха — но ни лошади, ни саней. «Наверное, испугавшись медведя, конь оборвал повод и ускакал в поселок», — подумал мужик и пустился по дороге догонять Чалого, громко крича его имя. Пробежал пару километров — нет коня. До поселка оставалось немного, и лесник зашагал спокойнее, в душе проклиная медведей, не дающих животным покоя даже зимой.

Велико же было его изумление, когда, подойдя к избе и заглянув во двор, он и там не увидел Чалого. Не появлялась лошадь и на леспромхозовской конюшне. Лесник опросил всех жителей поселка, но никто не видел его коняги. Расстроенный пропажей, направился он в контору лесоучастка и зашел к директору:

— Товарищ Берелев, конь у меня сгинул только что. — И рассказал по порядку все, что с ним произошло.

Берелев вызвал двух местных охотников держать с ними совет. Решили ранним утром с хорошими собаками и ружьями выехать на место загадочного исчезновения лошади, а там видно будет, что делать.

Еще на небе не погасли крупные звезды, когда охотники вместе с лесником и Берелевым, посадив в кузов собак, отправились в лес. Чтобы не затаптывать следы, машину остановили в полукилометре от черемухи. Взяв собак на поводки, направились к злополучному месту. Солнце еще не поднялось над лесом, но было настолько светло, что даже под елями хорошо виднелись следы рябчиков. Дорога в этом месте проходила сквозь густой ельник. На повороте санный след сворачивал в самую гущу деревьев. Взрыхленный, а затем приглаженный снег красноречиво свидетельствовал, что здесь была сперва протащена лошадиная туша, а уж за ней волоклись разбитые сани.

Все разбрелись, рассматривая и ощупывая звериные следы. Собаки скулили. От холода и возбуждения их трясло мелкой дрожью.

— Да, братцы, это не медведь, — уверенно заявил один из охотников. — Посмотрите, какой круглый отпечаток. Вот четыре пальца, когтей нет. Видите, какая круглая пятка. Это след тигрицы. Здоровущий зверь-то какой: лошадь, словно пудового теленка, проволока, и сани не помеха.

Осторожно продвигаясь по следам, люди увидели сани. Застраившие между стволов двух осин, изломанные; они теперь были негодны для езды. Около них на снегу, забрызганном кровью, валялись обрывки сбруи, хомут и дуга. В глубь леса вился потаск с редкими кровавыми пятнами на стволах деревьев.

Охотники остановились и, словно боясь спугнуть тигра, начали шепотом совещаться.

— Он теперь недалеко где-то лежит.

— Сытый, подпустит близко.

— Идти все равно бесполезно. Шорох. А и подойдешь, стрелять нельзя — зверь запретный.

— Запретный, говоришь. А коня ему дозволено убивать? Попадись он мне, из двух стволов по башке шарахну и в ответе не буду, — кипятился лесник.

— Ну и что толку? Твой конь для государства не большой убыток, более двухсот рублей, поди, не стоит. А за

взрослых тигров, я слышал, до сорока тысяч золотом платят.

— Так что же теперь, — не унимался лесник, — тигры и нас с тобой должны жрать, а мы не моги их пальцем тронуть, так, что ли?

— Ну, братцы, спорить тут нечего, — заключил Берелев. — Конечно, оправдывать тигра не приходится. За такие дела ему может не поздоровиться, но и ты ответ должен держать, — обратился он к леснику, — почто коня без присмотра в лесу надолго оставил одного, да еще на ночь глядя? Что, не знаешь? Ведь кроме тигра и медведь-шатун мог подвернуться. Поехали составлять акт да запросим сельсовет, можно ли по сему случаю тигра ухлопать, а то он теперь повадится коней в леспромхозе таскать.

Пока люди совещались и спорили, запрашивали начальство и просили содействия, Ригма спокойно отдыхала после обильной трапезы. Не без колебаний совершила она нападение на привязанную лошадь. Долго осматривала тигрица странное животное, делала широкие круги, принюхивалась, топталась на одном месте. Наступившая темнота и голод способствовали ее дерзости. Подкравшись к Чалому, она с одного прыжка повалила его на бок и сломала ему шейные позвонки. Смерть наступила мгновенно. Затем, ухватив коня за гриву, она поволокла его в лес вместе с санями. Сбруя зацепилась в чаще деревьев. Тогда Ригма вытащила коня из хомута, порвала сбрую и удалилась в лес со своей жертвой. Насытившись, она ушла в сопки. Затем через день снова вернулась к добыче. Спокойно пировавшие у покойны вороны служили лучшим доказательством, что поблизости нет человека и можно спокойно подкрепиться кониной.

До прихода тигрицы с добычей лес, казалось, был лишен каких-либо обитателей. Но вот появилась пища — мясо лошади, и как только тигрица ушла, слетелось множество ворон и воронов, соек и поползней. И откуда только взялись охристо-рыжие колонки и землеройки-бурозубки. Даже чета волков и лисица полакомились за чужой счет. Все они не только торопливо набивали свои желудки мясом, но и норовили утащить с собой кусочек про запас. Когда от Чалого остался жалкий скелет, к месту лесной трагедии прибрел черный лохматый медведь-шатун. Его могучие челюсти способны были раздробить даже крупные лошадиные кости.

Охотники, получив наконец разрешение проучить Ригму, прибыли к месту гибели Чалого, да опоздали: следы тигрицы давно остыли, их запорошило свежим снегом.

Разговоры о дерзкой тигрице не умолкали в поселке. Может, они вскоре и прекратились бы, но Ригма, оставляя то на дороге, то на реке пугающие людей следы, все чаще и чаще напоминала о себе. Она до того осмелела, что начала ночами разгуливать по улицам спящего поселка. Собаки, издали чуя своего лютого врага, забивались под навесы и сараи и даже не лаяли. Ригма могла уйти вслед за откочевавшими табунами кабанов, но она еще не совсем утратила привязанность к человеку, некогда дававшему ей пищу. Она инстинктивно надеялась на его помощь, ждала ее и не могла понять, что жители поселка не только не дадут ей мяса, но и не захотят мириться с близостью страшного для них зверя. К тому же некоторые из жителей поселка читали о тропических тиграх-людоедах. Все это усиливало обстановку тревоги и преувеличенной опасности.

Однажды поздним вечером шофер лесоучастка, возвращаясь из города, осветил фарами тигрицу на дороге. Она стояла спокойно, гордо подняв голову, и не торопилась уступать путь автомашине. Это была Ригма. Шофер дал протяжный сигнал и потянул ручку тормоза. Машина остановилась, не добежав до зверя нескольких метров, а тигрица неторопливо шагнула в темноту. Просидев в оцепенении некоторое время, шофер на бешеной скорости влетел в поселок, и скоро об этом происшествии узнали все недоброжелатели Ригмы.

На следующий вечер — это была суббота — лесорубы отчаянно парились в бане. Последним покинул ее завмаг. Накинув полушубок и взяв под мышку березовый веник, служитель прилавка направился домой. Лунная ночь выдалась на редкость светлая и тихая. Крупные снежинки вспыхивали бриллиантовыми искрами, свежий снег слегка похрустывал под валенками. Завмаг и не заметил, как очутился у своей хаты. Открыв калитку и ступив несколько шагов, он остолбенел от неожиданности: посреди широкого двора стоял тигр. Зверь был настолько светлым, что почти растворялся на снежном фоне. Хозяин двора подумал: «Не померещилось ли?» — и, хотя луна светила достаточно сильно, вынул дрожащей рукой карманный фонарик и

включил свет. Видимость тигра не улучшилась, но глаза его вспыхнули таким дьявольским огнем, что завмаг вскрикнул, выронил веник и фонарь из рук и, повернувшись, пустился бежать вдоль улицы.

Заскочив в сенцы дома лесника, он отдышался и дернул на себя разбухшую от мороза дверь.

— Степан! Меня во дворе чуть тигр не схватил! Еле ноги унес, — выпалил он сидевшему за столом леснику.

Взглянув на подозрительно красное лицо своего соседа, лесник усмехнулся:

— Поди, привиделось. Это, брат, бывает, когда переберешь. Садись-ка. Я уж забыл о своем Чалом, а ты опять о тиграх.

Напрасно завмаг живописал подробности своей встречи с тигром, лесник ему не поверил.

На следующее утро весь поселок говорил о новом посещении тигрицы. Ее следами интересовались все охотники поселка, их фотографировали, измеряли.

Через неделю шедший с лесоучастка раскряжевщик видел, как тигрица подходила к игравшим на льду реки ребятам. Он поднял тревогу. Выбежавшие из домов охотники выстрелами отпугнули зверя.

Все эти события, крайне необычные для тихого лесного поселка, участились до того, что люди, напуганные смелостью и назойливостью тигрицы, обратились к местной власти с просьбой: «Помогите избавиться от опасного для жизни зверя. Разрешите его уничтожить».

А Ригма, словно мстя людям за многие свои страдания, вовсе не собиралась уходить, появляясь то на одном, то на другом краю поселка, разгуливала вблизи по тропам и дорогам.

Кто мог думать, что в наш век всепобеждающей техники, когда в лесах Дальнего Востока остались считанные тигры, некогда плененная тигрица бросит вызов человеку и повергнет население целого поселка в трепет и настоящую панику!

Страх овладел всеми. Вооруженные родители сопровождали школьников на занятия. Маленьких детей совсем не пускали за порог. К прорубям за водой ходили гурьбой. Мужчины боялись ездить на лошадях в лес за дровами.

Печальный случай окончательно переполнил чашу всеобщего терпения. В поселке умер человек. Кладбище было на отшибе, на высоком, густо заросшем кустарником

берегу реки. Похоронная процессия донесла покойника до могилы, и когда гроб был поставлен на землю, кто-то из женщин испуганно вскрикнул:

— Глядите, тигр!

Действительно, на противоположном берегу реки стояла Ригма. Будь хоть у кого-нибудь ружье, тигрице несдобровать. Испуганные люди убежали в поселок, а когда вернулись с карабинами, зверя, конечно, на прежнем месте не оказалось. Лишь свежие следы говорили о его недавнем присутствии.

На следующий день в поселке собрались все охотники и лесники. «Будет или нет разрешение, а тигра нужно убить, — постановили они, — дальше терпеть его невозможно».

Для выполнения этого решения таежники разделились на три группы. Сперва предполагалось выследить тигрицу, найти место ее пребывания, а затем окружить и, по принципу активной облавы, выгнать на стрелков. Если же она пойдет на загонщиков, то ей все равно не прорваться: у каждого будет в руках заряженное тяжелыми пулями ружье.

Смертельная опасность нависла над Ригмой. Ранним тусклым утром она была выслежена лесниками и окружена двадцатью охотниками. Почуввав опасность, Ригма заметалась в окладе, затем, успокоившись, поднялась на возвышенность, осмотрела сжимающуюся вокруг нее цепь охотников и, выбрав участок, где люди стояли редко, смело пошла им навстречу, припадая к земле и прячась в густом кустарнике. Напрасно собравшиеся предвкушали увидеть тигрицу на расстоянии и разрядить в нее ружья издали. Тигрица словно провалилась сквозь землю. Оклад сузился до того, что загонщики, идущие навстречу стрелкам, хорошо видели их, а тигрицы нигде не было. Неужто она сумела проскользнуть? В недоумении стояли загонщики и стрелки: находившееся между ними пространство хорошо просматривалось. Снова и снова вглядывались люди в каждую кочку, в каждую валежину, а увидеть тигрицу никто не мог.

— Нет тигрицы! — воскликнул один из охотников.

— Видать, мы окружили пустое место, — усомнился второй.

— А может быть, она на дерево залезла?

Стройная цепь загонщиков, подойдя почти вплотную к стрелкам, смешалась. Некоторые спустили курки ружей и надели рукавицы.

— Ну что же, пошли домой! — воскликнул Берелев. Но стоило ему сделать шаг, как, словно взрыв гранаты, рванулось в воздух полосатое желтое тело и с оглушительным ревом ринулось на него. Частый дуплет брошенного к плечу ружья не остановил стремительного прыжка Ригмы. Берелев упал в снег. Перемахнув через стрелявшего, тигрица кинулась к спасительным зарослям. Вслед загрозотали поспешные выстрелы разных калибров. А Ригма мелькала желтым факелом среди заснеженных кустов, пока не скрылась из вида.

Возвращаясь в поселок, люди обсуждали причины неудачной охоты. Одни жаловались на рикошеты пуль о мерзлые прутья густых кустов, другие полагали, что защитная окраска тигрицы позволила ей великолепно замаскироваться и неожиданно кинуться на охотников, но больше всего, конечно, корили Берелева. Промах при стрельбе в упор был, по мнению всех, непростительным.

— Что вы на меня напали, — защищался неудачливый стрелок. — Я читал у Ширинского-Шихматова, что легче на лету подстрелить бекаса, чем выцелить по убойному месту крупного медведя.

— Жару-то мы ей наподдали, — ликовал лесник, не прощавший Ригме гибели Чалого.

— Теперь будет километров сто махать без остановки.

— А может, какая шальная пуля задела?

В поселке охотников поджидал только что прибывший Калугин. Ему официально поручили тигрицу застрелить, а шкуру с черепом доставить в музей.

Глава 8

ТИГР И ЧЕЛОВЕК

Расспросив одного из участников облавы о происшедшем, Калугин не стал задерживаться в поселке лесорубов. Переночевав, он чуть свет ушел разыскивать тигрицу: возможно, она ушла раненой, ведь по ней много раз стреляли. Лишь к полудню вышел Калугин на след и убедился, что зверь идет нормально, крови на снегу нет. Первый раз в жизни

он преследовал тигрицу не для того, чтобы поймать живьем, а с жестоким намерением убить. В душе старый тигролов протестовал против исполнения этого задания: ведь каждая тигрица приносит тигрят, без них не существовало бы и промысла, коим он занимался в течение многих лет. И только мысль, что это опасный для детей зверь, заставляла взяться за исполнение неприятного поручения.

В представлении Калугина это была старая больная самка — с поломанными клыками, с редкой, вылезающей на спине шерстью. Дряхлая, неспособная добывать обычную для себя пищу, тигрица, конечно, должна быть умерщвлена: много бед она может принести человеку, прежде чем умрет от старости и голода.

Против этого трудно было возражать, и все же нелегко заставить себя поднять ружье на старое животное. «Пусть лучше стоит чучелом в музее — все же польза людям», — эта последняя мысль примирила его с тягостной необходимостью.

Ночь застигла Калугина в незнакомом ключе. Найдя поваленный ветром огромный сухой кедр, он подтащил к нему валежник. Вспыхнул огонь. Вода в ключе промерзла до дна, пришлось набивать котелок льдом. После ужина, настелив сухих веток и коры, Калугин лег у костра. Где-то недалеко нехотя вскрикивал филин, шуршала под снегом полевка. Поправив у изголовья карабин, Калугин погрузился в чуткий сон, прерываемый морозом. Когда холод становился невыносимым, он вставал, накладывал валежник на слегка тлеющие угольки костра. Занимавшееся пламя согревало ему спину, и он снова засыпал. За длинную зимнюю ночь много сторело дров, перегорел и толстый ствол кедра. Резкий крик совы, близко подлетевшей к угасшему костру, разбудил тигролова. Подкрепившись добрым куском вареного мяса и кружкой крепкого чая, он вышел на след Ригмы и бодро зашагал на сопку.

Тигрица поднималась на крутые обрывы, шла косогором. Она избегала густых кустарниковых зарослей и, выйдя на старую звериную тропу, долго не сходила с нее. Шла Ригма как по компасу — строго на юг. Казалось, ничто не интересовало ее, хотя Калугин знал, что тигрица давно не ела. «Должна же она, проголодавшись, поохотиться за кем-нибудь, задержаться на одном месте у своей добычи. Вот тогда-то и представится случай подойти на выстрел», — размышлял тигролов. Два дня шел Аверьян, немало

километров осталось позади, а шаг зверя по-прежнему был ровным, четким, точно как в первый день преследования.

Небо, подернутое высокими перистыми облаками, предвещало смену погоды. Если выпадет обильный снег, Калугину придется возвращаться: у него нет лыж, да и след легко потерять. К концу дня Аверьян решил заблаговременно обосноваться на ночлег и выспаться в тепле. Для этого он, как только за вечерело, стал высматривать сухие кедры, стоящие недалеко друг от друга. Вот давно усохший, золотистый, лишенный коры кедровый ствол, а рядом здоровущий смолистый пень. Как раз то, что надо. Правда, нет воды, но при наличии снега всегда можно натопить хотя и горьковатой, но вполне пригодной для питья воды. Первым делом Калугин поджег пень, а невдалеке развел маленький костер, подвесив над ним котелок, набитый снегом. Когда стемнело, тигролов подошел к уснувшему лесному великану и отколол топором от его смолистого бока щепу. Одной спички оказалось достаточно, чтобы запылал гигантский факел, осветив лес вокруг на десятки метров. Стало так светло, что Калугин смог без труда зашить лопнувшие по шву брюки, приготовить ужин. Снег вокруг горящего кедра растаял, обнажив усыпанную дубовыми листьями землю. Листья парили. Лес наполнился теплом, хотелось растянуться на земле и уснуть. Но зверолов знал, что стоит угаснуть этому чудесному факелу, как трескучий мороз словно обручами сожмет его в своих объятиях.

Пока охотник готовился ко сну, пень сгорел весь. Выгорела даже часть толстого корня, уходившего в почву. Погасив угли и все искры, Калугин извлек горячую золу и дал охладиться раскаленной земле. Затем он затолкал ноги, обутые в олочи, в образовавшееся углубление и, словно на перину, лег на теплую, пахнущую смолистым дымом землю, подложив под себя несколько еловых ветвей. Теперь он чувствовал себя как на печке, лишь свежий морозный воздух охлаждал щеки и лоб.

Проснулся Калугин с восходом солнца. За длинную ночь он не повернулся даже на бок. Слабый ветерок усилился, наступило потепление. Наскоро позавтракав, Аверьян снова пустился догонять Ригму.

Он шел старым высокоствольным лесом. Сорокаметровые кедры, раскачиваемые сильными порывами ветра, скрипели и потрескивали. Ветер завывал в сухих дуплистых вер-

шинах мертвых деревьев, сбрасывая на снег хвою и сломанные ветви. Птицы попрятались. С тревогой поглядывал Калугин на небо, стремясь поскорее пройти этот сухостойный лес и укрыться в густом молодом ельнике.

К полудню ветер принял такую разрушительную силу, что Калугин был вынужден искать защиты под раскидистой кроной молодого кедр. Убежище это оказалось ненадежным: налетевший шквал сломил вершину сухой ели и бросил ее на кедр. Ударившись о его ствол и сломав часть ветвей, громадное копьё вонзилось в землю в двух шагах от тигрлова. Теперь Аверьяну было не до следов Ригмы. Нужно скорее искать убежище в глубоком распадке. Но куда податься, когда кругом падали на землю подгнившие деревья, обломки вершин и толстые сучья?

Треск, глухое буханье свалившихся стволов, пронзительный скрип трущихся деревьев наполняли лес. Калугин метался из стороны в сторону, не спуская глаз с угрожающе гнущихся вершин. Особенно страшными были отщепы с вершин сухих кедров. Они низвергались по косой линии и втыкались в землю, грозя пронзить все живое насквозь. Охотник вспомнил, как однажды привелось ему найти мертвого кабана, пробитого щепой. словно под артиллерийским обстрелом, выжидая паузы между порывами ветра, делал Калугин перебежки, пока не достиг густого ельника. Здесь не росли высокие деревья, не было и сухостоя. Переведя дух, Калугин посидел на мерзлом пне, а затем спустился в ключ, собираясь здесь переждать непогоду до утра.

Разведя маленький костер на дне небольшой ямы, оставшейся на месте вывернутого с корнем дерева, Аверьян посмотрел на часы: стрелки показывали всего четвертый час, а в лесу было темно, как вечером.

Сильный ветер угнал на восток тучи, и начавшийся было снегопад вскоре прекратился. всю ночь бушевал ураган, к утру затихло. Ночь в ельнике прошла для Аверьяна не страшно.

Утром он поднялся на сопку, разыскал изрядно расплывшийся след Ригмы и устремился по нему на юг.

Чем дальше шел Калугин, тем сильнее его сердце охватывало сомнение. Следы говорили о том, что он преследует отнюдь не старого зверя. Спокойный, размеренный шаг тигрицы местами переходил на легкие прыжки, словно она хотела поразмяться или позабавиться. Так могла идти только молодая тигрица.

«Все рассказы лесорубов, — размышлял Калугин, — придуманы в страхе. Зачем же тогда я несу ей смерть? Повернуть, что ли, обратно? Но ведь она утащила несколько хороших собак, убила лошадь. Тигры не должны бы этого делать. Значит, от нее чего угодно ожидать можно. А ежели тигрица в Солонцовый придет да ребенка схватит, тогда что? Как погляжу в глаза матери? Да ведь она проклянет. Скажет: ты не охотник, а трус и мерзавец, коль тебе зверь милее человека. Не простит. Нет, нельзя тигрицу жалеть».

Утвердившись в этом мнении, Калугин прибавил шаг, но вскоре им овладел другой настрой мыслей. Приходили на память многие случаи расследования незаконного отстрела тигров, и каждый раз он убеждался, что обвиняемый в агрессии зверь отнюдь не нападал и даже не угрожал человеку. Просто при стечении обстоятельств тигр близко подходил к охотнику, попадался ему на глаза и получал за это пулю в сердце.

А Ригма тем временем все шла на юг по старым кабаньим тропам, запорошенным снегом. Наделенная от природы большой выносливостью, она без мучений переносила голод. Но, как всякий хищник, Ригма, будучи голодной, не могла спокойно пройти мимо добычи, отвергнуть ее только потому, что торопилась сменить свое местожительство. И когда тонкое обоняние тигрицы уловило запах белогрудого медведя, она остановилась: гималайские медведи всегда являлись излюбленной пищей ее сородичей. Сперва Ригма осмотрела местность и вскоре пришла к выводу, что медведь, не найдя подходящего дупла, залез под корни липы, росшей на крутом косогоре, и здесь устроился на зимовку. Подойдя к липе, Ригма решила овладеть соней. Но как это сделать? Когда, расширив лаз, она попыталась вытащить медведя, то столкнулась с его оскаленными клыками и длинными когтями. Узкий вход не позволял ей проникнуть в берлогу; извлечь лапой упиравшегося и отчаянно кусавшегося «хозяина» оказалось невозможно.

Тогда Ригма пошла на хитрость. Она подкопалась под корни со стороны, противоположной входу в берлогу, и, просунув в отверстие лапу, схватила медведя за ягодицу и вырвала кусок кожи с черной шерстью. С ревом завертелся в берлоге медведь. Как он ни изворачивался, в одном из

отверстий виднелась хоть какая-то уязвимая часть его тела, и этим ловко пользовалась тигрица. Не имея возможности спрятаться, косилапый решил спастись бегством, но только он высунул голову и плечи из берлоги, как Ригма схватила его за загривок и прикусила. Затем она выволокла обмякшее тело медведя из убежища и, оттащив в сторону, приступила к обеду.

Вес медведя превышал сотню килограммов, съесть его сразу тигрица не могла, поэтому она задержалась у своей добычи. Это обстоятельство позволило Калугину догнать Ригму и подойти к ней на довольно близкое расстояние.

Сперва Ригма обратила внимание на тревожное урчание белки, затем услышала подозрительный треск валежника. Решив проверить, кто бы это мог потревожить ее покой, она, сделав по лесу широкий полукруг, зашла к подозрительному месту с противоположной стороны и обнаружила следы Калугина. Принюхиваясь к знакомому запаху человека, Ригма пошла за тигроловом, ступая точно по его следам.

Калугин издали увидел черную дыру, зияющую между корнями липы у самой земли. Снег вокруг дерева был измят. Осторожно подойдя к берлоге, охотник понял все, что здесь произошло. Предчувствуя близость зверя, он снял курок с предохранителя и, зорко осматриваясь по сторонам, бесшумно стал продвигаться вперед. Вот и медвежья туша. След тигрицы уходил в сторону. Сделав широкую петлю, Калугин вышел на свой след, затоптанный лапами Ригмы. «Обошла, окаянная, — пронеслось в голове охотника. — Теперь к ней скоро не подойдешь. Все равно перехитрю!» И с этой мыслью тигролов быстрым шагом направился к медвежьей туше. Вырезав кусок мяса на ужин, он разыскал сухостойник и, разведя костер, отаборился на ночь.

Теплые струи воздуха, поднимавшиеся от костра, мерно покачивали темные ветви подступивших елей и пихт. Потрескивали сухие ветки белой сирени, разбрасывая далеко вокруг горящие угольки. Присев на валежину, Калугин думал о предстоящей встрече с тигрицей. «Где-то недалеко бродит. Теперь знает, что ее преследуют. Уходить станет — не догонишь. Если пожелает от меня избавиться, — несдобровать. Чего проще напасть на спящего. Костер погас, бесшумно, как змея, подползет в темноте. Один прыжок... и выстрелить не успеешь — силища огромная, клыками разит мгновенно. А ведь не решится, не воспользуется своими

преимуществами: ума не хватит, страх перед человеком сдержит. Хорошо бы днем разглядеть издали, когда она занята охотой или едой, тут не упустил бы», — эти мысли беспорядочно мелькали в голове, пока сон не одолел охотника.

Ригма бросила свою добычу. Сойдя со следа Калугина, она снова побрела на юг. Старые излюбленные тропы привели ее на большой природный солонец. Подземные ключи, не замерзающие зимой, изливали «ржавую», богатую солями воду на поверхность, и она растекалась желтыми пятнами по льду, тут же замерзая. Олени зимой редко посещали солонец, но, проходя мимо, сворачивали на лакомый лед, грызли и лизали его.

Остановившись на солонце, Ригма обнюхала следы прошедшего недавно изюбра и прилегла на обнаженной земле.

Она решила подкараулить здесь оленя.

Зная повадки тигров, Калугин, как только заметил, что многочисленные тропы сливаются в одну проторенную дорогу, остановился, снял карабин, положив его на правую изогнутую руку, и стал осторожно подкрадываться к поляне солонца, видневшейся сквозь просветы между деревьями. Двигался он столь осторожно, что не слышал шороха своих шагов. Но как ни бесшумно подходил Калугин, Ригма уловила слабый скрип снега под его ногами, заметила мелькнувший в чаще силуэт и припала за полусгнившей колодиной, лежавшей поперек ключа. Она приняла охотника за изюбра. Выйдя на солонец, Калугин остановился, внимательно осматривая окружающие предметы. Все вокруг было безжизненно и молчаливо. Простояв несколько минут без движения, он поднял ногу и тут же опустил ее. На противоположной опушке поляны, словно из-под земли, появилась тигрица. Бросок карабина — и его холодное ложе коснулось щеки Калугина, указательный палец лег на спусковой крючок. В тонкую прорезь прицела попало полосатое плечо зверя, но палец на крючке как бы закован.

Калугин узнал Ригму. Тихо опустив ствол винтовки к земле, он разглядывал неожиданное видение, чувствуя, что ком подступает к горлу. Ригма стояла как изваяние.

Возможно, в эту минуту она вспомнила человека, с которым уже трижды встречалась. Кто мог заглянуть в ее звериную душу, не лишенную благородства и памяти!

— Ригма! — крикнул Калугин во всю силу легких. — Жива!

Вскинув в небо короткий ствол карабина, он трижды выстрелил, словно салютуя победе жизни. Ригма вздрогнула, повернулась и, сделав высокий плавный прыжок, растворилась в зеленой дымке ельника.

Остаток дня взволнованный Калугин провел у костра. Большая радость встречи омрачилась тревогой за будущее Ригмы. Ведь она так доверчива, рано или поздно ее убьют. Не простят ей охоты на собак, гибели Чалого. И то, что сейчас не сделал он, Калугин, сделает кто-нибудь другой.

Размышляя над безысходностью ситуации, Аверьян вспомнил, что в кабинете директора промхоза висело объявление о создании в истоках Катэна, на Хорско-Бикинском водоразделе, первого в стране тигрового заповедника. Всякая охота в нем запрещалась.

«Нужно угнать Ригму в заповедник, уж там ее никто не тронет. Привольно ей будет жить в охраняемых лесах», — повеселев от принятого решения, Калугин подбросил валежника в костер и повернулся к нему спиной. На небе загорались крупные мерцающие звезды. Тихая морозная ночь окутывала лесные дебри, а на душе у человека было тепло.

Три дня гнался Калугин за Ригмой. Теперь не нужны стали все предосторожности: он умышленно трещал валежником, громко кашлял, стрелял облегченными зарядами рябчиков для похлебки, — благо Ригма шла в заданном направлении. К концу третьих суток Калугин увидел белоснежные вершины горного хребта. Здесь проходила граница заповедника.

— Вот и пришли к тебе домой! — громко обратился Калугин к невидимой Ригме, с сияющей улыбкой оглядывая густые темно-зеленые кедрачи, спускавшиеся по склонам гор и рек. Чувство радостного облегчения наполнило его душу. Достав топор, он с одного маха сделал на ясене широкую затесь — так отмечалось им место завершенной удачной охоты.

Вернувшись в промхоз, Калугин рассказал директору, что вызвавшая столько страхов и объявленная вне закона тигрица является Ригмой, пойманной некогда им и бежавшей из цирка.

— Я хорошо разглядел ее. Здоровущая стала. Сейчас не скрутишь: собак, как мышей, передавит. Зря ее к смерти приговорили. Для людей неопасна, а что собак таскала да лошадь загубила, так это из-за временной бескормицы.

К человеку привычна была, вот и разгуливала по поселку, пугала лесорубов. Жаль мне ее стало. Попадет на глаза заполошному охотнику, тот не пощадит. Вот и пришлось угнать в заповедник. Тигрица-то ведь золотая.

— Правильно! Я бы на твоём месте, Аверьян Матвеевич, так же поступил, — заключил директор.

Придя домой, Калугин уселся за письмо к Зарубину, сообщая о похождениях Ригмы, об их встрече и новом её пристанище.

«В цирк Ригму теперь не вернешь, — писал он, — пусть живет в родных краях, потомство приносит. А ежели надо, мы вам других тигрят изловим».

Глава 9

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИСТАНИЩЕ

Тишина заповедного леса не нарушалась выстрелами охотников и лаем собак. Не было здесь и лесорубов. Охрана следила за тем, чтобы даже летом не проникали сюда люди в поисках женьшеня, — непотушенный костер мог вызвать лесной пожар. Пышные высокоствольные леса, покрывавшие изрезанные глубокими горными ключами и речками невысокие сопки, служили надежным укрытием для многих зверей и птиц. Природа особенно щедро одарила эту землю обетованную: на ней встретились и перемешались жители юга и севера, словно по прихоти человека здесь некогда возник ботанический сад, пришедший затем в своеобразное одичание.

В заповеднике жили тигры. Ригма не была с ними знакома. Как-то в предвесеннее время она взобралась на скалистую сопку — место изюбриных отстоев. Среди отвесных скал олени выбирали маленькие площадки, укрываясь от преследования волков. Забежит изюбр на отстой — волку его не взять: кругом обрывы да отвесные скалы. Лишь по одному карнизу-тропе можно подняться на площадку, а сунься — угодишь под копыта или рога оленя, будешь сброшен в пропасть.

Поднимаясь по каменистой извилистой тропе, Ригма слышала шум мелких камней, скатывавшихся с обрыва. Кому, как не оленю, быть здесь! Но вместо изюбра на тропе появился тигр. Долго стояли могучие звери друг против

друга, не решаясь сделать первый шаг. Обнюхав Ригму издали, незнакомец первый тронулся навстречу. Но Ригма не позволила подойти близко к себе: она круто повернулась и ушла в заросли. Тигр последовал за ней.

С этого дня они встречались часто. Не сближаясь, прогуливались по косогору, поросшему кедром. Случилось однажды, что к ним навстречу выбежал преследуемый волком изюбр. Ригма бросилась на быка, да промахнулась. Увернувшись от ее когтей, изюбр шархнул в сторону и угодил в лапы тигра. Умертвив оленя, тигр подтащил добычу к наблюдавшей за ним тигрице, а сам отошел в сторону, как бы приглашая Ригму первой отведать оленины. Тигрица приняла приглашение, и пока она утоляла голод, тигр лежал в стороне. Совместная охота упрочила их знакомство.

Теперь Ригма разрешила тигру подходить близко, и он всячески проявлял к ней внимание и нежность. С готовностью уступал лучший кусок добычи и даже ласково облизывал шершавым языком ее плечо и шею, а она трепала его большую голову когтистой лапой, и тигр терпеливо сносил эту болезненную шутку. Прошла неделя.

Внезапно Ригма скрылась от тигра. Поднявшаяся пурга завейла ее след. А через три месяца у Ригмы появились тигрята. Для нее они были самыми дорогими и любимыми существами на свете. За их безопасность Ригма отдала бы свою жизнь.

Несколько дней она ни на минуту не оставляла трех пестрых малышей, прижимая их к груди широкими лапами. Тигрята, насосавшись теплого молока, таращили бессмысленные глаза на зеленеющие деревья и внимали шепоту листьев.

Сменялись времена года. С наступлением тепла в заповедные леса прилетали из тропиков длиннохвостые личинкочеды, яркие синие широкогороты. Среди темно-зеленых ветвей мелькали огненно-желтые мухоловки, перекликались белоглазки, прикочевавшие на лето из Новой Зеландии.

На лесных полянах среди страусоперых папоротников цвели красные лилии, а над ними реяли черные с зеленым отливом крупные бабочки-хвостоносцы. Ночные сумерки не прекращали жизнь леса. На звериных тропах, словно по металлическому предмету, стучали козодой, а в вейниковых

зарослях с перепугу «лаял» козел, будто заблудившаяся собака. С низким гудением пролетали гигантские жуки-дровосеки, таинственно мерцали светлячки.

В эту благодатную пору изобилия тепла и пищи все животные растили свое потомство, отчаянно борясь за существование и в то же время помогая друг другу. В лесу скрывались и жили тысячи различных животных. Они поедали и уничтожали растения, разносили и прятали в земле орехи и желуди, способствуя естественному обновлению леса.

Грызуны были чрезмерно плодовиты. В короткий срок они могли бы достичь большой численности и уничтожить все растения, но природа сотворила хищников, сдерживающих нашествие грызунов.

Человек открыл великий закон равновесия природы и научился управлять им. Он создал заповедники — эти огромные лаборатории, где сама природа творила и разрушала в своей предвечной гармонии. В этой лаборатории животные не делились на вредных и полезных. Здесь даже волк, объявленный в других районах бичом оленеводства, выполнял роль санитаря и «селекционера».

Летние муссоны сменялись холодными северо-западными ветрами. Зима ступала ледяной ногой в заповедный лес. Жизнь, казалось,

замирала. Лишь снежный покров земли подолгу хранил интересные «записи» обитателей леса. Охотоведы бегло читали эти страницы лесной книги, постигая премудрости природы.

Шли годы. Постаревший Калугин перестал заниматься промыслом. Угас охотничий пыл. Ему и раньше было жаль убиваемых зверей, но чувство это быстро исчезало, не столь сильно тревожило его добрую душу. Теперь же при виде печальных глаз раненого оленя, покрывавшихся дымкой смерти, сердце охотника жгло болезненное раскаяние. Даже вид убитой медведицы, свирепо защищавшей свое взрослое потомство, не радовал, а скорее огорчал.

Только природа по-прежнему властно манила тигролова под зеленый полог вечно молодого и древнего леса, исцеляла расстроенное житейскими волнениями сердце, наполняя его светлой радостью.

На предложение дирекции заповедника поработать в экспедиции по учету тигров Калугин согласился с большим желанием. «Хоть напоследок похожу по тигриным местам, поучу молодых охотоведов. Надо же свой опыт передавать людям», — думал тигролов. Выезд предполагался в конце февраля. Снега в лесу лежали глубокие. Пришлось прихватить ивовые лыжи, подшитые камусом*.

Калугин был тонким знатоком жизни леса. Показывая следы тигра своим ученикам, он объяснял, как можно определить их свежесть и направление в глубоком снегу, как отличить, кто прошел: самец или самка. Он учил различать звериные «почерки», чтобы при учете не путать различных тигров и не записывать дважды один и тот же след.

Собравшись у вечернего костра в ожидании ужина, с большим вниманием слушали будущие охотоведы рассказы Калугина о повадках тигров, о многократных встречах с благородным зверем, а ему было что вспомнить, о чем рассказать.

— Аверьян Матвеевич, по-вашему, животные не нападают на человека и в лесу даже тигра бояться не следует? — обратился к Калугину Алеша Емельянов, подкладывая валежник в костер.

* Камус — кожа с ног оленя, выделанная без удаления волоса.

— Этого я не утверждал. Есть животные, смело нападающие на человека. Они из живого охотника кровь высасывают, но ведь это только гнус да клещ. А вот, скажем, тигр и медведь альбо рысь и волк — человека не трогают, боятся они его смертельно и всегда дорогу уступают. Положись на мой опыт: более сорока лет с ружьем по тайге проходил, много звериных душ загубил, а ни одного зверя-людоеда в глаза не видывал. Нет таких зверей в наше время, чтобы людей не боялись! Читал я книги про зверье разное, да, видать, кто про них пишет, сам в лесу мало бывает. Вот поэтому и затвердили: тигр — кровожадный, медведь — неуклюжий, заяц — обязательно трус, а волк — чуть ли не людоед. А я вам, ребята, скажу: волк боится человека пуще зайца, а медведь ловок, что твой акробат в цирке. Видали, на какие лесины за желудями залезает! И нет жадности к копытному зверю у тигра.

— Вас послушать — все звери добрые, — не унимался Алеша, — а я читал в какой-то газете, что рысь на охотника прямо с дерева сиганула и чуть не загрызла. Еле ножом отбил. Тоже, скажете, неправда?

— Возможно, и напала. Только при чем тут дерево? Рысь с земли нападает, и то на зайцев. На деревья она редко лазает. Разве что собаки ее туда загнали. Раненая могла с дерева свалиться или на охотника прыгнуть. Я как-то в детстве бурундуков ловил, так один бурундучишка на меня с березы прыгнул, когда я его стряхивал, и за палец больно укусил. Каждый зверь свою жизнь защищает.

Поспевшая похлебка из рябчиков прервала затянувшиеся споры, и отряд принялся за ужин. После ужина Алеша снова наел на Калугина:

— Когда я поступал на охотоведческий факультет, отец сказал: «Это несерьезная наука». Аверьян Матвеевич, часто приходится слышать, что охота вроде баловства. Почему у людей сложилось такое мнение?

— Не знают дела нашего, поэтому не уважают труд охотников. Я промыслу всю жизнь отдал и скажу тебе, Алеша, — трудный и твердый хлеб промысловика. Иногда думают так: ходит охотник в зеленом лесочке, поют птицы, воздух чистый. Любуется он ясными зорями да голубым небом, не работа — курорт. Охотник не рассказывает, как голодает на промысле, ломая зубы о мерзлый хлеб, как блуждает в лютую пургу, спит на сырой земле да на снегу. Он не жалуется на судьбу. На охоту не по нужде пошел,

по доброй воле, душевному призванию. Терпит добровольно большие лишения, не ропщет. Сам того захотел. А ведь месяцами семью не видит, в бане не бывает. Приплетется чуть живой в холодный барачек, от пота гимнастерка и телогрейка мокрые. Нужно не то обед, не то ужин готовить, а там шкурки с белок и колонков до полуночи снимать, дрова рубить. Печка всю ночь гореть должна — не ленись, вставай да подкидывай. Чуть свет — вари завтрак и снова в лес до вечера. И так — изо дня в день. А случись беда: ногу повредил или зверь, скажем, ранил — первую помощь оказать некому. Хорошо, если на вертолете разыщут или товарищ рядом окажется.

Тяжек труд промысловика, а народу нашему — нужен. Леса кругом бескрайние, зверя в них много. Меха нашим цены нет. Это хорошо, Алеша, что ты в охотоведы подался. Ученые охотой пока мало интересуются.

— Я с вами, Аверьян Матвеевич, согласен: ведь если по науке охотничий промысел поставить, страну ценной пушниной завалим, будет тайга давать человеку в изобилии мясо и кожи, лекарства и сувениры.

Емельянов хотел еще расспросить Калугина о тиграх, но старый охотник стал готовиться ко сну.

С наступлением рассвета все вышли по намеченным маршрутам. Калугин вместе с Емельяновым направился на юг по Теплому ключу. Пройдя около пяти километров, учетчики увидели свежие следы тигров. Их было так много, что Алеша не мог понять, сколько животных прошло здесь.

— Аверьян Матвеевич, неужто табун тигров прошел? — шепотом спросил Алеша.

Калугин молчал. Он внимательно рассматривал отпечатки, ощупывал их пальцами. Затем медленно зашагал вдоль следов, но вдруг остановился, сдвинул на затылок ушанку:

— Табун не табун, а четыре тигра наверняка идут. Видать, семья — тигрица и три взрослых тигренка. Пройдем за ними до перевала, поглядим, чем заниматься они будут.

И с этими словами Калугин заскользил на лыжах между деревьев. Алеша едва поспевал за ним. Поднявшись на увал, Калугин остановился:

— Видишь, тигрята самостоятельность проявляют: два свернули в распадок, а один за тигрицей в вершину ключа подался.

— За кем же пойдём? — спросил Алеша.

— Пойдём за тигрицей. Ежели мы к ней раньше подойдём, она близко подпустит: за своих тигрят, что отстали, примет.

Подниматься на лыжах при глубоком снеге было трудно. Пот ручьями стекал по разгоряченному лицу Алеши. Когда до перевала осталась какая-то сотня метров, Калугин подал знак юноше.

— Ну, Алеша, теперь аккуратно надо идти, — прошептал он. — Лыжи тут оставим. Приготовь свое фоторужье, да не промахнись, коль тигров за перевалом увидим.

Они сошли с лыж и начали карабкаться по крутому склону.

— Ишь, как развезло, снег что мокрая вата. На перевал сразу не выходи. Высунь голову из-за дерева и осмотри внимательно. Никакой зверь враз на глаза не попадает. Тут выдержка нужна, — поучал Алешу старый следопыт.

С большой предосторожностью отодвигая от себя ветки колючего кустарника, чтобы они не шаркали о ноги, взбирались учетчики по крутому склону, время от времени останавливаясь, переводя дыхание и прислушиваясь.

Вот и последняя гряда водораздельного хребта. Низко согнувшись, стараясь не наступить на сухую ветку, Калугин подошел почти к самой кромке гребня, стал за ствол березы и начал медленно поднимать голову, стремясь сразу охватить глазом панораму открывающегося за перевалом леса. Емельянов последовал его примеру.

В ярких весенних лучах полуденного солнца лес словно дремал. Стройные, ослепительно белые стволы берез и осин высоко вздымались в мартовскую синь безоблачного неба. В этот торжественный час первого дыхания весны все замерло. Лишь слабый шорох снующих по березовой коре поползней нарушал настороженную тишину. Плавно спускавшийся к ключу косогор, вдоль которого вились два тигриных следа, был пуст.

Долго стоял Калугин, прислонившись к дереву и ничем не выдавая своего присутствия. Его глаза зорко всматривались в лесные просторы, неторопливо оглядывали противоположный косогор, поднимавшийся за ключом, поросшим редким березняком. Все кругом было безжизненно. Он хотел было уже сказать что-то Алеше, как вдруг увидел тигров.

Звери стояли между молодыми березками, повернув головы в сторону людей. Видимо, они почуяли опасность, а может, уловили шорох и поджидали отставших тигрят.

Пристально рассматривал тигрицу Калугин и не верил своим глазам. «Неужто она?» — пронеслось в голове. Да, это была Ригма. Белоснежная, с широкими золотистыми полосами, она грациозно прыгнула в кусты и легким царственным шагом удалилась в глубь леса вместе с тигренком.

Словно зачарованный смотрел им вслед Калугин, и прозрачная слеза умиления застилала глаза старого тигрлова.

...Прошло много зим. Говорят, и поныне живет в заповеднике великолепная тигрица-альбинос по имени Ригма.

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ЗВЕРИ

Рассказы
о приключениях
животных

ПОВЕСТЬ О ГИМАЛАЙСКОМ МЕДВЕДЕ

Белогрудый

Родился Белогрудый в начале зимы, в ту темную суровую пору, когда у четвероногих, кроме медведей, дети не появляются.

Звонко лопались деревья от крепкого мороза. Тяжелая снежная кучта сгибала ветви елей и пихт. Солнце, едва поднимаясь над вершиной сопки, не проникало в глубокие северные распадки, в течение всего дня стоял здесь полумрак.

Мать Белогрудого, гималайская медведица, еще летом подыскала берлогу. На северном склоне каменистой сопки росла старая липа, накренившийся ствол которой покрывали зеленые мхи, а раскидистая крона господствовала над вершинами елей. Под тяжестью рано выпавшего мокрого снега у липы обломился нижний толстый сук, и теперь на его месте зияло черное отверстие. Его-то и заметила проходившая невдалеке медведица. Забравшись на дерево, она словно по трубе спустилась на дно глубокого дупла. Убедившись в его достаточной сухости и просторности, оскребла гниловатые изнутри стенки, устроив мягкую постель. Берлога очень понравилась медведице — это было теплое, надежное, скрытое от врагов убежище, проникнуть в которое можно было только через лаз, а он находился на десятиметровой высоте.

Покинув берлогу, медведица не забывала о ней, и когда октябрьские холодные ветры сорвали последние листья с деревьев и повеяло зимой, она снова появилась у знакомой липы и забралась в дупло. Кто бы мог подумать, проходя мимо толстой липы, что у самых корней ее, свернувшись клубком, лежит медведица? Только царапины от медвежьих когтей на серо-зеленой коре дерева выдавали присутствие зверя, но, к счастью, охотники здесь не бывали. Появившись на свет крохотным медвежатам опасность не угрожала.

С нежностью заботливой матери прижимала медведица своих детенышей к груди, и они сосали густое молоко с довольным урчанием, напоминающим звук далеко летящего самолета. Не имея возможности питаться и даже пить, медведица должна была в течение нескольких месяцев кормить малышей своим молоком. И хотя слой подкожного жира достигал у нее двенадцати сантиметров, медведица погибла бы от истощения, не будь медвежата очень крохотными созданиями. Вес каждого из них был в триста раз меньше веса матери!

Белогрудый и его братец ходили на маленьких щенят, осыпанных редкой дымчатой шерсткой. Оба они были слепы и совершенно беспомощны. Лишь через месяц у них открылись глаза, а шкурка стала зарастать черными волосками, и только на груди да на конце нижней челюсти волоски были белые.

В берлоге медвежата развивались медленно, были вялыми, малоподвижными. Большую часть времени они находились в дремотном состоянии, а если и просыпались, то толь-

ко для того, чтобы накушаться молока, и снова засыпали между теплых широких лап матери.

Однообразно тянулись короткие дни зимы. Казалось, что лес со всеми обитателями погрузился в зимнюю спячку. Лишь шустрые синицы да дятлы нарушали торжественную тишину заснеженного леса. Никто не тревожил медвежью семью. Несколько раз в дупло заглядывали огненно-яркие непальские куницы да совы, но, убедившись, что лесная квартира занята, удалялись прочь.

Наступила весна. Теплые апрельские ветры высушили оттаявшие до земли солнёчные склоны сопки. Проснулась медвежья семья. Первой вылезла на поверхность липы медведица. Медвежата долго не хотели следовать за матерью, они жалобно скулили, кружились по пустой берлоге. Подбадриваемые призывным голосом медведицы, они с трудом карабкались к едва светлевшему где-то в вышине выходу. Неокрепшие лапки Белогрудого дрожали, и он сорвался бы с отвесной стенки дупла, не будь у него острых цепких когтей. Медленно, с передышками выбрался Белогрудый на край дупла. Новый, неизведанный мир открылся перед ним, пугал и манил. На земле стояла мать и звала к себе. Боязливо поскуливая, Белогрудый начал медленно спускаться по дереву, братец следовал за ним.

Как было просторно на земле! Кое-где в зарослях густого пихтача лежал крупнозернистый снег. Белогрудый ткнулся в него носом, попробовал языком. Часто останавливаясь, прислушиваясь, осматриваясь и принюхиваясь, медведица побрела к склону сопки. Медвежата, неуверенно ступая неокрепшими лапками, едва поспевали за ней.

Не рад весне медведь

Выйдя на солнёчный склон сопки, медвежья семья остановилась на поляне у скалистого обрыва. Здесь было тепло и затишно. Шуршащие под лапами прошлогодние листья дуба и липы источали терпкий запах. Медвежата, пригретые солнцем, улеглись на мягкой узколистной осоке, а медведица занялась поиском пищи. Она наелась зеленой травы, сохранившейся под снегом с минувшего лета, вывернула два гнилых пня, но, не найдя муравьев, начала грызть и царапать березу. Затем она принялась слизывать выступивший сок, однако скудная растительная пища не насытила ее. Тщательно обнюхивая землю, медведица ра-

зыскала норку бурундука и принялась ее раскапывать. Мешавшую молодую елочку она вырвала с корнем, а крупный камень сдвинула в сторону. Плохо оттаявшая земля поддавалась с трудом, мешали корни деревьев, но там, где не помогали когти, шли в дело клыки. Долго и упорно работала медведица. Рядом вырос большой бугор желтого суглинка, прежде чем она достигла кладовой бурундука. Давно проснувшийся от зимней спячки хозяин норы не бедствовал — накопленный еще с лета и осени запас мало поубавился за зиму. Чего здесь только не было! Блестящие, словно коричневые кремушки, желуди; маслянистые кедровые орешки, которых бурундук натаскал в защечных мешках из кедрача; крупные морщинистые с крепкой, словно костяной, кожурой маньчжурские орехи; круглые семена липы. Добравшись до кладовой лесных деликатесов, медведица чуть было не схватила затаившегося в норе хозяина. Протыкнув между медвежьих лап, бурундук взобрался на сухой сук клена у своей норы, нахохлился и заплакал. Так и просидел он весь остаток дня на суку, не спуская глаз с медведицы, поедавшей его богатства. Утолив голод, медведица накормила медвежат молоком и забилась с ними в густую поросль молодых пихт. Здесь было не так тепло, как в берлоге, медвежата мерзли, скулили, медведица прижимала их к своей груди, накрывая широкими теплыми лапами.

В последующие дни удача оставила косолапое семейство: бурундучьи норы попадались редко; одни из них уже были разорены, в других запасы были столь малы, что совершенно не утоляли голод медведицы. С утра до вечера лазала она на кедры в надежде найти хотя бы несколько неопавших шишек, переворачивала колодник, пытаюсь поймать полевку или слизнуть насекомых, выворачивала гнилые пни в поисках личинок и муравьев. Зеленые стебли перезимовавшей под снегом осоки, набухающие почки липы и черемухи, сладковатый сок березы да изредка находимые в подстилке желуди и орехи, припрятанные птицами и белками, едва утоляли ее голод. Мать Белогрудого с каждым днем худела все больше и больше, а медвежата тем временем прибавляли в весе, черная шерстка на них густела, становилась блестящей.

Теперь Белогрудый не ощущал слабости в лапах, он проворно взбирался на полуповаленные деревья и вступал в борьбу с братишкой.

Стояла сухая, ясная погода. Солнце по-летнему припекало на южных склонах сопок. Деревья покрылись зеленой дымкой, а оттаявшая земля выметала светло-зеленые побеги трав. Проснулись бабочки, прилетели вертишейки и горихвостки. Однажды Белогрудый нашел большой муравейник. Юркие муравьи были заняты ремонтом обвалившихся зимой ходов. Белогрудый высунул было язык, чтобы слизнуть аппетитно пахнущих насекомых, но получил целый залп едкой кислоты в нос. Фыркая, он поскреб лапой муравьиною кучу, но, как ни старался, его когти захватывали только горький мусор. Вздурораженные муравьи ринулись на своего обидчика, облепили его лапы, живот, морду. Белогрудый сперва растерялся, но, облизывая лапы, он захватил несколько муравьев и тут же тщательно их разжевал и проглотил. Хрустящие кислотатые насекомые пришлись ему по вкусу. Медвежонок смекнул, что к чему. Теперь он умышленно клал передние лапы на муравейник и, когда они густо покрывались отважными насекомыми, слизывал их языком и проглатывал.

Так первой живой добычей Белогрудого стали муравьи. Хотя медведица всячески избегала встреч со зверями, опасными для ее слабого потомства, Белогрудый, неоднократно наказываемый матерью за непослушание, чуть было не попал в лапы своего угрюмого отца, жившего неподалеку от шельником. Почувяв недоброе, Белогрудый проворно полез на кедр. К своему ужасу, он заметил, что незнакомый медведь тоже лезет за ним. Подняв плач, Белогрудый запрятался в густой кроне кедра. Прибежавшая мать с грозным рычанием поднялась по толстому стволу дерева и укусила медведя за заднюю лапу. Взревев от боли, медведь поспешно ринулся вниз с кедра, чуть не столкнув медведицу, и как только коснулся земли, бросился наутек. Справиться с рассерженной медведицей, защищающей детей, не под силу даже большому медведю. Материнский инстинкт удваивает смелость.

После этого случая Белогрудый при малейшей опасности проворно забирался на первое попавшееся дерево и терпеливо отсиживался, пока мать не отводила врагов подальше. Иногда ему приходилось дожидаться здесь наступления темноты. Бесшумно появлявшаяся медведица подавала голос, и Белогрудый с нетерпеливой поспешностью покидал свое неудобное убежище, с благодарностью, ласково прижимаясь к матери.

К зиме готовься летом

Наступило лето — лучшая пора в жизни медведей. С неизменным аппетитом поедали они нежные побеги трав, кустарников и деревьев, сочные корни дудника и сладковатые луковицы лилий, а также охотно лакомились жирными личинками жуков, добывая их из-под гнилого колодника. Особенно любил Белогрудый белые, размером с небольшой огурец личинки гигантского дровосека, жившие в истлевших стволах тополей и ильмов. Первой в лесу поспела жимолость. Темно-синие продолговатые ягоды имели приятный кисло-сладкий вкус, но вскоре набивали оскому. С наступлением июля мать Белогрудого увела своих детей на заболоченную равнину большой реки.

Деревья здесь стояли редко, и большинство из них усохло после низового пожара, случившегося много лет тому назад. Но зато рос пышно и густо кустарник. Белогрудый скрывался в нем с головой, и не будь у него тонкого обоняния, медвежонок тут же потерял бы свою мать и братишку.

Влекла медведей к себе в этих местах голубика. Такое изобилие ягод Белогрудый видел впервые. Невысокие, с коричневыми стеблями кустики были столь густо усыпаны светло-голубыми плодами, что за ними исчезали листья.

Облюбовав обширную поляну, поросшую голубичником, медвежья семья навещала ее по утрам и вечерам, покидая на время жаркого полдня для отдыха в тенистой листовничной рощице. Наевшись до отвала, Белогрудый ложился на спину, разметав в стороны лапы, и стонал словно от боли, но так продолжалось недолго. Вскоре ему становилось легче, приходило игривое настроение, и он начинал бороться с братом, переворачивал его на бок, стаскивал за «штаны», когда тот пытался влезть на дерево. Порой медвежата валились в густую траву, поднимая такую шумную возню, что вмещивалась медведица, не допуская драк.

Мирно и безмятежно протекали длинные летние дни. Медвежата росли быстро. Густая черная шерсть на них лоснилась, а под кожей накапливался жир.

Однажды, выйдя на поляну после полуденного отдыха, медведица уловила запах далеко идущих людей. Заволновавшись, она оставила медвежат и забежала против ветра: следовало определить, куда двигались люди, а затем выбрать правильный путь к бегству. Тем временем Белогрудый смело направился к середине поляны, где росли кусты с особо

крупной и сладкой ягодой. Вот и знакомое болотце с высокими зелеными кочками режущей осоки, но что за существо объедает ягоду с давно облюбованного им куста? Непривычно яркий цвет одежды человека, его голос остановили Белогрудого. Поднявшись на задние лапки, он с любопытством разглядывал девочку.

— Мама, мама! Иди скорее сюда, посмотри, какой малюсенький, хорошенький медвежонок! — воскликнула дочь лесника, увидев Белогрудого.

Подбежавшая мать в испуге привлекла к себе дочь и стала с тревогой озираться по сторонам: она хорошо знала, что маленькие медвежата не ходят одни. Подозвав мужа, женщина упрекнула его за то, что он привел их сюда, в «медвежье» царство, что ягод можно было с успехом набрать неподалеку от кордона. Осмотрев следы, лесник улыбнулся:

— И впрямь медведица с медвежатами. Да мы их напугали, видать, здорово.

— Папа, поймай медвежонка! — настаивала двенадцатилетняя Наташа. — Ведь он не ушел далеко. Вот здесь я его видела, у этой березки. Как начала к нему подходить, он в кусты и спрятался.

Тем временем медведица вернулась к медвежатам и, негромко урча, стала отводить их подальше от людей. Но медвежата не разделяли тревоги матери. Напрасно медведица подталкивала их носом, сердито сопела и требовала, чтобы они скорее покинули поляну. Медвежата не собирались уходить в глубь леса. Они то затевали игру, то пытались взобраться на полуповаленную ветром березу, то, обойдя мать, пускались вскачь к месту встречи с людьми. Выведенная из терпения медведица так больно шлепнула Белогрудого, что он заскулил и, поджав свой коро-

тенький хвостик, послушно затрусил впереди матери. За ним следовал братишка, которого то и дело подталкивала носом медведица, и он словно мохнатый черный шар катился между высокими кочками.

Только после того как смолкли человеческие голоса и в чистом лесном воздухе исчезли даже едва уловимые запахи человека, медведица успокоилась, но навсегда увела медвежат с голубичной поляны.

В конце лета медвежья семья забрела на старую еловую гарь. Мертвый лес густо порос кустами малины, до которой медведи весьма охочи, но сладкие душистые ягоды росли не так густо, как у голубики, и насытиться ими медведи не могли. К этому времени начали поспевать орехи лещины. Белогрудому они очень понравились. Пригибая вершины кустарника к земле, он срывал орехи, вылуцивал их из кисловатых зеленых чашечек, и с наслаждением разжевывал вместе с мягкой скорлупой.

Незаметно вошла в лес осень. На зеленых увалах, поросших березняком и осинником, желтели деревья, а по утрам трава на полянах серебрилась от первого инея, исчезавшего с восходом солнца.

Медвежья семья перебралась в дубняки.

Осень — пора охотничья

В дубняках было светло и сухо. Коричневые блестящие желуди осыпались. Скатываясь по крутым склонам сопок, они заполняли собой малейшие впадины. Белогрудый не сразу привык к их вяжущему вкусу, но медведица с жадностью поела большое количество желудей, а после отлеживалась в соседнем ельнике. Ни один корм не способствовал столь быстрому ожирению медведей, как желуди и орехи, но желудями интересовались не только косолапы: их охотно поедали кабаны, изюбры и косули. Благо урожай был обильный, всем зверям вдоволь хватало питательного корма. Белки, бурундуки, полевки также пристрастны к желудям, но они не столько съедали, сколько растаскивали и прятали в свои норки и кладовые, — в этом им помогали сойки.

Дубняки манили к себе медведей обилием пищи, но жизнь в них была тревожной и полной опасности. Сюда часто наведывались охотники за кабанами, и медвежью семью беспокоили то мечущиеся в страхе секачи, то собаки

Однажды Белогрудый был напуган промчавшимся не-вдалеке табуном диких свиней. За ним неслась свора собак. Одна из собак, отделившись от стаи, пробежала очень близко. Почуввав медвежат, она кинулась в кусты, где затаился Белогрудый, и с лаем набросилась на оробевшего медвежонка. При этом она так больно укусила его за спину, что Белогрудый, громко взвизгнув, заверещал, словно заяц, попавший в волчьи зубы. Видя, что медвежонок мал и слаб, собака смелее наскочила на него, норовя схватить за загривок. Отчаянно визжа, Белогрудый что было духу помчался в заросли к матери, но от собаки нигде не было спасения. В эту минуту отчаяния и испуга Белогрудый услышал грозное уханье бегущей на помощь матери. Подоспевшая медведица одним ударом лапы отбросила злобного пса, а когда тот запутался в зарослях лиан, попыталась поймать его. Воспользовавшись бегством врага, Белогрудый проворно залез на высокий кедр и, удобно усевшись в развилке могучих ветвей, стал внимательно наблюдать за происходящим на земле.

Тем временем на лай и визг лайки подоспела целая свора. Окружив медведицу хрипящим от ненависти кольцом, псы то и дело норовили вцепиться в нее зубами. Убедившись, что детеныши вне опасности, медведица ринулась на врагов, прорвала окружение и стала уходить в сторону, уводя за собой псов.

Охотники еще издали увидели черный силуэт зверя, мчущегося между собаками, и уже предвкушали скорую добычу. Но старая медведица, быстро перемещаясь по склону, все дальше и дальше уводила за собой свору. Охотники отставали. В густых зарослях кустарника медведица почувствовала себя уверенней, упругие ветви кустов и стебли высоких трав не могли сдержать напора могучего тела зверя, но легких собак они отбрасывали назад, выпрямляясь подобно пружинам. Вскоре к разочарованным охотникам вернулись с высунутыми языками их четвероногие помощники.

Оторвавшись от собак, медведица долго уходила в противоположную сторону от того места, где остались детеныши. Но о них она не забыла. Когда все утихло в лесу и наступили сумерки, она, сделав широкий круг и убедившись, что охотники с собаками ушли в зимовье, вернулась к своему семейству. Еще издали услышала она нетерпеливое поскуливание медвежат, потерявших надежду на возвращение матери. Медведица двигалась бесшумно, но звереныши уло-

вили слабый шелест ее шагов. Спустившись на землю, малыши скоро успокоились, и вся медвежья семья ушла к дальним каменистым сопкам. Там не было такого обилия желудей, но зато никто не мог потревожить покой зверя.

В лесу стояла та короткая, но благодатная пора, когда всего здесь вдоволь: и тепла, и пищи. Дни установились яркие, солнечные, но летнего зноя уже не было. Ночная прохлада освежала лес и его обитателей. Однообразный зеленый наряд сопки вначале оживился охристыми пятнами отдельных деревьев бархата и березы, затем эти пятна расширились, разлились по увалам, поросшим осинником и ясенем, вспыхнули огненно-багряными купами клена и рябины. Прошла неделя, и склоны всех сопки, насколько хватало глаза, покрылись такой цветистой гаммой, таким пестрым радужным ковром, что многие птицы запели свои песни, словно вернулась весна. Исчезли слепни и клещи, меньше докучали комары, и только назойливая мошка по-прежнему набивалась Белогрудому в уши, щекотала ноздри. В лесу стало сухо и светло. Вкусные орехи и желуди лежали на каждом шагу. Насытившись желудями, Белогрудый залезал на усохшие ели, обвитые виноградом, и лакомился темно-синими сладко-кислыми ягодами.

Прошло два месяца, а медведица и медвежата так зажирили, что едва передвигались. С таким запасом можно было зимовать спокойно. В конце октября медведица начала разыскивать новую берлогу. В старую она не хотела возвращаться, как бы понимая, что с выросшими медвежатами там будет тесно. Она искала липу с обширным отверстием между корней и вскоре нашла ее. Обнаружив дупло, она зубами расширила вход, забралась внутрь, спустилась к корням и, устроив мягкое логово, вылезла наружу. Подернутое облаками небо предвещало снегопад. На медведей нашло сонливое состояние. Отойдя с полкилометра от берлоги, они соорудили из зеленого лапника гнездо под старым кедром и улеглись на пахучих ветках. Неизвестно, сколько бы пролежали медведи в гнезде, если бы на второй день не полетели «белые мухи». Черная шкура медведицы засеребрилась. Стряхнув с себя пушистый снег, она уверенно направилась к берлоге. Подойдя к липе, медведица быстро исчезла в черной дыре дупла, малыши последовали за ней. К вечеру усилившийся снег сровнял вмятины когтистых следов. Казалось, ничто теперь не угрожало спокойствию медвежьей семьи...

Страшнее зверя

Так бы и пролежали медведи долгую зиму в своей не приметной берлоге, если бы в лес не пожаловали охотники из города. В том же самом ключе, где находилась берлога, они поставили низенький сруб из сухих тонких елок, натянув поверх него палатку. В середине на большом камне установили жестяную печь, а вокруг печи нары. На поиски зверя они уходили в дальние ключи, полагая, как и все охотники, что чем дальше в лес, тем больше медведей.

Однажды один неопытный, плохо ориентировавшийся в лесу горожанин решил внимательно осмотреть уголья неподалеку от табора. Вскоре он подошел к знакомой нам липе и начал внимательно рассматривать ее замшелую кору. Зная по рассказам, что медведи ложатся на зиму в дуплах старых лип, он заинтересовался царапинами, видневшимися на стволе.

Развязав рюкзак, охотник достал топор и постучал обухом по стволу. Глухой звук пустотелого дерева разнесся по лесу, и тишина стала еще настороженней. Выбрав удобное место, охотник начал прорубать отверстие в липе. Уже с первых ударов железа по стволу медведица встала на лапы и затопталась на месте. Ее волнение передалось медвежатам, и они робко прижались к матери, дрожа всем телом. Под ударами топора содрогались толстые стены берлоги, в ушах Белогрудого гудело, древесная пыль наполняла его чуткие ноздри. Он стал потихоньку кашлять.

Вытирая вспотевший лоб, охотник рубил липу. Светлый живой слой древесины сменился грязновато-желтым прелым. Еще несколько взмахов топора — и появилось небольшое отверстие. Прислонившись к нему носом, медведица с шумом втянула в себя свежий морозный воздух, насыщенный резким запахом человеческого пота. Охотник вздрогнул. Бросив топор, он схватил ружье, но медведица исчезла в темной щели. «Надо скорее расширить отверстие, и тогда будет видно, куда стрелять», — подумал охотник и с лихорадочной поспешностью принялся за дело, не обращая внимания на рычание зверя. Дыра в дереве расширялась. Теперь хорошо было видно, как ворочается в ней медведь. О том, что в берлоге находится медведица с двумя медвежатами, охотник не подозревал.

Сменив топор на ружье, он стал целиться в прорубленное отверстие. Ему показалось, что во тьме светятся ма-

ленькие злые медвежьи глаза, и он потянул за спусковой крючок. После грохота выстрела послышался яростный рев. Внутри липы заскрежетали медвежьи когти.

«Полез! Видать, промахнулся!» — пронеслось в голове охотника. В страхе бросился он прочь от берлоги. «Отбежать бы шагов на двадцать, а там из-за укрытия можно застрелить медведя», — думал на бегу охотник. Глубокий рыхлый снег скрывал валежник. Зацепившись за сук, человек упал в снег и уронил ружье. Быстро поднявшись, он обернулся и увидел, что медведица вылезает из дупла. Полагая, что медведь не скоро слезет на землю, охотник спешил укрыться за елкой и затем поразить зверя. Но когда он обернулся, медведица исчезла. Опытный зверь, скрывшись за деревом, быстро спускался на землю с невидимой для человека стороны.

Снова пришлось отбегать в сторону, чтобы увидеть зверя, но медведица смело прыгнула на землю с четырехметровой высоты и, подняв клубы снежной пыли, замелькала черным шаром между деревьями. Два беспорядочных выстрела не остановили ее стремительный бег. Невредимой скрылась она в непроходимой чаще.

В растерянности стоял горожанин, все еще не веря, что его охотничье счастье ушло из рук. «Словно запечатанный в бочке, сидел в берлоге медведь, и вот, поди же, не смог взять», — сокрушался он, направившись было к палатке, но любопытство остановило его. Зарядив ружье, человек медленно подошел к берлоге и осторожно заглянул в прорубленное отверстие. На дне обширного липового дупла лежал убитый медвежонок. Чуть не вскрикнув от радостного изумления, охотник пошевелил медвежонка стволом ружья, затем, вырубив рогульку, вытащил свою добычу, которая едва ли достигала двадцати килограммов. Поместив трофей в просторный рюкзак, повеселевший горожанин торопливо зашагал к пристанищу: ему не терпелось поскорее рассказать о своих приключениях товарищам.

Когда медведица после выстрела, сразившего насмерть брата Белогрудого, быстро полезла к выходу из берлоги, Белогрудый последовал за ней. Его маленькое тело содрогалось от неимоверного ужаса. Огненная вспышка выстрела, оглушительный грохот, запах едкой пороховой гари и крови, наконец, испуганный рев матери ошеломили его. Мелкая дрожь сотрясала тело медвежонка, лапы его цепенели. Боясь сорваться и упасть на дно берлоги, Белогрудый из

последних сил впился своими острыми когтями в гниловатый сук липы и затаился в дупле.

Торопясь, охотник не удосужился поглядеть вверх. Случись такое, он бы обнаружил и легко убил Белогрудого.

Потеряв мать и брата, Белогрудый не покидал своего убежища, хотя холодный сквозняк назойливо обдувал его продрогшее тело. Ему было страшно и тоскливо, но даже скулить потихоньку он боялся. Наступили ночные сумерки, недалеко заухал филин. Осторожно озираясь по сторонам, медвежонок вылез из берлоги, спустился на землю и, разыскав след матери, устремился за ней вдогонку. Но прошло не менее четырех часов, прежде чем ему удалось догнать свою мать. Найдя старое кабанье гайно, они отдохнули, а с зарей направились в глубь темных кедрочей. Белогрудый едва поспевал за матерью. Вскоре сумрачные кедровники сменились светлыми рощами ясеней. Медведи вышли в долину широкого каменистого ключа. На их пути встал старый дряхлый тополь. Его толстый морщинистый ствол едва обняли бы четыре человека. Между огромными сучьями зияла черная дыра. Медведица, увидев еще издали это отверстие, с ходу забралась на тополь и спустилась в дупло. Белогрудый последовал за ней. Новая берлога была просторнее первой, но более сырой и неудобной. Все же медведи спокойно проспали здесь до самой весны.

Самостоятельная жизнь

Весна пришла в лес шумная. Ветер раскачивал голые деревья, и, когда соприкасались сухие ветви или стволы умерших елей, они протяжно стонали и скрипели. Но звери привыкли к звукам леса и не пугались. Белогрудый проснулся раньше матери, ему не терпелось размять свои молодые лапы, и однажды теплым мартовским днем он вылез из дупла и спустился на землю. Снег в ключе почти растаял. Пахло прелой листвой. Побродив вокруг тополя до вечера и наевшись зеленой травы, перезимовавшей под снегом, Белогрудый вскарабкался на тополь и спустился в теплую берлогу. Тщательно облизав мокрые лапы, он свернулся клубком и подвалился к спине матери.

Прошло еще два дня, и Белогрудый вместе с матерью покинул берлогу. Сперва они довольствовались прошлогодней травой, сохранившимися под снегом желудями и орехами, затем направились к закрайкам сплошных лесов, где

было много муравьев, личинок, насекомых и съедобных корней.

Теперь Белогрудый не следовал по пятам матери и не боялся оставаться подолгу один, и все же, потеряв из вида мать, он не успокаивался до тех пор, пока ее не находил.

В начале лета к ним как-то подошел незнакомый медведь. Белогрудый ожидал, что мать прогонит его, но медведица не проявила к прищельцу ни малейшей злобы. Белогрудый издали наблюдал за чужаком. Когда же он решился завязать знакомство, тот так нелюбезно покосился на пестуна, что Белогрудому оставалось только побыстрее удалиться.

Некоторое время они ходили втроем, но однажды незнакомец со злобой набросился на Белогрудого, и только проворство молодого медведя спасло его от удара клыков. Медведица все больше охладевала к своему взрослому сыну. Белогрудый все чаще и чаще уходил в сторону и вел самостоятельный образ жизни.

В жаркие, душные дни, когда его донимал гнус, он залезал на крутые вершины каменистых сопок и подолгу нежился на небольших полянках в тени дубов и кедров. Иногда спускался к речке и, найдя тихую заводь, лежал в воде, наслаждаясь прохладой.

Но даже в самую жаркую пору аппетит никогда не изменял ему. Особое предпочтение отдавалось молодым побегам борщевика, белокопытника и дудника. Охотно поедал он и луковицы и корневища сараны, ариземы, ириса, и даже осока и хвощ входили в его вегетарианское меню.

Набродившись вдоволь по лесу и утолив голод, он искал укромное место для отдыха. На земле молодой медведь не решался отдыхать, его могли обидеть любые звери: волки, тигры, бурые медведи. Чаще всего он забирался на толстые старые кедры и свивал из веток удобное гнездо. Густая крона кедра защищала его от проливных дождей, а прямой, лишенный внизу сучьев ствол дерева был недоступен для врагов.

Однажды, когда Белогрудый лежал в своем гнезде, к кедру подошел тигр. Почувяв запах молодого медведя, амба поднял голову и стал принюхиваться. Сквозь густые переплетенные ветки кедра он вскоре рассмотрел соблазнительную добычу. Но как овладеть ею? Белогрудый тоже заметил страшного врага. Притаившись в гнезде, он решил отсидеть-

ся, а когда тигр уйдет, спуститься на землю и навсегда покинуть чужие владения. Но тигр был голоден и не собирался отступать. Отойдя от кедра, он лег за прикрытием и стал караулить. Только к вечеру, просидев в засаде чуть ли не весь день, тигр потерял терпение.

Подойдя к кедру, могучий зверь поднялся на задние лапы, запустил в красноватую кору светлые, словно выточенные из нефрита, когти и с трудом полез вверх. В ужасе заметался в гнезде Белогрудый. Ему нужно было спастись бегством, но куда бежать? Забравшись на самую вершину кедра, Белогрудый схватил в охапку тонкие ветви и, раскачиваясь на них, затих, не спуская глаз с преследователя. Как бы не веря, что добыча ускользнула, тигр добрался до гнезда, обшарил его лапой и сконфуженный сполз обратно. Полежав на земле несколько часов, он удалился прочь.

Белогрудый долго еще сидел на кедре, всматриваясь в каждый предмет, лежащий на земле, и приюхиваясь к свежему лесному воздуху, прежде чем решился спрыгнуть на землю.

Как-то, бродя в долине горной реки, Белогрудый на старом ильме увидел гнездо. Ему и раньше нередко попадались гнезда на деревьях, и он с удовольствием поедая яйца птиц. Найденное теперь большое гнездо было устроено на сломанной вершине. Хозяева гнезда — черные аисты отсутствовали, и Белогрудый полез на дерево.

С легкостью и проворством обезьяны забрался он на высокий ильм и с нетерпением заглянул в гнездо. Но вместо яиц он увидел там какое-то странное существо с растопыренными полуоперившимися крыльями и длинным раскрытым клювом. Птенец издавал щелкающие звуки и норовил клюнуть Белогрудого в глаз. Когда прошел невольный испуг, медведь осторожно потрогал лапой птенца и, убедившись, что тот не опасен, открыл пасть, чтобы схватить его. Но в этот миг что-то прошумело над головой Белогрудого и большая птица с криком ринулась на грабителя, больно ткнув его в спину острым клювом. На тревожный крик самки прилетел самец, и супружеская чета аистов решила проучить непрошеного гостя. Удары сильных клювов и крыльев были столь болезненны и часты, что Белогрудый взревел и беспорядочно замахал передними лапами. Боясь, что аисты сбросят его с дерева, он начал сползать вниз, судорожно цепляясь за ветки и уклоняясь от беспощадных ударов. До самой земли провожали его рассерженные птицы, вырывая из медвежьей шкуры клочки черной шерсти. Опрометью бросился Белогрудый в густые заросли прибрежного кустарника...

Незаметно летело время. Приближалась зима. Нужно было подумать о берлоге. Надеясь на помощь матери, Белогрудый упорно разыскивал ее по склонам сопок. Медведицу он нашел на вершине крутой горы; она была занята тем, что прогрызала отверстие в сухой пустотелой липе. Обрадовавшись встрече, Белогрудый разлегся под липой в ожидании завершения работы. Когда отверстие стало достаточно просторным, медведица опустила в дыру задние лапы и скрылась в дупле. Видя, что мать больше не появляется наружу, Белогрудый спокойно последовал за ней. Но на этот раз медведица встретила его угрожающим рычанием. Не сразу понял Белогрудый, что от него требуют покинуть берлогу. Он принял было вид провинившегося: застенчиво отворачивал морду, плакал, но ничто не помогло. Видя, что сын упорствует, медведица больно укусила его за загривок и грозно рявкнула. Пришлось уходить прочь и самому искать пристанище.

С едва слышным шипением шел мелкий крупчатый снежок, и маленькие лапы Белогрудого оставляли на нем неясные отпечатки. Молодой медведь то плелся кабаньими тропами, то вспрыгивал на поваленное дерево и брел по нему, и тогда след его терялся. Вот и знакомый старый кедр.

Когда-то, лазая за шишками, Белогрудый укрывался в его дуплистой вершине. Старый великан был еще живым, плодоносящим деревом, но один из больших суков его вершины усох, выгнил. В этом дупле и нашел усталый медвежонок себе убежище на зиму.

На тридцатиметровой высоте, недостижимой для врагов, затаился на долгие пять месяцев зимней спячки Белогрудый. Забытый родной матерью, один среди враждебных сил природы, безмятежно спал он в своей первой в жизни берлоге, и снилось ему веселое лето...

Бывают ли пестуны у медведей?

Выйдя из берлоги, Белогрудый, не привыкший к столь длительному одиночеству, затосковал по матери. Желая во что бы то ни стало разыскать ее, он направился к тому месту, где осталась с осени медведица.

Утолив голод скудной травой и несколькими прошлогодними крупными и твердыми как камень орехами, он кружил по косогору, пока не нашел злополучную липу. Тщательно обнюхав дерево, он убедился, что медведица покинула берлогу всего за день до его прихода. Кроме знакомого запаха материнских следов он уловил еще и тонкий запах двух маленьких медвежат.

Если бы Белогрудый, не отвлекаясь, пошел по этим следам, он, возможно, и догнал бы медведицу, но голод постоянно напоминал ему о пустом желудке, и Белогрудый то и дело останавливался у валежин и старых пней в поисках насекомых. Вскоре следы матери исчезли под следами большого бурого медведя. Белогрудый свернул с них, но долго еще шел в заветном направлении.

Много дней искал он мать и за это время не раз встречался с медведями. Однажды он увидел играющих на выворотне двух малышей, но когда подошел к ним поближе, на него с ревом набросилась незнакомая медведица. Едва убежал Белогрудый от рассерженной мамыши.

Потеряв всякую надежду найти свою мать, он постепенно свыкся с одиночеством. Да иначе и не могло быть: взрослые медведи его обижали, а маленькие ревностно оберегались своими мамышами, к ним не было доступа.

Прошло лето. Начали поспевать кедровые шишки. Белогрудый помнил вкус сладковатых орешков, от них он жирел быстрее, чем от желудей. Его потянуло в кедрачи. Но шиш-

ки, дразня медвежий аппетит с высоты вершины, еще не падали на землю. И вот однажды, бродя по этим заповедным местам, Белогрудый неожиданно столкнулся с медведицей. По привычке он хотел было броситься наутек, но когда его ноздри уловили самый знакомый в мире запах, с какой радостью поспешил навстречу матери Белогрудый!

Мать холодно встретила бурное проявление чувств своего почти взрослого сына. И хотя поднявшаяся было дыбом ее шерсть улеглась и оскалившиеся клыки закрылись верхней губой, она не позволила Белогрудому облизать себя.

Подбежавшие медвежата, видя, что мать не прогоняет пришельца, робко приблизились к нему. Вскоре вся семья мирно бродила по кедрачу в поисках шишек. Белогрудый был полон сил, встреча с матерью приподняла его настроение. С проворством, присущим только молодому медведю, он быстро взобрался на самую макушку кедра, где крупными гроздьями висели золотистые шишки, и начал сбрасывать их на землю. Медведица быстро оценила находчивость своего старшего сына. Она подозвала медвежат, и они втроем принялись за еду. Собрав несколько шишек в кучу, медведица расплющивала каждую шишку зубами, затем когтями выбирала из нее орешки, тщательно их разжевывала и с наслаждением проглатывала. Медвежата следовали ее примеру, но у них это получалось медленнее. Когда Белогрудый спустился на землю, ему досталась всего пара шишек, но это несколько не огорчило его и он тут же полез на следующий кедр. Раздвоенная вершина дерева оканчивалась тонкими ветвями, на конце которых держались шишки, и добраться до них Белогрудый не мог. Тогда, укрепившись в развилке более толстых сучьев, он подгрыз одну из ветвей, особенно обильную плодами, и, уцепившись за нее когтями лапы, начал тянуть к себе. Ветвь с громким треском сломалась и полетела на землю, за ней последовала вторая, затем третья. И опять Белогрудому мало что досталось. Пришлось лезть на третий кедр. Это было могучее трехсотлетнее дерево в расцвете плодоношения. Его густая пышная вершина, напоминающая перевернутый веник, была усыпана сотнями шишек. Забравшись на вершину, Белогрудый распластался на ней и лапами начал колотить по ветвям. Шишки градом посыпались на бродивших внизу медвежат. Они так больно ударяли малышей по спинам, что медвежата жалобно взвизгивали и удирали в кусты, чтобы затем с удвоенным аппетитом наброситься на желанное лакомство. Как ни

быстро расправлялись медведи с шишками, кое-что на этот раз перепало и Белогрудому. Утолив голод, семейство разлеглось на мягкой сухой подстилке из хвои.

Медвежата стали неразлучными друзьями своего старшего брата. Они заигрывали с ним, спешили к нему, когда он находил вкусную пищу, и Белогрудый добродушно делился добычей с ними. Только отношение к нему матери не становилось нежнее.

Так в течение всей осени бродили они совместно по тайге, добывали корм и отдыхали, удивляя своими следами охотников. Когда наступила пора ложиться в берлогу, мать прогнала Белогрудого и он ушел к своему старому кедру.

Какой медведь не любит меда...

Прошло несколько лет. Белогрудый стал взрослым, сильным зверем. Его густая черная как вороново крыло шерсть лоснилась. Белое пятно на груди расширилось и стало похоже на силуэт летящей чайки. Длинная шерсть делала шею непомерно широкой. Крепкие, круто загнутые острые когти позволяли ему в поисках пищи взбираться на самые высокие деревья. Он не любил общества себе подобных, держался отшельником, и лишь в первые два месяца лета его можно было увидеть рядом с самкой. Больше всего Белогрудый боялся человека, тигров и крупных бурых медведей.

Если Белогрудому случалось отыскать гнездо диких пчел в дупле какого-нибудь толстого старого дерева, колоссальную работу проделывал косолапый, прежде чем добирался до лакомой пищи. Иной раз он часами сидел на дереве, обхватив ствол лапами и прогрызая древесину, чтобы извлечь из дупла кусочек сотов, истекающих душистым медом. Крылатые защитники беспощадно жалили его в нос, губы и уши, пробирались сквозь шерсть к животу и груди, где шкура была тоньше и нежнее. Однако гнезда диких пчел встречались редко, иногда ему приходилось довольствоваться гнездами ос. Правда, там не было меда. Но личинки были тоже вкусны.

Бродя по липнякам, Белогрудый как-то вышел к пасеке. Тонкое чутье зверя еще издали уловило сладковатый медовый дух, источаемый улейками. Потоптавшись на месте, Белогрудый не решился зайти с ходу на пасеку, но и уйти прочь не хватило воли. Дождавшись ночных сумерек, медведь пошел вокруг пасеки, прислушиваясь и принюхиваясь.

На его счастье пасечник отлучился на пару дней в деревню, и на пасеке никого не было. Крадучись, словно за каждым кустом его подстерегал враг, Белогрудый зашел на пасеку, подошел к крайнему улью, обнюхал его и поцарапал леток когтями. Сперва он пустил в ход зубы, полагая, что соты, как и в дереве, спрятаны под толстым слоем древесины. Но ненароком он столкнулся с улья крышку и, запустив лапу внутрь, выбросил на траву сразу две рамки с сотовым медом. Сонные пчелы густо облепили рамку, но Белогрудый не обращал на них внимания. С жадностью, довольно урча и потирая лапой обкусанный нос, поедая мед вместе с восковыми сотами и сидящими на них пчелами. Покончив с одним ульем, он перешел к другому, затем к третьему, четвертому, пятому... Теперь он знал, как нужно сбрасывать крышку и доставать соты. Первый раз в своей жизни Белогрудый так наелся меда, что у него заболел живот.

Долго потом сокрушался пасечник, вернувшийся из деревни. В адрес медведей неслись такие яростные проклятия и пожелания, что, осуществись они даже наполовину, род медвежий перестал бы существовать на земле. Успокоившись и убрав пустые ульи, пчеловод решил оградить свое хозяйство от вторичного вторжения косолапых. С этой целью он соорудил подобие изгороди из веток и сучьев срубленных деревьев и кустов. Только в двух местах оставил удобные проходы, словно приглашая медведя воспользоваться одним из них. В каждом проходе он насторожил петли из тонкого стального троса, закрепив их концы на толстых деревьях. Петли были подвешены к кустам на уровне головы медведя. Идя по проходу, он неминуемо должен был попасть в петлю и затянуть ее на себе. Чтобы трос был незаметен, пасечник замаскировал его травой и ветками кустарников. Сам же пасечник устроился на краю обширной поляны, подступавшей к пасеке с юга: если медведь пойдет открытым местом, то попадет под разрывную пулю.

С наступлением ночи старик уселся на сидьбу. Взошедшая луна наполняла лес таким ярким светом, что появившись на тропе мыш, и ту можно было разглядеть. Прислушиваясь к неясным шорохам, просидел караульщик до утра, так и не дождавшись медведя. Не пришел зверь и на вторую ночь. Не знал пасечник, что объевшийся Белогрудый стал на несколько дней равнодушным к меду.

Потеряв надежду подкараулить грабителя, старик занялся своими пчелами, перестал ходить на засидку, но петель

не снимал: для людей и собак они неопасны, а скот в лесу не ходил.

Прошло более полумесяца, прежде чем Белогрудого снова потянуло отведать меда. Он направился к знакомой пасеке. Ночь на этот раз выдалась пасмурная, глухая, ветер шумел в высоких вершинах кедров, растущих по гребням сопок, а в распадках было тихо. Подойдя к омшанику, медведь остановился у засеки. Раньше ее здесь не было. Лист на срубленных деревьях засох и предательски шелестел, а Белогрудому хотелось бесшумно пробраться к ульям. Зверь понимал, что грабить чужое добро безнаказанно нельзя, и трусливо озирался по сторонам. Но вот завиднелся просвет, к нему и направился Белогрудый. Вскоре он заметил трос и осторожно обнюхал его. Запах железа еще не был знаком медведю. Белогрудый мог свободно уклониться от петли, пройти стороной, но незнакомый предмет нужно было исследовать, потрогать, и он, словно зная о коварных свойствах настроженной ловушки, просунул в нее голову и слегка потерялся о трос шеей. Почувствовав, как что-то холодное обвилось вокруг шеи, медведь рывкнул и с такой силой рванулся вперед, что перекувыркнулся через голову: туго затянувшаяся петля держала его мертвой хваткой.

На Белогрудого напал панический страх, в груди закипела злость. Сперва ему казалось, что во всем виноваты кусты и молодые деревца. Он дробил их зубами, вырывал с корнем. Вскоре вокруг дерева, к которому была прикреплена петля, образовалась хорошо расчищенная поляна, по ней с бешенством кружился Белогрудый, то наматывая, то разматывая гибкие кольца. Выбившись из сил и успокоившись, он попытался трос перекусить, и это ему удалось бы, но каждый раз он кусал стальной канат в разных местах. Затем он попытался стащить петлю с головы, ухватившись за нее когтями передних лап. Медведь изгрыз клыками добрую половину дуба, закрутил вокруг него трос и притих, задыхаясь в петле. Слюна текла из его раскрытой пасти, пачкая шкуру.

Пасечник спал плохо. Выйдя среди ночи из избы, он услышал треск ломаемого кустарника и отчаянный рев зверя, но идти к ловушке не решился: в темноте было трудно разобрать, где зверь, а где выворотень, к тому же у деда была плохонькая одноствольная «ижевка», заряженная «жаканом». Пришлось ему ждать утра.

Солнце еще не поднималось над лесом, когда пасечник

подпоясался патронташем, на котором висел внушительной длины нож, и направился к пойманному зверю.

— Что, попался, черный разбойник? — злорадно обратился он к медведю. — Заплатишь теперь шкурой за все улейки!

С этими словами старик стал целиться в Белогрудого, но никак не мог поймать на мушку убойное место. Он не торопился, уверенный в том, что медведь никуда не уйдет, и хотел одной пулей положить зверя наповал. Измученный и перепуганный Белогрудый беспорядочно метался.

Грянул выстрел... Белогрудый инстинктивно рванулся в сторону. Железная петля, мертвой хваткой державшая его за шиворот, вдруг разжалась. Медведь мотнул головой, рывкнул и, не сдерживаемый больше тросом, ринулся в кусты.

Дрожащими руками пасечник перезарядил ружье и выстрелил еще раз по убегающему зверю, но снова промахнулся. Все стихло.

«Неужто порвал трос?» — пронеслось в голове незадачливого охотника. Он подошел к изгрызенному медведем дубу и остановился в недоумении. Трос на витке оказался пересеченным пулей. Из тысячи шансов на спасение это был единственный, и он выпал на долю Белогрудого.

Долго бежал с петлей на шее Белогрудый. Затем, бухнувшись в болотистый ключ, лежал в прохладной воде до тех пор, пока не перестало бешено колотиться сердце. Выйдя из воды и отряхнувшись, он сравнительно легко, одним рывком лапы сорвал с себя петлю и, как бы боясь, что она снова вопьется в его шею, побрел прочь.

Огнем и свинцом

После страшных переживаний на пасеке Белогрудый сменил место своего обитания. Несколько дней шел он на юг, и когда на пути встретилась река с быстрым течением и прозрачной холодной водой, переплыл ее. Теперь леса состояли преимущественно из дуба, и медведь принялся искать на земле желуди, хотя падать им в июле было рано. Побродив по бескормному лесу, Белогрудый взобрался на старый дуб и, усевшись в развилке трех сучьев, начал грызть ближнюю к нему ветвь. Затем, ухватившись передней лапой выше надкуса, он сломал ее и, перебирая лапами,

стал выискивать желуди. Молодые плоды очень понравились Белогрудому, он сломал вторую ветвь, затем третью. Покинул Белогрудый дуб лишь тогда, когда вокруг не осталось ни одной ветви, до которой он не мог бы дотянуться. С уходом медведя вершина пышного некогда дерева оголилась, а в развилке сучьев огромным гнездом темнела куча объединенных ветвей. Немало заломил Белогрудый дубовых вершин, прежде чем желудь стал падать на землю и пропала нужда лазать на деревья.

Откормившись на желудях, Белогрудый приступил к поиску берлоги. В незнакомом лесу он не встречал толстых пустотелых лип и тополей, зато огромных сухих кедровых пней было немало.

Ураганный ветер редко выворачивал старый кедр с корнями, обычно он ломал его поперек ствола. Проходило много лет. Высокий пенёк постепенно выгнивал изнутри и стоял в лесу, как большая деревянная труба. Бывало, что там поселялся филин, но чаще всего пни облюбовывали для жилья гималайские медведи. К одному из них и приобрел Белогрудый. Он умел по звуку, издаваемому деревом, определять его пустотелость. Поднявшись на задние лапы, медведь ударил передней по пню, загудевшему словно пустая бочка. Затем внимательно обошел его, обнюхал и влез на вершину, добравшись до сырого дна, приступил к устройству ложа. Работая когтями, тщательно оскреб внутренние гнилые стенки дупла, обгрыз торчащие пиками основания бывших сучьев. Весь этот «материал» устлал дно берлоги сухим и мягким полуметровым слоем. Утрамбовав подстилку, Белогрудый улегся на ней, убедился, что берлога получилась на славу, и выбрался наружу. Ему нужно было подготовить себя к пятимесячной спячке, да и снег еще не выпал, а он любил ложиться «под снег», чтобы не было видно никаких следов у берлоги.

В середине ноября, когда Белогрудый еще не успел, как говорят охотники, «залезаться», к кедровому пню подошел человек. Добывая белок и колонков, он интересовался крупным зверем лишь тогда, когда нужно было запастись мясом, которое все охотники любят и едят помногу. Осмотрев свежие царапины на пне, он остановился в нерешительности: царапин было много, видно, зверь несколько раз залезал и слезал, а вот сидит ли он в дупле? Поручиться за это было нельзя. Ясно было одно: нужно прорубить отверстие в пне и проверить. Достав из рюкзака топор, охотник сру-

бил ореховый прутик, расщепил его на конце, затем снял карабин с предохранителя и прислонил его к стоявшему рядом дереву. Постукивая обухом топора по пню, охотник нашел более тонкую стенку и стал рубить.

При первом же ударе топора Белогрудый вздрогнул. Этот звук не предвещал ничего хорошего. Прижавшись к дну берлоги, медведь решил не выдавать своего присутствия.

Долго рубил охотник. Смолистые щепки отлетали далеко на снег. Наконец светлый плотный слой сухого кедра сменился темной трухлявой сердцевиной, пустотелости не было. Охотник понимал, что прорубил ниже «пробки» — того плотного слоя в дупле, на котором лежал медведь. Теперь следовало пробить колом «пробку» и поднять медведя, если он находился в берлоге. Вырубив и заострив ореховый кол, охотник приступил к делу. Сменив несколько сломавшихся кольев, он наконец пробил «пробку» у самого края крепкого слоя, слегка задев за бок Белогрудого. Прижавшись к противоположной стенке берлоги, медведь по-прежнему не проявлял признаков жизни. Своим упорством он немало поколебал уверенность охотника, и если последний не уходил, то только потому, что никак не мог просмотреть внутреннюю полость столь подозрительного пня.

Потеряв терпение и немало утомившись, охотник решил «прощупать» пень другим способом. «Авось какая пуля и заденет упрямого сидня», — думал он, отходя от пня и выбирая место, куда пустить пулю. После выстрела ему показалось, что внутри дерева что-то заскребло, но вскоре в лесу снова установилась мертвая тишина. Наступающие сумерки торопили охотника. Стрелять он больше не стал, но решил поджечь пень.

По счастливой случайности пуля Белогрудого не задела. Она прошла между лапами зверя и ударилась в противоположную стенку берлоги. Это сотрясение пня и заставило медведя быстро развернуться, но какая-то сила снова удержала его на месте. Собрав сухие щепки, охотник сложил их в прорубленное отверстие и поджег. Щепки несколько раз падали в снег и гасли, но наконец разгорелись, и пламя весело побежало по стволу обломанного кедра. Вскоре огромный пень запылал. «Видать, нет медведя, чем-то не понравилась ему эта берлога, пошел искать лучшую», — подумал охотник, надевая на топор чехол и укладывая его в рюкзак. Постояв еще несколько минут у горящего пня, он зашагал к своей охотничьей избушке.

Не боялся огня и дыма Белогрудый, будучи знаком с низовыми пожарами, поэтому удушливый запах горящего дерева лишь заставил его уткнуться нос в пористые трухляшки: дышать так было легче. Но вскоре горящие снаружи стенки берлоги до того распались, что пребывать далее в своем убежище медведь не мог. И хотя он был уверен, что снаружи его поджидает охотник, все же решил покинуть берлогу. Вылезая из дупла, он схватился было за горящий край, но, почувствовав нестерпимую боль в правой лапе, толкнул свое тело вниз и полетел на землю. Глубокий снег и мелкий густой подрост елей смягчили удар. Мигом поднявшись на лапы, Белогрудый развернулся и на широких махах понесся к ключу.

Пробежав довольно большое расстояние, он остановился и, убедившись, что за ним нет погони, заковылял на трех лапах. Кожа ступни правой передней лапы вздулась большим пузырем, нестерпимо болела. Шерсть на животе и левом боку обгорела и запеклась, но главное — он был жив!

Безбрежный, как океан, лес укрыл его от человека. Но надолго ли?

ПОСЛЕДНИЙ БАРС

На склонах Буреинского хребта — там, где он упирается в Амур крутыми сопками, с давних времен водились барсы. Случалось, что приходили они из Маньчжурии вслед за кочующими стадами косуль. Богатые копытными зверями леса обеспечивали им сытую жизнь, но не была она спокойна. С каждым годом увеличивалось число охотников, и как ни осторожны были эти чуткие звери, все чаще и чаще попадали они под пулю или в руки звероловов. Ни один охотник не смог бы выследить летом барса: мягкие барха-

тистые лапы этой исполинской кошки почти не оставляли следов на земле, серовато-желтая же окраска меха с ярким узором черных пятен по всему телу делала зверя незаметным. Когда он неподвижно лежал на земле среди травы и кустов, даже зоркие олени, подходившие на близкое расстояние, не замечали своего смертельного врага — так хорошо сливалась его окраска с окружающей местностью.

Никто не знал, когда появился в истоках Биджана этот барс. Возможно, он пришел из-за Амура по сковавшему реку торосистому льду, а может быть, и родился здесь. Только чувствовал он себя в этих лесах неплохо и не собирался покидать облюбованных мест.

Барс был очень терпелив. Он мог подолгу просиживать у звериных троп, подстерегая свою жертву. Однажды он вышел на охоту осенней темной ночью. Но это не было помехой: как и все кошки, он предпочитал ночной поиск. Найдя кабарожью тропу, барс лег около поваленного дерева на живот, вытянув свое мускулистое тело, и замер в ожидании. Долго и терпеливо прислушивался он к каждому легкому шороху, но вот уже заалел восток, а на тропе никто не появлялся. Барс намеревался было покинуть засаду, как вдруг в стороне от тропы показалась кабарга. Огромными прыжками кинулся хищник ей навстречу. Отпрыгнув в сторону, ошалелая кабарожка понеслась птицей, перемахивая двухметровые кусты, но скорость нападающего зверя была столь стремительна, что не прошло и двух минут, как барс догнал и ударом передних лап крепко придавил к земле свою жертву.

Позавтракав, он взобрался по скалистому обрыву на труднодоступную, поросшую высокой травой и кустами боярышника каменистую площадку и заснул крепким сном. Лишь с наступлением вечерних сумерек он спустился к ключу, утолил жажду и отправился на прогулку. Голод не мучил его, но по пути он все же задавил несколько полевок. Скрытая ночная жизнь, недостижимое для охотников и собак место дневного отдыха способствовали его безопасности. Лишь следы на снегу могли навести на это логово собак и охотников. Других врагов в лесу у барса не было. Хотя по силе его превосходили крупные бурые медведи и тигры, но в ловкости уступали и не хотели связываться с ним.

Невдалеке от владений барса, в маленькой охотничьей избушке, выстроенной прошедшей осенью, жили два приятеля — молодые охотники. Добывали они белок да рябчи-

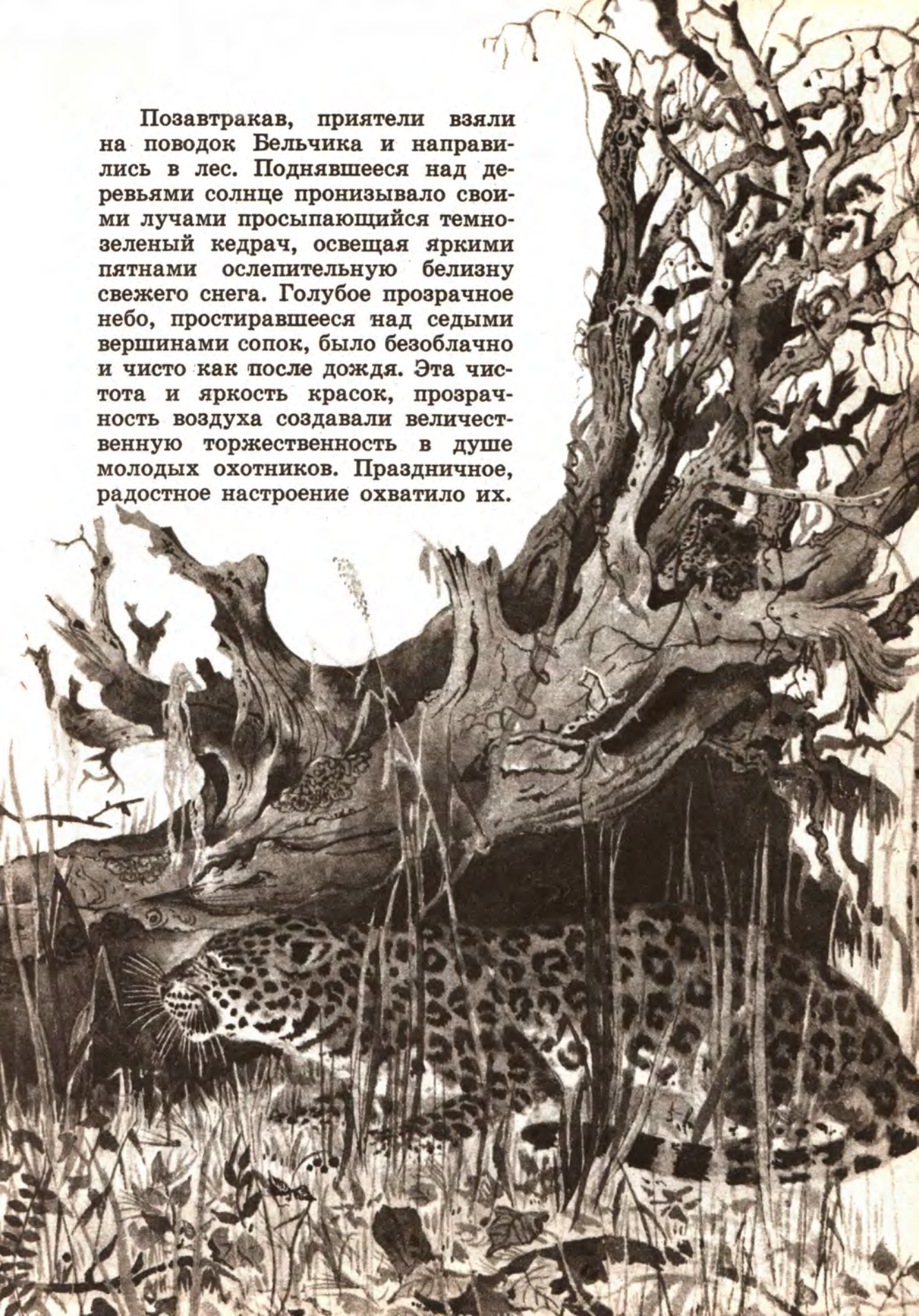
ков, мечтая в душе убить медведя или большого кабана, чтобы скорее утвердиться в звании настоящих таежных охотников. Оба работали в колхозной полеводческой бригаде и теперь находились в отпуске. Была у них собака Бельчик. На охоту ходили вместе — так было веселее, а если попадетсЯ берлога, то вдвоем брать зверя сподручнее.

— Колька, вставай! Вишь, небо светлеет. Белка на кормежку пошла, — будил своего друга русоволосый ученик комбайнера Петька.

— А мы ее будем брать, когда она с кормежки пойдет на лежку, — с этими словами Николай накинул на плечи коротко обрзанную шинелишку, снял с печки котелок и отправился к ключу за водой.

Позавтракав, приятели взяли на поводок Бельчика и направились в лес. Поднявшееся над деревьями солнце пронизывало своими лучами просыпающийся темно-зеленый кедрач, освещая яркими пятнами ослепительную белизну свежего снега. Голубое прозрачное небо, простиравшееся над седыми вершинами сопок, было безоблачно и чисто как после дождя. Эта чистота и яркость красок, прозрачность воздуха создавали величественную торжественность в душе молодых охотников. Праздничное, радостное настроение охватило их.

Поднявшись на сопку, они подстрелили двух белок и одного рябчика, полюбовались лесными далями и начали спускаться в кедровую падь. Идущий впереди Петр остановился:

— Смотри, Николай, табун чушек пропорол по своей старой тропе. Видать, недалеко где-то живут. Может, последуем?

Прятели постояли в раздумье около тропы, к которой тянулся Бельчик, — он причуивал свежие следы и ожидал, что его спустят с поводка.

— Давай попробуем, — наконец согласился Николай, перезаряжая дробовой патрон в своей «ижевке» на пулевой.

Быстро шагая по торной кабаньей тропе, молодые охотники стали догонять ушедший табун. Спустившись в падь, тропа повернула под прямым углом на восток и снова пошла в гору. Она проходила смешанным высокоствольным лесом, захламленным поваленными ветром старыми деревьями. Подойдя к вывернутому с корнем кедру, охотники остановились. Неизвестно кем напуганные кабаны запрыгали в разные стороны. Маховые следы говорили о том, что за кабанами кто-то гнался.

Внимательно осмотрев окружающую местность, охотники установили, что на поваленном кедре, лежавшем около самой тропы кабанов, их подстерегал какой-то зверь. Пропустив часть табуна, он бросился в самую гущу испуганных свиней, схватил первого подвернувшегося подсвинка и утащил его в ключ.

Но что это был за зверь?

Сперва подозрение пало на медведя, затем, рассмотрев внимательно следы, молодые охотники решили, что на кабанов напала тигрица — след был круглый и не особенно большой.

— Возможно, она с тигрятами, вот бы поймать! — высказался Петр. Николай подвел к следу Бельчика. Шерсть на загривке лайки поднялась дыбом.

— Эх ты, кабанятник, а на тигриных следах хвост поджимаешь. Да, с тобой тигра не взять, — сокрушенно вздохнул Николай.

Идти за смертельно испуганными кабанами было бессмысленно, преследовать же тигрицу охотники не решились: собака явно боялась тигров, да и ружья были слабоваты. Решили подняться снова на сопку поискать белок и идти в зимовье.

Вечером после обильного ужина охотники снова вернулись к разговору о тигрице.

— А что, Николай, если махнуть завтра в зимовье дяди? — предложил Петр. — Прямым и десяти километров не будет. Охотится он с двумя товарищами, собаки у них отличные. Тигров живьем они ловили.

— Может не пойти твой дядя. Скажет: след старый, либо не поверит нам.

— Ну и что, по дороге охота хорошая, зря время не проведем!

Легли пораньше, а чуть свет тронулись в зимовье Трофимова, что стояло на Каменном ключе. День выдался погожий. Идти по мелкому снегу — одно удовольствие. А тут то белка уркнет, то рябчик крыльями о ветки хлопает. Друзья и не заметили, как наступил вечер. До Каменного ключа оставалось не более часа ходьбы. Зашло солнце, но долго еще на небе не угасала вечерняя заря, идти по лесу было легко. Только подойдя вплотную к избушке, ребята увидели струйку голубого дымка, тянущуюся из железной трубы, — охотники вернулись и готовили ужин.

Немало удивился Трофимов, увидев своего племянника, о котором знал, что тот охотился вдалеке.

— Уж не заблудились ли вы, хлопцы? — обратился он к ребятам, приветливо улыбаясь.

— Нет, дядя Андрей, мы тигру нашли. Возле нашего барачка живет. Видать, у нее тигрята есть. Она им кабанов таскает. Сами видели. Следы свежие. Вот мы и пришли известить.

— Может, поймаем? — робко вставил Николай, вмешавшись в разговор племянника с дядей.

Охотничий промысел не был основной профессией Трофимова. Работая комбайнером, он лишь на три месяца уходил в леса с давнишними товарищами по охоте. Промышлял он все, что попадалось, — от белки до медведя и от кабарги до лося. Ловил Трофимов и тигров. Ему на эту зиму было дано задание взять двух тигрят, но следы амбы не видел. Он уже не надеялся поймать «владыку джунглей» и потому очень обрадовался неожиданному известию племянника.

После ужина охотники составили план действий. Заключение он в том, что все вернутся в барачек Петра и попытаются выследить тигрицу. Если даже она четырехлетнего возраста, то взять ее живьем, а если у нее дети, то и переловить тигрят. Приамурские звероловы не решаются брать

тигров в возрасте более четырех лет. Лишь однажды, по ошибке, Трофимов навалился на пятилетнего тигра. Зверь поломал рогульки, ранил ловца и ушел невредимым.

Промысловики не делают просторных охотничьих избушек. Крепкие морозы, да еще с ветром, заставляют строить барачки крохотными, с низкими потолками, площадью на два-три человека. Чтобы войти в такое жилище, приходится сгибаться и пролезать в маленькую дверцу на четвереньках. Но зато дров для отопления требуется немного. Ведь далеко не все деревья годятся на дрова. Для приготовления пищи хороши усохшие на корню кедры и ясени, а для отопления нужны сырые дрова из ясеня и березы. Эти породы вырубаются в первую очередь вокруг избушки, и хотя стоит она среди леса, за дровами приходится иногда ходить далеко.

Долго не могли уснуть охотники. Загасив свечу, лежали они на нарах, перебирали в памяти виденное за день. Поднялись рано. Завтрак состоял из гречневой каши, вареной кабанины и крепкого чая. Подперев дверцу избушки колом, пошли за Петром и к вечеру были в его барачке.

— Ну, Петр, показывай, где видел тигровый след, — обратился поутру Трофимов к своему племяннику.

— Недалеко он — часа полтора ходу.

Придя к поваленному кедру, Трофимов внимательно осмотрел следы, затем подошел к месту, где был схвачен кабан. Разглядывая кустарник, он снял с острого сучка маленький клочок шерсти, положил его на ладонь и подозвал к себе товарищей.

— Шерсть-то не тигриная, да и след маловат. Никак барс поохотился на кабанов. Что-то ты, Петр, оплошал: следы путаешь. — Видя расстроенное лицо племянника, Трофимов улыбнулся: — Не горюй, еще научишься, а вот за барса спасибо. Давненько не видывали мы в этих местах тигриных братьев. Думал, уже перевелись. Ан нет, глядишь, еще пятнистого братъ придется. Сейчас осторожно за ним походим. Собак не пущать.

Теперь впереди шел Трофимов. Вскоре следы привели охотников в пихтач. Здесь, укрывшись от всевидящих ворон, барс поедал свою добычу. К ней он возвращался дважды, от подсвинка остались голова да ноги. Пройдя по следу несколько километров, охотники убедились, что барс обосновался в приглянувшемся ему районе, ходит на больших кругах и не намерен покидать уголья, столь богатые копытными зверями.

Вернувшись в избушку, охотники решили денек передохнуть и хорошенько подготовиться к преследованию зверя.

— А ну, как этот барс окажется дюже крупным и препрет на нас, стрелять его можно? — задал вопрос Николай. Он впервые участвовал в ловле крупных хищников, но слышал, что старых тигров не берут — зверь сильный и постоять за себя сумеет.

Трофимов усмехнулся:

— Ты, паря, и впрямь собираешься пальнуть по зверю. Однако придется у тебя пулевые патроны заменить на холостые. Теми стреляй сколько хочешь, если уж дюже страшно покажется. — Но видя, что Николай не верит в серьезность его наставления, Трофимов добавил: — Барс слабее и трусливее тигра. Даже старый на человека не идет. Этого зверя в любом возрасте скрутим. Но он на ногу быстр. Доведись ему собаку в лесу встретить — задавит и съест, а вот навалятся на него три-четыре смелые тигрятницы — теряется, наутек идет альбо на дерево лезет. Словом, сам увидишь.

Товарищи Трофимова неоднократно участвовали в ловле тигров. Довелось и Петру однажды помогать дяде связывать лапы тигренку. Лишь для Николая это было первое «боевое крещение», поэтому он задавал так много вопросов и волновался больше всех.

Настал день выхода. Все было предусмотрено: в рюкзаки положили запас продуктов, котелки, топоры, прихватили шерстяное одеяло. Собак вели на поводках. Решили взять и Бельчика: пусть натаскивается, хоть лаять будет, и то хорошо.

Выйдя на след барса, охотники прошли целый день, но так и не обнаружили его дневной лежки. Заночевали в лесу на берегу родничка с прозрачной вкусной водой.

На второй день след повел охотников по обрывистому склону сопки. Люди карабкались по камням, хватаясь руками за кусты и лианы. Выйдя на узкую излюбриную тропу, охотники остановились передохнуть. Отсюда открывался живописный вид. Бескрайнее темно-зеленое море необитаемых лесов расстилалось перед ними. Вершины длинных сопкок, словно огромные волны с белыми гребнями, катились к горизонту. На сопке гулял ветер. Стоять без движений было холодно. Тропа привела в скалистое ущелье, поросшее колючим кустарником. На одном из его склонов снег в за-

тишном уголке, огороженном камнями, растаял, обнажив кусок земли, густо усыпанный опавшей листвой.

— Вот где он отдыхал! — воскликнул идущий впереди Трофимов, показывая на лежку зверя и маховые следы, уходившие к вершине сопки.

— Видать, спугнули, — заметил Петр. — Пускать собак, что ли?

— Ни в коем случае! Место неудобное, разбиться можно.

Повеселевшие охотники устремились по следам барса вверх, а он, как бы желая отвязаться от преследователей, полез на самую кручу, прыгая с камня на камень, переходя по едва заметным выступам отвесные скалы. Выйдя на самую вершину сопки, барс постоял у геодезической вышки и, убедившись, что его не оставили в покое, начал спускаться в седловину по противоположной стороне горы. Можно было обойти вершину сопки, но Трофимов решил подниматься по следу. Вытирая вспотевшие лица, охотники упрямо карабкались все выше и выше.

— Пойдешь по таким кручам — барса не захочешь, — ворчал старый приятель Трофимова Семенов.

С вершины господствующей сопки виднелись белоснежные гряды центрального Буреинского хребта, убегающие на север. Там заканчивались владения тигров и начиналось соболиное царство. Пронзительный леденящий ветер поторапливал разгоряченных охотников, и они, быстро оглядев горные дали, начали спускаться в седловину, поросшую густым кедром. Сойдя с кручи, Трофимов остановился, пощупал следы.

— Идет спокойно, видать, нас не чует. Снег тут неглубокий и место ровное, самый раз пустить собак. Ну что, Семенов, пуцай своего первого.

Охотник подвел грудастого кобеля, дал ему понюхать след и отстегнул ошейник. Видя, с какой стремительностью кинулся вдогонку за зверем Алчан, остальные собаки заскулили, принялись рваться с поводков.

— Отвязывай остальных! — подал команду Трофимов.

Обгоняя друг дружку, лайки бросились вслед за Алчаном. В лесу стало тихо, лишь верховой ветер невнятно гудел где-то в вершине горы.

— Ну, братцы, тронулись!

Пройдя быстрым шагом седловину, охотники вышли на пологий склон сопки, поросший высокоствольным смешан-

ным лесом, прибавили ходу. Теперь они почти бежали, не упуская из вида следы своих собак.

— Дядя Андрей! — крикнул, остановясь, Петр. — Никак лают!

Все остановились. Прислонив ладони к ушам, стали вслушиваться в монотонный гул леса.

— Чтой-то не слышать. Тебе, Петька, поди, причудилось. Ан нет, вроде взаправду голоса левее следа.

Вскоре все услышали далекий прерывающийся лай собак. Переглянувшись, охотники поправили ляжки рюкзаков, забросили ружья за плечи и побежали на лай. А он то замирал вдали, то приближался, словно собаки гнали невидимого зверя навстречу людям.

Николай бежал последним. И не потому, что недоставало сил. Он мог обогнать своих товарищей, да не было у него опыта, поэтому не сводил глаз с Трофимова, подражая ему во всем. Слышимость лая стала столь ясной, что, казалось, вот-вот появятся сами собаки. Охотники остановились.

— Надо вырубать вилашки. — С этими словами Трофимов шагнул к зеленокорому клену и одним взмахом топора отделил его от корня. Затем он срубил верхушку двух толстых ветвей, расходившихся врозь. Получилась надежная рогулька. Остальные охотники также вооружились рогами. Собаки лаяли на одном месте. Передохнув несколько минут, охотники начали подходить к остановленному зверю.

Барс, притаившийся на толстой колодине, увидел Алчана давно и приготовился к «встрече». К счастью, тот бежал в стороне от следа. Подпустив собаку поближе, барс в три огромных прыжка догнал своего врага и готов был уже вонзить в пса выпущенные когти, когда сзади на него набросились две подоспевшие лайки. Развернувшись к ним, барс подставил свой зад Алчану и тут же почувствовал на своей шкуре острые зубы собаки. Заметавшись между злобными верткими псами, барс сразу утратил царственную осанку. Куда девались смелость и отвага сильного хищника! Видимо, так же должен чувствовать себя большой паук, упавший с ветки в муравейник.

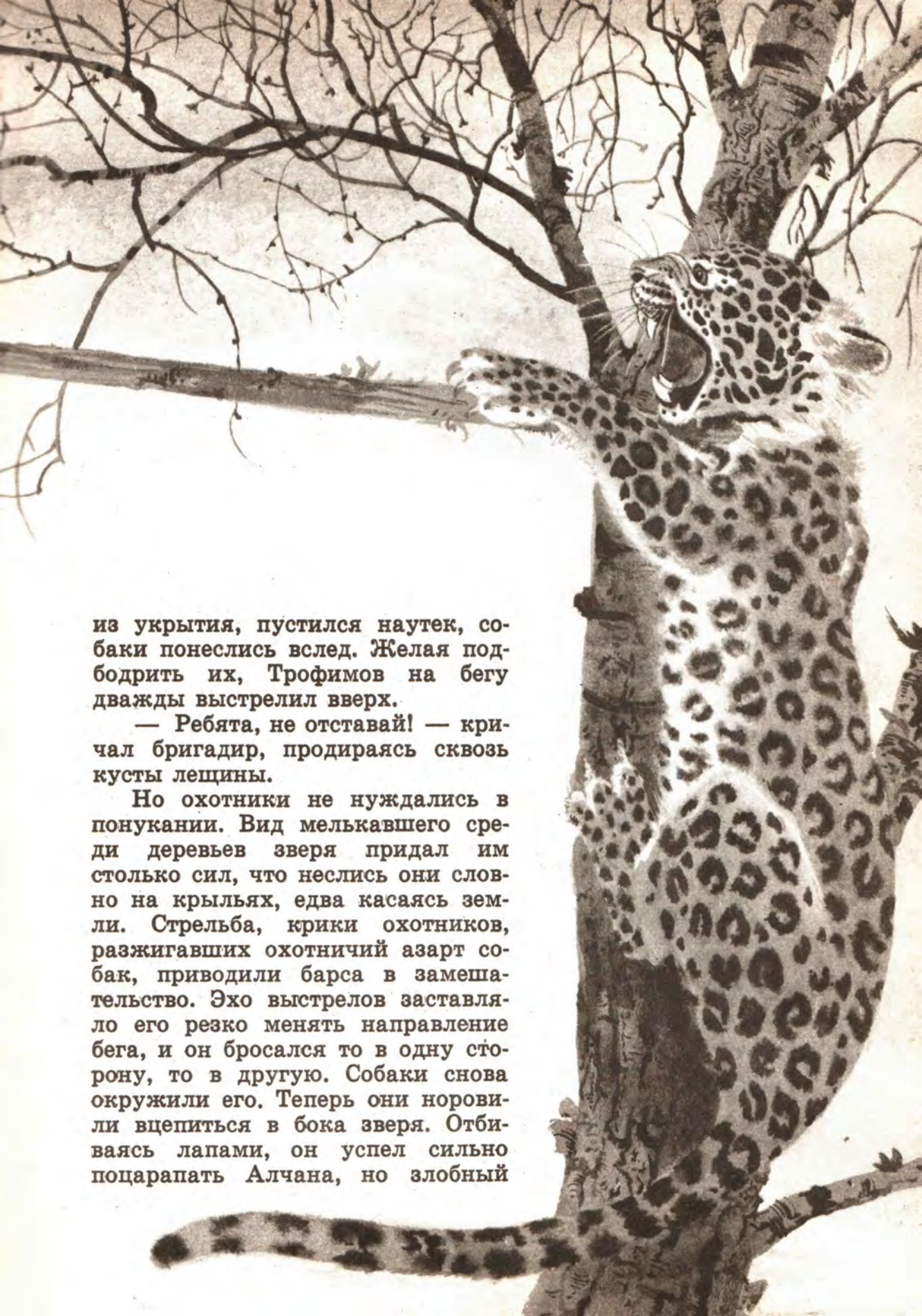
Громко лающие и атакующие со всех сторон собаки вскоре привели барса в окончательное замешательство. Обуреваемый только одним желанием — убежать от этой оголтелой собачей своры, барс пустился в постыдное бегство. Накоротке он бежал быстрее собак, но вскоре потерял ско-

рость и снова попал в окружение разъяренных преследовательниц. Найдя поваленный кедр, он заскочил на его вершину и, спрятавшись среди густых и толстых сучьев, притаился. Теперь хищник был неуязвим, но и сам потерял возможность активно обороняться.

Трофимов увидел собак, снующих около вершины поваленного кедра, и понял, где прячется леопард. Держа вилашку наперевес, он вышел из-за укрытия и медленно стал приближаться к выворотню. Остальные охотники следовали за ним.

С появлением людей собаки осмелели еще больше. Они грызли мешавшие им ветви и лезли в заросли с нетерпеливым желанием вцепиться в пятнистого зверя. Видя приближающихся охотников, барс не выдержал и, выпрыгнув

из укрытия, пустился наутек, собаки понеслись вслед. Желая подбодрить их, Трофимов на бегу дважды выстрелил вверх.

— Ребята, не отставай! — кричал бригадир, продираясь сквозь кусты лещины.

Но охотники не нуждались в понукании. Вид мелькавшего среди деревьев зверя придавал им столько сил, что неслись они словно на крыльях, едва касаясь земли. Стрельба, крики охотников, разжигавших охотничий азарт собак, приводили барса в замешательство. Эхо выстрелов заставляло его резко менять направление бега, и он бросался то в одну сторону, то в другую. Собаки снова окружили его. Теперь они норовили вцепиться в бока зверя. Отбиваясь лапами, он успел сильно поцарапать Алчана, но злобный

пес, не обращая внимания на кровь, заливавшую его голову, смело лез в битву и успел дважды укусить своего врага. Увидев окровавленную собаку, Трофимов забеспокоился: чего доброго, собак перебьет и уйдет.

— Братва! Давайте скорее окружать его. Стреляйте по деревьям!

Беспорядочный залп из пяти ружей привел барса в паническое состояние. Потеряв надежду отбиться и убежать от наседавших с оглушительным лаем собак, он со всего хода заскочил на ствол ребристой березы, затем быстро полез вверх и притаился в развилке толстых сучьев. Задирая головы, собаки с лаем закружились под деревом. Охотники остановились — теперь спешить незачем. Отдышавшись, они все сгрудились около бригадира.

— Загнали кота на «телеграфный столб», кто хочет — закуривай! — усмехнулся Трофимов, хотя в его бригаде никто не курил.

— Что же делать будем? — беспокоился Николай. — Как его на такой высоте достанешь?

Передохнув, охотники подошли поближе к дереву, на котором сидел барс. Съежившийся от страха, он казался им маленьким и не столь страшным зверем. Собаки то лаяли, то поскуливали, нетерпеливо помахивая хвостами и не спуская глаз с дерева. После некоторого молчания Трофимов предложил согнать барса с дерева выстрелами и, когда собаки вцепятся в него, прижать рогульками. Но этот прием не удался.

— Ну, Петр, полезай-ка на дерево да турни его оттуда.

— Он меня скорее сбросит.

— Так ты на соседнее лезь, там тебя не достанет.

Ребристая береза, на которой сидел барс, была старым тридцатиметровым деревом. Рядом с ней росли почти такая же белая береза, ель и ясень. Внимательно осмотрев все стоящие рядом деревья, Петр решил лезть на белую березу. Скинув рюкзак, он вынул топор и свалил сухую молодую елку, тщательно очистил ее от веток и на конце привязал веревочную петлю. Затем срубил сырую ель, ветки обрубил на четверть от ствола, прислонил ее к березе и, словно по лестнице, поднялся метра на четыре. Затем, обхватив руками и ногами ствол дерева, полез вверх. Трофимов подал ему шест. Перекинув петлю через плечо, Петр быстро долез до первой развилки сучьев и уселся отдохнуть. Товарищи

внимательно следили за каждым его движением, подавали советы. Поднявшись на вершину дерева, Петр оказался выше барса. До зверя было не более пяти метров. Петр видел, как с нервной дрожью ползли вверх губы хищника, обнажая белые острые клыки, но они теперь были не страшны охотнику. Подняв жердь, Петр положил ее на спину барса, но тот ударом лапы скинул ее с себя. Тогда Петр, накинув петлю на руку, чтобы не упустить жердь на землю, начал ею действовать как копьём. Раскачиваясь на своем тонком суку, он толкал барса в бок, стремясь скинуть его на землю. Зверь рывал, хватал зубами конец шеста, тянул его к себе, отбивался от него передней лапой, но Петр не переставая наносил барсу чувствительные удары. Борьба человека и зверя, проходившая на высоте четырехэтажного здания, наконец завершилась победой охотника. Барс не выдержал и с ревом быстро начал спускаться с дерева, где его поджидали собаки и люди. Но только он коснулся земли, как все собаки разом вцепились в него. Отбиваясь передними лапами и зубами, барс не заметил, как к нему подбежали звероловы. Они сбили его с ног рогульками и крепко придавили к земле.

— Николай! Оттаскивай собак, вяжи к дереву! Рвут окаянные зверя! — кричал бригадир, наваливаясь со всех сил на кленовую рогульку.

Тем временем Петр слез с дерева. Подбежав к охотникам, он придавил вилашкой шею барса к земле. Бригадир набросил на оскаленную пасть зверя петлю и крепко стянул его челюсти. Затем с большой осторожностью связал лапы. Теперь можно было бросать рогульки. Нарубили лапника, настелили на снег, накрыли одеялом и сверху положили леопарда. Нервная дрожь сотрясала его мускулистое тело.

— Ну что, братцы, не мешало бы подкрепиться. Заварим кашу, что ли? — обратился к охотникам бригадир. — А то ведь топать до барачка с тяжелой ношей далеко.

Перекусив и напившись чаю, охотники связали узлами концы одеяла, просунули под ними жердь и понесли пленника в избушку, сменяясь на ходу. Не ведал только старый зверолов, что на сей раз взял он последнего буреинского барса. Никто в этих местах не встречал больше его круглых аккуратных следов.

АМЕРИКАНСКАЯ НОРКА

Она родилась в тесной клетке Пушкинского зверосовхоза и никогда не видела реки. Ее предки были вывезены из Северной Америки для разведения в неволе, — шкурки этих полуводных зверьков ценились очень дорого. Природе было угодно поместить на ее груди большое белое пятно, обесценившее шубку. Звероводы назвали невольницу Пегашкой и готовили ее для передачи в лабораторию по выведению «цветных» норок. Неожиданно в зверосовхоз поступило распоряжение об отправке сотни «американок»

на Дальний Восток. Ученые-охотоведы задумали выпустить их там на волю с целью акклиматизации.

В партию переселенцев попала и Пегашка. Ее перегнали в еще меньшую, транспортную клетку, вместе с другими зверьками отвезли на станцию и погрузили в темный и душный товарный вагон. Начались тяготы длительного пути. Испуганно сновавшие зверьки часто опрокидывали поилки и страдали от жажды. От постоянной тряски у многих из них пропал аппетит. Лишь к концу лета прибыл поезд на станцию Хабаровск.

В тридцатые годы по Амуру ходили двухколесные пароходы. На палубу одного из них и были перегружены клетки с норками. Повеяло речной прохладой. Зверьки еще больше заволновались, стремясь поскорее выбраться на свободу. В Троицком переселенцев выгрузили на берег. Здесь их ожидала целая флотилия узких долбленых лодок — баттов. Пригнали лодки местные охотники нанайцы и удэгейцы, жители Сиры и Биры — поселков, расположенных на Анюе.

Долгожданных новоселов угостили свежей рыбой и приятной речной водой, погрузили на баты. Быстрое течение Анюя не позволяло идти на веслах, и батчики шли на шестах. Как ни заботились о норках сопровождающие, некоторые из зверьков не перенесли долгого утомительного пути: на Анюй прибыли девятьюсто четыре «американки».

На второй день подъема по реке начался выпуск наиболее ослабленных зверьков. Пегашка же хорошо перенесла тяготы пути, и ее поместили в партию, предназначавшуюся для расселения на притоке Анюя — Тормасу. Лишь на пятый день прибыла Пегашка к новому месту жительства.

Стремительно несла Тормасу свои прозрачные воды в Анюй. Сквозь нетолстый слой воды хорошо просматривалось ее каменистое дно. По берегам росли пышные смешанные леса. Здесь предстояло жить нашей норке. И не успели еще охотники снять дверцу с клетки, как Пегашка опрометью вылетела на свободу и мгновенно скрылась в бурлящей воде.

Когда же, утомившись, она вынырнула и осмотрелась, люди уже исчезли. Монотонно шумела река. Испачканная в клетке шкурка Пегашки промокла, ей стало холодно. Забравшись под сухой валежник, лежавший на берегу, Пегашка принялась тщательно очищать свою шубку. Обсохнув, вспомнила о еде. Привыкнув находить ее в кормушке,

она направилась к клетке, заботливо поставленной охотниками под залом.

Проникнув внутрь ее, Пегашка схватила кусочек недоеденного мяса и убежала под валежник. Утолив голод, она снова принялась за свой туалет. Но прошло несколько дней, прежде чем ее темно-коричневый густой волос приобрел блеск и стал непромокаем. С каким наслаждением плавала и ныряла Пегашка! Дремавший в ней инстинкт полуводного зверя проснулся. Ведь река была ее родная стихия!

В Тормасу водилось много рыбы. Осенью из мелких горных ключей и речушек скатывались вниз хариус и ленок, гальян и чебак, спускался прожорливый таймень. Пегашка успешно рыбачила на перекатах и мелководье, но однажды чуть не угодила сама в пасть пудового тайменя. Очень пришлось по вкусу норке мелкие раки, в множестве копошившиеся в корнях растущих у воды деревьев.

Установилась яркая солнечная погода. Неслышно осыпались пожелтевшие листья с деревьев. Первой сбросила свой наряд черемуха, за ней — ясень, маньчжурский орех, и только приречная ива да ильм стояли ярко-зелеными. Но переселенке некогда было любоваться их красотой. По берегам реки водилось немало мелких птиц, пищух, поползней, синиц, трясогузок, до которых Пегашка была большой охотницей. Плавая в реке, норка нередко вспугивала мандаринок, чешуйчатых крохалей и уток-каменушек, но нападать на этих крупных птиц она пока не решалась. Обилие пищи и солнца располагало к играм, и Пегашка, изредка встречая своих собратьев, вместе с ними предавалась забавам.

Выйдя как-то на берег и углубившись в лес в поисках добычи, норка едва не столкнулась с каким-то огненно-рыжим зверьком. Долго рассматривали они и обнюхивали друг друга на почтительном расстоянии. Впервые видела Пегашка колонка. Чувствуя свое превосходство в силе, она медленно стала приближаться к незнакомцу, издавая писк, напоминавший крик молодого коршуненка. Испугавшийся колонок убежал прочь, а норка вскоре поймала короткохвостую полевку и с аппетитом позавтракала.

Приближалась зима. Уменьшились запасы рыбы, раки забрались в глубокие норки. Моллюски и лягушки начали зарываться в ил. Улетели утки и насекомоядные птицы. Добывать корм становилось все труднее и труднее. Пегашка зачастила в лес на охоту за полевками. Иногда ей удава-

лось прихватить спящего на земле рябчика — это была самая желанная для нее добыча. А вскоре выпал снег и лед сковал реку. Только кое-где на быстринах оставались открытые полыньи.

Однажды, когда Пегашка гонялась у самого дна за юркими ленками, около нее мелькнула длинная тень. Испуганная норка помчалась к перекаату: ей казалось, что на нее снова нападает таймень, но это была не рыба. Когда Пегашка выскочила на мелководье и обернулась, то увидела, что на камне посреди полыньи сидит незнакомый подслеповатый зверь с перепончатыми лапами. Это была выдра. Речная разбойница не стала преследовать норку. Впоследствии она почти не появлялась в охотничьих угодьях Пегашки.

А зима только вступала в свои права. Уровень воды в Тормасу продолжал падать. Лед повис над обнажившимися берегами. Образовались обширные пустоледы, по которым особенно любила бегать норка. Появлялась она теперь на поверхности лишь тогда, когда собиралась поохотиться в прибрежном лесу или порезвиться на голом льду. Однажды, когда Пегашка беспечно плавала у края полыньи, сверху на нее бесшумно набросилась большая птица. Вытянув вперед когтистые лапы, она чуть было не заграбастала зазевавшегося зверька, но промахнулась. В страхе норка глубоко нырнула и долго потом отсиживалась подо льдом. А рыбный филин продолжал караулить ее у полыньи.

Ночная охота в лесу все больше увлекала Пегашку. Здесь, кроме полевок, водились рябчики, но зато и врагов было больше, чем на реке. Вскоре ей пришлось познакомиться с соболем. Стояла лунная ночь. Бесшумно сновала норка среди корней старых кедров, обнюхивая каждую щель, когда с дерева на землю прыгнул коричневый зверек. По длине он не превосходил Пегашку, но зато был толще ее. На круглой голове с крупными ушами сверкали большие глаза, на толстых лапах виднелись цепкие белые коготки. Пегашке зверек показался добродушным и даже робким, но как только он увидел незнакомку, шерстка на нем поднялась дыбом, и не успела норка укрыться между корней, как соболь в несколько больших проворных прыжков очутился рядом и больно укусил ее за спину. С писком набросилась Пегашка на забияку, но соболь заскочил на ствол кедра и увернулся от ее острых зубов. Бороться с противником, так молниеносно взлетающим на деревья, норка

не могла, и она помчалась к спасительной реке. Соболь преследовал ее по пятам. При этом он сердито урчал и пытался снова укусить ее за спину. Добежав до полыньи, беглянка нырнула в воду, избавившись таким способом от преследователя.

После этого происшествия Пегашка отсиживалась несколько дней на реке, но голод заставил ее снова углубиться в тайгу. Несколько полевков заметно подкрепили норку. Возвращаясь домой, она неожиданно углядела на своей тропе двух длиннохвостых непальских куниц. Предчувствуя беду, Пегашка повернула обратно, но куницы уже заметили ее и пустились вдогонку. На свое счастье, Пегашка выбежала на каменную россыпь. Проскользнув в щель между камней, норка протиснулась в узкий извилистый лабиринт и здесь затаилась. Одна из куниц последовала за ней, но тут же едва выбралась назад. Напрасно скребли куницы песчаник, не поддавался он их зубам. Пришлось Пегашке в течение нескольких часов отсиживаться среди каменных расселин. А когда забрезжило утро и куницы ушли, она осторожно вылезла из убежища и поспешила к реке.

Наступил первый месяц весны. Пегашка устроила в дупле упавшего на землю ясеня теплую сухую нору и поселилась там. Во время дальних переходов она встречалась со своими братьями-переселенцами, но относилась к ним отчужденно. Вскоре у нее появилось шесть слепых детенышей, заботой о которых норка заполнила все свое время. Быстро росли малыши. К концу лета они достигли размеров матери и постепенно покинули родное дупло, разойдясь в разные стороны. И снова Пегашка осталась одна. Окружающий лес и река стали для нее родными. Она помнила каждый камешек на берегу, каждую мышиную норку и никогда не забывала о своих врагах, отправляясь в лес, без которого не могла жить так же, как и без реки.

ЛЕСНОЙ БАРОМЕТР

Маленький полосатый бурундучишка жил в земляной норе, имевшей две камеры. В одной находилась его спальня — здесь он устроил теплое мягкое гнездо из сухой травы и листьев. Другая служила ему кладовой, в ней он складывал запасы кормов.

Бурундук любил хорошую погоду. В теплые солнечные дни он с утра до вечера носился без устали по лесу, разыскивая свой любимый корм или играя с другими бурундуками. Когда же наступало ненастье, бурундук становился ма-

лоподвижным. Нахохлившись, он взбирался на низкое дерево и, сидя на сучке, издавал грустные кукующие звуки, нагоняя тоску на людей. Иногда такое меланхолическое настроение находило на него на целые сутки, а то и на двое, до смены погоды. Это подметили люди и стали называть его лесным барометром. «Если уж бурундук плачет, быть дождю или снегу», — говорили они.

Друзей бурундук не имел, а врагов у него было очень много. Почти все обитатели леса, кроме полевок и землероек, могли обидеть этого суетливого зверька, а потому был он очень трусливым и подозрительным.

Стояла осень. Пospели орехи и желуди, семена трав и ягоды. Настала пора заготовки кормов на зиму. Без устали сновал по лесу бурундук, отбирая про запас самое лучшее. Найдя кедровую шишку, он выбирал из нее орешки. В каждый защечный мешок помещалось до четырех кедровых орехов — не так уж много, а мордочка при этом раздувалась у него очень потешно. К тому же при прыжках терялось равновесие, и бурундук нередко падал, больно ударяясь головой о валежины. Можно было подивиться аккуратности и чистоплотности бурундука. В его норке был всегда образцовый порядок. Принесенные корма складывались по культурам: орехи лежали отдельно от желудей, а семена ясеня и липы не смешивались с семенами трав.

Зимой бурундук впадал в спячку. Казалось, зачем ему четыре килограмма орехов и семян, которые он сложил в своей кладовой. Но прежде чем погрузиться в сон, зверек бодрствовал несколько дней и не страдал при этом отсутствием аппетита. Особенно же нуждался бурундук в пище весной, а найти ее в лесу к этому времени было трудно. Вот и выручали бурундука собранные осенью запасы.

Ночные морозы сковали мелкие речушки и верхний слой почвы. В лесу посветлело и стало гулко. Улетели теплолюбивые птицы, уступив свои места прибывшим с севера. Лесные обитатели дружно собрали урожай, и от жулей остались на земле одни только чашечки; кругом валялись раздавленные кедровые шишки, лишенные орешков. На бурундука напало сонливое состояние. К полудню он иногда показывался снаружи, пробегал по сваленному ясеню, задорно подняв кверху ошметинившийся хвост, и снова ис-

чезал в норе. А когда выпал снег, бурундук заткнул изнутри вход в свою норку листьями, забрался в гнездо и, свернувшись калачиком, сладко заснул. Сон его не был крепким. Несколько раз он просыпался, заходил в кладовую и лакомился орешками.

Однажды до его слуха дошли невнятный шум и гулкое топание чьих-то ног о промерзшую землю. Бурундук насторожился. Шум стал усиливаться. Лопались разрываемые кем-то древесные корни, вздрагивала почва. Страх охватил незащитного зверька. Дрожая всем телом, он заметался в гнезде, перебежал в кладовую, хотел выскочить наружу, но нора оказалась заваленной землей. Путь к бегству был отрезан. Сжавшись в комочек, сидел бурундук в гнезде и ждал своей участи. На некоторое время все стихло, и бурундук подумал, что беда миновала. Но вот снова его убежище содрогнулось от сильного толчка. Огромный кабаний нос, выпачканный глиной, отвернул в сторону последний пласт земли и погрузился с сопением в заветную кладовую. Послышалось жадное чавканье. Находиться далее в гнезде становилось очень опасно. Преодолевая страх, бурундук выскочил из гнезда, проскользнул через просвет разрушенного хода и стремглав забрался на стоявшее рядом дерево.

Вначале бурундук залез на самую вершину: ему всегда казалось, что враг должен последовать за ним. Затем, видя, что кабан не обращает на него никакого внимания, спустился на нижнюю ветку и, усевшись на ней, со страхом стал наблюдать за происходящим на земле. А кабан, добравшись до кладовой бурундука, с аппетитом уписывал орехи и желуди. И то, чего с избытком хватило бы бурундуку на осень и весну, кабан съел сразу. Холодный ветер пронизывал крохотное тельце пострадавшего. Дрожая от стужи и страха, зверек «заплакал». Его тоскующий крик долетел до чуткого уха охотника, проходившего невдалеке.

С дерева бурундук хорошо видел, как подкрадывался охотник к его жилищу, и при виде человека напугался еще больше, замолчал и поспешил повыше залезть на дерево. Кабан же так и не почувствовал беды. Грянул выстрел. Незадачливый грабитель сунулся головой в выкопанную им яму. Смертельная дрожь пробежала по его телу. Зло было наказано.

Пока охотник снимал шкуру со зверя, расчленял тушу, подвешивал куски кабанины, бурундук сидел на дереве, а когда охотник ушел, он спустился на землю и, топорща

кверху хвост, побежал прочь от страшного места. К тому же он окоченел от холода и ему нужно было согреться. На- двигался вечер. У бурундука имелись запасные норки, но все они, не приготовленные к зиме, не имели кладовых. И тогда бурундук вспомнил о дупле в сухом кедре, где он любил укрываться в летнюю дождливую погоду. Переноче- вав в дупле, он перетащил в него остатки некогда обильных своих запасов. Плотно заткнул вход изнутри сухой травой и погрузился в зимнюю спячку.

Четыре месяца длился сон бурундука. Пришла весна в лес. Сошел снег на солнёчных склонах сопок. Проснулся и бурундук. Выйдя из дупла, он погрелся на солнышке, по- свистел своим собратьям и, услышав их ответ, радостно за- суетился на сухом кедре. С каждым днем запасы его кор- мов уменьшались, зато сил становилось больше, и его не- преодолимо влекло в общество себе подобных.

У бурундуков наступила брачная пора жизни.

В один из теплых дней мая, когда бурундук, не чуя под собой ног, носился в компании игривых приятелей, в лесу появился человек. Был он без ружья и держал в руках удочку, хотя реки поблизости не было. Усевшись под дере- вом и сняв рюкзак, охотник достал манок и стал подражать бурундучьему свисту. Вот на этот свист и прибежал наш бурундучок. Увидев человека, он страшно испугался и тут же заскочил на молодую березу. Охотник подошел к берез- ке и поднял кверху тонкое удилище. На его конце вместо лески с крючком была привязана волосатая петля. Не по- дозревая коварного замысла человека, зверек позволил под- вести к своей шее едва заметную петельку. Рывок — и бед- ный бурундучок забился на конце удилища. Он чуть было не погиб от удушья, но ловкие руки охотника быстро осво- бодили его от петли, и он очутился в маленькой железной клеточке, лежавшей на дне рюкзака. В клетке уже сидело четыре бурундука. Пленники дрожали всем телом и прижи- мались друг к другу. Прошло около часа, и число невольни- ков возросло еще на двух. К вечеру бурундуки попрятались, и ловцу пришлось прекратить охоту за ними.

Пленников привезли в город. Здесь бурундука посадили в просторную клетку. В ней находились его излюбленный корм и вода, стояла фанерная коробочка, наполненная ва- той. Иногда около клетки появлялся человек в белом ха- лате. Он укалывал длинной иглой бурундука. Сердце лес- ного жителя трепетало от ужаса, и он прощался с жизнью,

но через несколько минут зверька снова выпускали в клетку, и он забывал о неприятностях.

В лесах, где жил бурундук, люди иногда заболевали тяжелой болезнью. Ее передавал человеку клещ. Но от кого заражался сам клещ? Ради ответа на этот вопрос велись сложные исследования, изучались многие лесные обитатели. Вскоре стало известно, что наш бурундук болен этой болезнью. И хотя переносил он ее легко и никогда бы от нее не умер, содержали его как опасного для человека зверька.

Летом бурундука не стало. Природа приготовила ему участь жертвы хищника, человек сделал его жертвой науки.

ДРЕВЕСНЫЙ РАЗБОЙНИК

Менгуза жила в глубоком дупле дряхлого кедра. Это была старая непальская куница — хозяйка древесного яруса смешанного леса. На ветвях высоких деревьев она чувствовала себя так превосходно и уверенно, будто имела крылья. Вытянутое гибкое тело Менгузы вместе с хвостом было немного длиннее метра, и при этом на хвост приходилось две трети длины туловища. Яркой и пестрой окраской наделила природа куницу: грубый блестящий волос верхней части ее головы, лап и хвоста был черно-бурым, спина — темно-желтой, грудь — золотистой, а подбородок — чисто-белым. Но даже под лучами солнца, когда Менгуза затаивалась, растянувшись вдоль толстого кедрового сука, она до того хорошо сливалась с коричневой окраской древесной коры, что становилась незаметной. Длинные строй-

ные лапы Менгузы были вооружены светлыми острыми когтями, позволявшими ей легко взбираться на деревья, даже лишенные коры.

В лесу стояла та благодатная пора, когда все четвероногие отдыхают от гнуса и зноя. На земле лежал первый снег, но это еще не была зима: приятно пригревало солнце, пахло увядшими травами и смолистой корой, пели, словно летом, дубоносы. Казалось, что вся природа нежится под ласковыми лучами яркого осеннего солнца. Пресыщенные редким изобилием пищи, дремали хищники. Сновали доверчивые и игривые белки, лениво копались в земле кабаны. Наступали сумерки. Сквозь почерневшие ветви кедров виднелся багряно-золотистый кусочек неба, но жизнь в лесу не замирала: на смену дневным обитателям леса появились ночные — заяц и белка-летяга. Да и Менгуза предпочитала охотиться ночью. Выйдя из теплого гнезда, она спустилась на землю и крупными прыжками направилась на северный склон сопки. Здесь росли густые ельники. С нижних усохших ветвей свешивались сизые бородатые лишайники, любимое кушание кабарожек — маленьких безрогих оленьков.

Менгуза долго бегала по кабарожьим тропам, приносиваясь к земле, искала свежие следы. Наконец нашла и устремилась вдогонку. Не подозревавшая опасности кабарга пощипывала лишайник, прыгала на валежник, разгуливая по стволам поваленных ветром деревьев. Услышав шелест бегущей куницы, кабарожка насторожилась. Рассмотрев врага, она пустилась вскачь в противоположную сторону. Как легко и грациозно уходила кабарга от опасности! Птицей перелетая кусты в рост человека, спешила она к знакомому пихтачу, надеясь укрыться в его непролазной чащобе. Прихватывая тонким чутьем след, мчалась за ней вдогонку Менгуза. И хотя кабарга бегала значительно быстрее Менгузы и прыгала выше и дальше, расстояние между ними после длительного преследования начало сокращаться. Изнемогая от усталости, кабарга спустилась в застывший ключ и забежала в ветровал. Здесь и настигла свою жертву Менгуза. Будь кабарожка совершенно здоровой, может, и хватило бы у нее сил убежать от куницы, но недавняя болезнь истощила ее.

Убив кабаргу и насытившись, Менгуза с трудом затащила остатки жертвы под выворотень, затем наелась снега, утоляя жажду, и направилась к гнезду. Три ночи ходила

она к своей добыче, справиться с которой помогли ей колонки и вездесущие сойки.

Недалеко от убежища Менгузы, у самого ключа, стояла крохотная избушка охотника Усова. Ее высота немного превышала рост человека, поэтому входивший должен был пригибаться, а затем протискиваться в узкую дверь. Маленькое подслеповатое оконце скупо освещало грубую обстановку охотничьего жилья: нары, устланные лапником и сухим вейником, жестяную печь в углу и крохотный столик, заваленный кусками засохшего хлеба, невытой посудой, пустыми гильзами. Около избушки виднелся лабаз — незатейливый помост из ряда жердей, закрепленный на деревьях, закрывавших его от снега. На лабазе охотник хранил хлеб, сахар, крупу и мясо. Рядом лежал мешок с высохшими шкурками белок и колонков. Просыпался Усов рано. Потемну ходил на ключ за водой, готовил к завтраку неизменную похлебку и крепкий чай. На четыре стороны от избушки уходили в глубь леса путики — протоптанные в снегу тропы. На них были расставлены кулемки, замаскированы капканы. За день всех ловушек не обойти, да к этому и не стремился охотник. В кулемки и капканы попадали чаще всего колонки и норки, но иногда охотник вынимал из них и дорогую добычу — соболя. Добытых зверьков приносил в избушку, снимал с них шкурки, высушивал на правилках. Беличье мясо съедал сам, а тушки колонков разрубал пополам и клал в кулемки. Получалось у него, что колонки ловятся на колонков. Поначалу белок было много. Усов приносил их по два десятка в день. Затем добыча упала до трех-четырёх зверьков.

Менгуза тоже любила белок. Найдя гайно, она проникала внутрь и схватывала спящую хозяйку. Да с некоторых пор охота на белку не приносила кунице удачи: редким стал этот обычный здесь зверек. Исчезли и кабарожки.

Однажды, пересекая путик, Менгуза наткнулась на только что попавшего в кулемку колонка. Дурно пахнущее мускусом мясо рыжего зверька ее обычно не привлекало, но Менгуза была так голодна, что от колонка вскоре осталась только передняя часть, придавленная бревном кулемки. После этого случая Менгуза часто направлялась вдоль путика, если охота ее протекала неудачно. На путике всегда можно было утолить голод если не попавшим в ловушку зверьком, то приманкой, которую Менгуза научилась вытаскивать из ловушек без вреда для себя. Огорчению охотника не было

предела. Он то ставил на Менгузу крупный капкан, то ходил по ее следам в надежде встретить и подстрелить нахального грабителя. Но каждый раз получалось так, что поставленный на Менгузу капкан спускали другие звери, а выследить и догнать куницу, ночной нарыск которой достигал двадцати километров, было Усову не под силу.

Как-то охотнику удалось подстрелить у самой тропы двух косуль. Подвесив их на дерево, он хотел приберечь добычу до своего выезда из леса. Но через неделю оказалось, что одна из коз изрядно поедена куницей. Проклиная непрошеную гостью, Усов принес капкан, поставил его под початой косулей и притрусил козьей шерстью. Чтобы куница капкан далеко не утащила, он привязал к нему на проволоке поленце.

Отлежавшись после сытной трапезы, Менгуза направилась к косулям. Стояла тихая лунная ночь. В лесу было светло. Хорошо виднелся вчерашний след. Бесшумно прыгая с валежины на валежину, Менгуза пробиралась к чужой добыче. Вот и косули. Подвешенные за головы к нижнему суку дерева, они были недоступны колонкам и волкам, но от медведей и куниц добычу не спрячешь. Легко взобравшись на дерево, Менгуза прыгнула на ту косулю, что поближе, и, повиснув на ней, принялась за ужин. Насытившись, она решила спрыгнуть прямо на землю и угодила задней лапой в капкан. Почувствовав под пятой железо, Менгуза молнией метнулась в сторону, но дужки капкана успели сжать один из ее пальцев. Круто развернувшись, хищница с ожесточением накинулась на «врага», но капкан держал крепко. Тогда Менгуза поползла, волоча его за собой. Выбившись из сил, она отдыхала на снегу, а затем снова продолжала ползти. Когда поленце застревало в валежнике, куница оборачивалась, в бешенстве грызла капкан и снова тащила его под косогор.

Всю длинную ночь Менгуза не переставала бороться с ненавистным «врагом». Ущемленный палец одеревенел и потерял чувствительность. Тогда Менгуза отгрызла его и поспешила скрыться в свое гнездо.

Обойдя путик, Усов решил проверить ловушку. Еще издали он увидел, что капкан утащен. Обрадованный охотник зашагал по следу Менгузы в надежде вскоре догнать и убить ее. Каково же было его огорчение, когда, спустившись по косогору, он нашел капкан с зажатым в нем пальцем куницы. Вернувшись к косулям, охотник снова приготовил хороший

сюрприз для ночного воришки, но Менгуза больше не появлялась.

Болезнь лапы мешала ей предпринимать далекие походы, и она время от времени обходила путики и «собирала дань» с охотника. Немало съела харза даровых колонков. Выведенный из терпения Усов решил во что бы то ни стало выследить и убить проклятую куницу. Он знал, что если Менгузу и удастся выследить, то она не полезет на дерево, а попытается уйти по земле. Загнать же ее на дерево могла только собака. Пришлось идти в деревню за лайкой. Теперь на охоту Усов ходил с Бельчиком, ведя его сзади на поводке. Не каждая собака умеет ходить в лесу на привязи. Но Бельчик был зверовым псом.

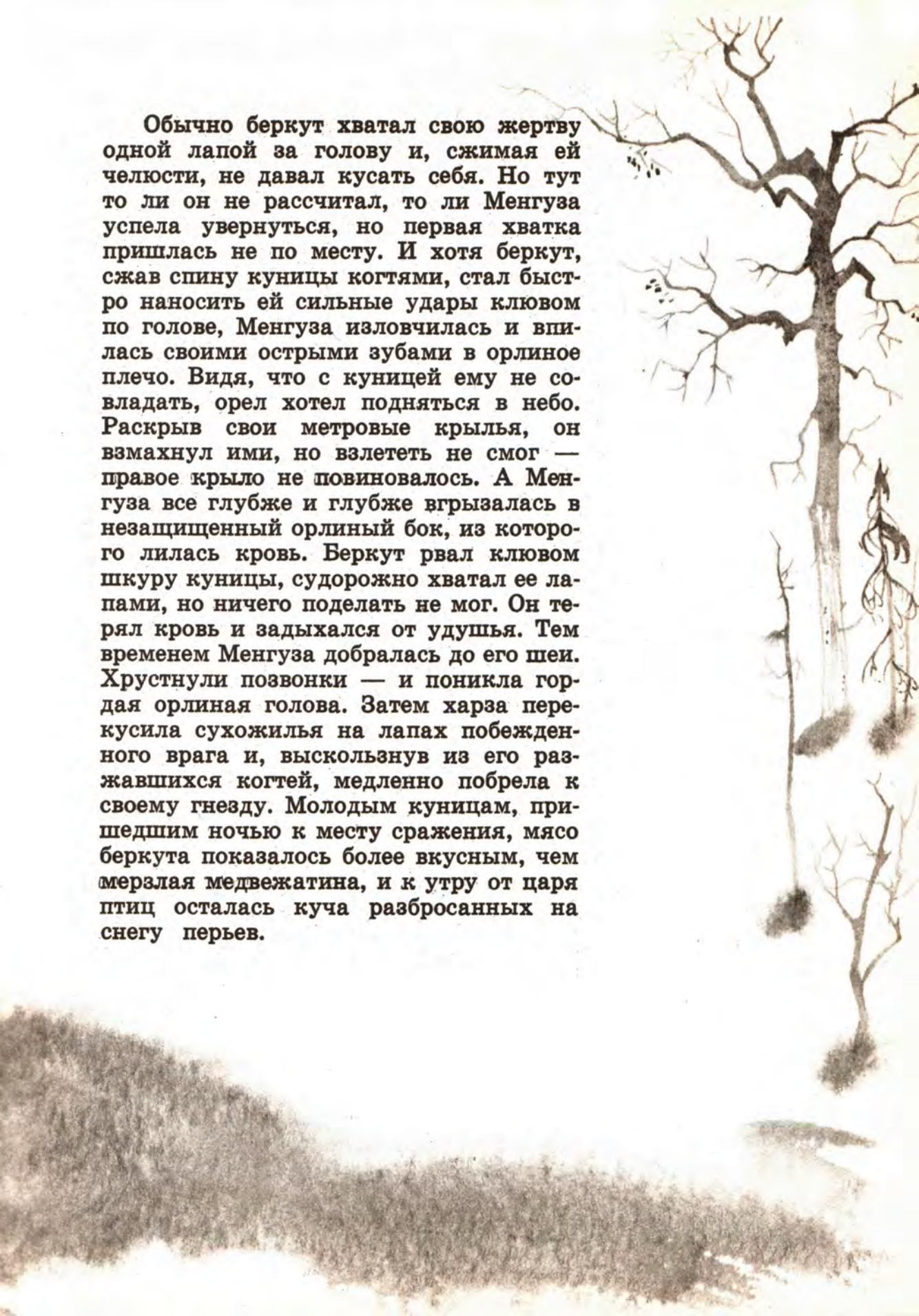
Как-то, осматривая утром свои ловушки, Усов заметил мелькнувшую в чаще Менгузу. Быстро отвязав Бельчика с поводка, он показал ему рукой направление и приказал взять зверя. Догнав куницу, Бельчик с ходу попытался схватить ее за длинный хвост, но промахнулся, а Менгуза тем временем заскочила на высокий кедр и затаилась в густой кроне. Подозвав к кедру охотника громким лаем, Бельчик начал крутиться вокруг дерева, задирая вверх морду и нетерпеливо поскуливая. Обойдя кедр и тщательно осмотрев каждую его ветвь, Усов так и не обнаружил спрятавшуюся куницу. «Ничего, теперь ты от меня никуда не уйдешь», — проговорил охотник, обращаясь к невидимой Менгузе. Отойдя в сторону, он решил выстрелить в верхнюю часть дерева. После выстрела что-то там слегка зашевелилось, и в темном переплетении сучьев показался силуэт сидящей куницы. «Так вот где ты спряталась! Сейчас я тебя угощу!» — и с этими словами охотник выстрелил. Но пуля, попав в мерзлый сук, пошла рикошетом.

Испуганная Менгуза быстро поднялась на самую вершину сорокаметрового кедра и без колебаний, широко расставив лапы и распушив длинный хвост, прыгнула вниз. Даже бывалый Усов не ожидал от нее такой прыти. Увидев падающую на землю куницу, Бельчик замер, задрал кверху морду и предвкушая момент, когда его зубы вопьются в шею зверя. Ловко планируя, куница отлетела от дерева на добрых два десятка метров и, мягко шлепнувшись в рыхлый снег, сиганула в бурелом. Опрометью бросился Бельчик к месту падения куницы, но ее и след простыл. Возвратясь к охотнику с вывалившимся из пасти розовым языком, пес тяжело дышал и с жадностью хватал снег.

В один из февральских дней Усову посчастливилось найти берлогу и убить медведя. Нарубив жердняка, он закатил на него медвежью тушу, затем прикрыл ее еловым лапником и развесил сверху стреляные гильзы и красные тряпочки для отпугивания хищных зверей. Вскоре на место удачной охоты Усова пришла Менгуза. Нисколько не боясь незнакомых предметов, она до отвала наелась медвежьего мяса и вернулась в гнездо. По ее пахнущим мясом следам к туше пришли еще две харзы и также изрядно полакомились. Усов, не подозревая о грабеже, не торопился проведать свою добычу, оставленную в лесу. А харзы до того обнаглели, что пировали не только ночью, но и днем. Снующие по лесу звери привлекли внимание кружившего в небе беркута. Орел снизился и в момент, когда Менгуза вылезала из-под лапника, закрывавшего медведя, камнем упал на нее.

Обычно беркут хватал свою жертву одной лапой за голову и, сжимая ей челюсти, не давал кусать себя. Но тут то ли он не рассчитал, то ли Менгуза успела увернуться, но первая хватка пришлась не по месту. И хотя беркут, сжав спину куницы когтями, стал быстро наносить ей сильные удары клювом по голове, Менгуза изловчилась и впилась своими острыми зубами в орлиное плечо. Видя, что с куницей ему не совладать, орел хотел подняться в небо. Раскрыв свои метровые крылья, он взмахнул ими, но взлететь не смог — правое крыло не повиновалось. А Менгуза все глубже и глубже вгрызалась в незащищенный орлиный бок, из которого лилась кровь. Беркут рвал клювом шкуру куницы, судорожно хватал ее лапами, но ничего поделать не мог. Он терял кровь и задыхался от удушья. Тем временем Менгуза добралась до его шеи. Хрустнули позвонки — и поникла гордая орлиная голова. Затем харза перекусила сухожилия на лапах побежденного врага и, выскользнув из его разжавшихся когтей, медленно побрела к своему гнезду. Молодым куницам, пришедшим ночью к месту сражения, мясо беркута показалось более вкусным, чем мерзлая медвежатина, и к утру от царя птиц осталась куча разбросанных на снегу перьев.

Заканчивался зимний сезон охоты. Усов потерял всякую надежду застрелить или поймать Менгузу. Но однажды он увидел ее на дереве...

Случилось как-то кунице охотиться днем. Не сумев схватить на земле замешкавшуюся белку, Менгуза начала преследовать ее на деревьях. С быстротой птиц неслись звери по ветвям, перепрыгивая с дерева на дерево. Иногда они спускались на землю и мчались по валежинам, кружились вокруг выворотней. Когда белка бежала по земле или по толстым сучьям, Менгуза догоняла ее и едва не хватала за спину. Тогда белка прыгала на тонкие ветки, сгибавшиеся под тяжестью куницы, но хорошо выдерживавшие ее легкое тельце, и уходила от страшного преследователя. В пылу погони Менгуза несколько раз срывалась с молодых деревьев, падала без всякого для себя вреда на землю и снова наступала свою жертву. Чувствуя, что в кедраче от куницы ей не уйти, белка направилась в молодой ольховник, росший по берегам заболоченного ключа. На голых деревьях она была вся на виду, но гнаться за ней по тонким, покрытым гладкой корой веточкам стало для Менгузы труднее. Перепрыгивая на далеко стоящую ольху, Менгуза не удержалась на слегка обледеневшем стволе и заскользила вниз, судорожно цепляясь когтями за кору. Один из сучьев ольхи, причудливо изогнувшись, образовал коварную развилку. В нее-то и попала шея куницы. Напрасно пыталась она освободить голову, отогнуть защемивший ее шею сук не хватало соображения. Исцарапав кору и вконец обессилив, Менгуза затихла, вытянулась вдоль ствола и окоченела, словно кем-то повешенная за свои воровские дела.

Долго рассматривал Усов куницу, хотел было в нее стрелять, но, увидев шапку снега на ее голове, понял, что зверь безжизнен. Вынув топор, он срубил ольху, положил окоченевшую Менгузу в рюкзак и направился к избушке. «И со зверьем приключаются несчастные случаи», — думал зверолов, шагая потемневшим лесом.

ЗАВОРОТЕНЬ

Это был могучий зверь в расцвете сил. Приземистое клинообразное тело его покрывала черная щетина, отросшая на хребте в целую четверть. Нижняя челюсть несла на себе грозное оружие — длинные трехгранные клыки. Соприкасаясь с верхними, загнутыми как кольца, они затачивались при постоянном трении друг о друга. Их грани были столь остры и крепки, что попадись между ними любой предмет, он распался бы на две части, словно пересеченный клинком. Таких кабанов именуют на Амуре заворотнями. Как и все

дикие кабаны, Заворотень, о котором пойдет рассказ, вел летом уединенный образ жизни, явно тяготясь присутствием себе подобных. Его раздражали бестолковые поросята, их возня и шумная игривость. Он предпочитал спокойное одиночество. Насытившись, подолгу нежился в грязевой ванне, затем с наслаждением почесывался о стволы елей и кедров, пачкая бока смолой и жидкой грязью.

Заворотень очень любил дождевых червей и сочные корневища иван-чая, но главную его пищу составляли желуди и всевозможные орехи. Облюбовав глухой тенистый ключ, впадавший в Мухен, Заворотень не покидал его месяцами. Здесь его никто не беспокоил, а пищи было вдоволь. Однако в конце осени, когда он хорошо зажиревал, его всегда тянуло к странствиям, ибо в это время у кабанов начиналась беспокойная пора брачной жизни. Иногда табун сам проходил через владения Заворотня, как бы посягая на покой бобыля. Так случилось и на сей раз. Послышался треск ломаемых мелких сухих сучьев, и одновременно с сопением и чавканием, столь знакомыми Заворотню, запахло кабанами. Присоединился Заворотень к табуну незаметно. Старая свинья-вожак уловила его резкий запах, но не проявила к нему ни малейшего внимания. Заняв свое обычное место в хвосте стада, Заворотень следовал за табунном при всех переходах, и только когда семейство останавливалось на кормежку, он появлялся среди подсвинков, выделяясь своим ростом.

Кабаны вели дневной образ жизни. С наступлением сумерек они приступали к строительству гайн — земляных гнезд. Найдя сухое место, старая свинья разравнивала его, перепахивая почву рылом, а затем вместе с поросятами натаскивала мелких веток и сухих стеблей вейника и устилала ими землю. Получалась теплая постель, на которую ложился весь выводок вместе с матерью. Подсвинки — двухгодовалые кабаны также устраивали себе общее ложе. Только Заворотень ночевал один, и гайно его было похоже на короткую борозду, дно которой он изредка устилал жесткими ветками. Они не столько согревали его, сколько маскировали от врагов. Угревшись в общей «спальне», кабаны поднимались с восходом солнца, и лишь Заворотень, потерявший аппетит, залеживался иногда до двенадцати часов дня.

На солнпоёчных склонах сопков снег быстро стаивал, и лишь в сиверах, куда не проникали солнечные лучи, он накапливался и, перемерзая, рассыпался как песок. При пере-

ходах все кабаны следовали за вожаком — старой свиньей — гуськом. От их следов в лесу оставалась хорошо приметная тропа, по которой тигры, медведи, охотники легко догоняли ушедший табун.

Заворотень шел последним. Иногда он останавливался, прислушиваясь к различным шорохам: не гонится ли сзади какой-нибудь опасный враг? Кабаны любили темные, трудно просматриваемые пихтачи с примесью высоких дубов. Роясь в опавшей листве, они разыскивали желуди.

Во время одной из кормежек Заворотень услышал подозрительный шорох. Выбежав навстречу непонятному звуку, секач стал прислушиваться и притихиваться к порывам легкого ветра, кружившего по лесу, и вскоре углядел между валежинами пегую собаку. Издав носом громкий шипящий звук, предупреждающий табун о надвигающейся опасности, Заворотень кинулся на собаку, намереваясь отогнать ее от табуна. Но когда выскочил на поляну, то попал в окружение уже шести собак. С лаем и визгом набросились они на Заворотню. Одна из лаек больно укусила его за заднюю ногу. Круто развернувшись, Заворотень, как таран, метнулся на обидчика. По быстроте бега он превосходил собаку, но та шарахнулась в сторону, Заворотень же, щелкнув клыками, пронесся мимо, и в это мгновение вторая лайка успела укусить его за бок. Молниеносные прямолинейные броски Заворотня не достигали цели: собаки уворачивались от ударов его клыков. Поэтому он решил отвязаться от лаек и полез в кусты. Раздвигая своим клинообразным телом густые заросли, он на время избавился от преследователей, но как только выбежал на чистое место, собаки снова окружили его со всех сторон, больно покусывая и хватая за щетину. Пришлось переходить к обороне.

На счастье Заворотня, охотники, пустившие собак, находились далеко и за шумом деревьев не слышали лая, а потому и не торопились к месту схватки. Заворотень стремился скорее достичь густых зарослей лиан, собаки следовали за ним. Вид убегающего противника возбуждал их ярость, и укусы все чаще заставляли кабана вздрагивать от боли. Забравшись в непролазную чащу, утомившийся секач прижался задом к огромной колодине. Собаки, потерявшие возможность атаковать противника с тыла, не переставая лаять, набросились на него спереди. Передохнув и собравшись с силами, Заворотень стремительно кинулся на собаку, подошедшую к нему слишком близко. Лайка мгновенно отскочила

в сторону, но с разгона наткнулась на переплетение лиан. От сильного толчка пружинистые стебли вытянулись, но тут же вернулись в прежнее положение, отбросив при этом лайку навстречу бегущему кабану. Мгновенный удар клыков — и лайка, обливаясь кровью, сунулась в снег. Воспользовавшись растерянностью остальных собак, Заворотень скрылся в лиановых зарослях. Остаток дня он провел в поисках ушедшего табуна. Лишь глубокой ночью секач подошел к гайнам, где чутко спали его сородичи. Наспех вырыв углубление под кедром, он с удовольствием прижался разгоряченным телом к холодной земле.

Наступивший день не принес ему покоя: к табуну подошел незнакомый секач. С этим Заворотень не мог мириться. Когда табун остановился на утренней кормежке, он решил выпроводить незваного гостя. Но и пришельцу изрядно наскучила жизнь холостяка, и он тоже решил постоять за себя. Завязалась ожесточенная схватка. Каждый из секачей стремился поразить соперника ударом клыка под лопатку — в то место, где билось сердце, но это не так-то легко было сделать. Природа наделила каждого из них броней — хрящевидными подкожными щитками, прикрывавшими передние лопатки. С оглушительным визгом кабаны разбежались и снова сшибались, стремясь опрокинуть друг друга на спину. А табун спокойно пасся рядом. Старая свинья равнодушно взирала на битву соперников. Весовое превосходство Заворотня решило поединок в его пользу. Пришлому секачу довелось спасти свою жизнь позорным бегством. Старая свинья, подойдя к победителю, приветствовала его негромким гортанным звуком и потерлась о его плечо мордой. В табуне снова наступили мир и покой.

Как-то во время подготовки ко сну, когда весь табун был занят ломкой ветвей для гайна, на кабанов напал тигр. Беззвучно подкрался полосатый к выводку и не торопясь выбрал себе на ужин подсвинка пожирнее. Когда намеченная жертва подошла к месту засады, тигр в два прыжка очутился на ее спине. Пронзительный крик подсвинка привел весь табун в неопишуемую панику, и кабаны рассыпались в разные стороны. Ошалевшая от страха свинья промчалась рядом с тигром. За ней следовали поросята. Долго еще бежали трусливые кабаны, хотя тигр и не пытался их догонять. А когда прошел страх, они снова собрались вместе и направились к дальним увалам.

В истекшем году желуди плохо уродились, и совсем не

было кедровых орехов. Старые бурые медведи, не успевшие за лето и осень зажиреть, не ложились в берлоги. Беспрестанно бродили они в поисках пищи и, словно тигры, охотились на свиней. Один из таких шатунов жил у ключа, облюбованного табуном Заворотня. Спустя несколько дней кабаньи забыли о нападении тигра. Усердно разрывали они снег под старыми деревьями. Редко кому удавалось найти в прошлогодней листве крупный, крепкий как кремль орех. С громким треском раскалывали могучие кабаньи челюсти толстую скорлупу. Широкие коренные зубы перемалывали ее вместе с тощим ядром. Семейство было так увлечено кормежкой, что спохватилось уже после того, как внезапно появившийся медведь-шатун лишил жизни одного из поросят. И опять в страхе неслось по лесу кабанье стадо. Заворотень, как всегда, находился в хвосте стада, обеспечивая его безопасность. С тревогой прислушивался секач к лесным шумам, подозрительно приглядывался к незнакомым предметам, не зная, откуда ждать новой беды.

Однажды он заметил бегущих к табуну серых собак. Издав крик, извещавший об опасности, секач выбежал навстречу лайкам с желанием их проучить, но это оказались волки. В один миг, звонко щелкая клыками, накинулись на Заворотня серые разбойники. Спасая табун, кабан стал уводить их в сторону, пользуясь той же системой обороны, которую применял при столкновении с собаками. Волки не лаяли и не рычали. Они молчаливо, но очень больно хватали Заворотня за зад, вырывая вместе с щетиной куски кожи. Несдобровать бы могучему зверю, не попадись ему вывороченный бурей густой кедр. Забравшись в его вершину, секач лишил своих противников свободного маневра. Волки боялись залезать в гущу веток, в которых Заворотень чувствовал себя в безопасности. Побегав вокруг кедра, они уселись на снегу, желая измором взять свою жертву, но и тут просчитались— в густом переплетении ветвей было теплее. Кабан и не думал покидать свое неприступное убежище. Потеряв всякую надежду полакомиться свининой, волки ушли, а Заворотень, дождавшись глубокой ночи, вернулся к табуну. Табун встретил его тихим одобрительным похрюкиванием. Даже поросята были рады его возвращению.

Наступила оттепель, а вскоре повалил густой снег. Он шел трое суток. Присмирившие кабаны топтались на месте, разыскивая скудный корм под толстым белым покровом. Пока бушевала пурга, было тепло, но когда тучи ушли на

восток и в небе засверкали яркие крупные звезды, ударил сильный мороз. Трудно было устроить теплое гайно в глубоком снегу. Сколько ни трудилась старая свинья, она не смогла согреть мокрых, повизгивающих от холода и сырости поросят. К утру двое из них, лежавшие на краю гайна, замерзли.

Табун поднялся поздно. Медленно повела старая свинья свой выводок к зарослям хвоща. Много раз во время бескормицы спасала эта вечнозеленая трава кабанов от гибели. Ее всегда было вдоволь, и к тому же хвощ не надо было выкапывать из-под снега. Для этих коротконогих животных не так были страшны морозы, как глубокие снега. На этот раз выпавший снег достигал метрового слоя. Поросята и даже подсвинки утопали в сугробах с головой, лишь только сворачивали со следа, проложенного шедшей впереди маткой.

Прошла целая неделя, прежде чем снег осел и миновала угроза гибели от голода. Окончился охотничий сезон. Покинули глухие уголки лесов люди и волки. Даже медведи-шатуны присмирели, предпочитая отсиживаться в своих гнездах, свитых из лапника молодых елей и пихт. Но кабаны по-прежнему бодрствовали. Они паслись на хвощах, а с наступлением темноты возвращались на ночлег к постоянным, хорошо оборудованным гайнам. Казалось, все хищники отступились от них.

Наступила весна, и табун ушел на солнпоёчную сторону сопки. Заворотень не последовал за выводком. Он остался на хвощах, пока совсем не растаял снег, а затем направился к любимившемуся ему мухенскому ключу. Как-то в конце весны, совершая длительную прогулку, Заворотень встретил знакомую свинью. Около нее сновали шустрые полосатые, словно бурундуки, поросята. При виде беззаботного отца своего семейства недоверчивая мать ощетинилась и с ревом набросилась на него. Пришлось Заворотню убираться во-свояси. Вернувшись на мухенский ключ, он обосновался там на все лето. Осенью пришли охотники. Они выстроили в устье ключа зимовье и, конечно, обнаружили следы секача. Все попытки взять осторожного и хитрого кабана оказались безуспешными. Вскоре охотники смирились с мыслью, что старый Заворотень неуловим. Им даже было приятно, что рядом живет столь солидный зверь, встретиться с которым каждый из них не терял надежды.

ВОЛЧЬЯ ЖИЗНЬ

Серый был хорошим семьянином. Днем и ночью рыскал он по окрестным лесам, чтобы прокормить свое большое потомство.

Однажды, безуспешно проохотившись короткую майскую ночь, он возвращался голодный и злой к логову. На мокрой пади, густо поросшей высоким вейником, паслись три косули. Увидя своего предвечного врага, косули стремительно понеслись к зарослям низкорослой, но густой лещины, покрывавшей пологий увал. Разгадав их замысел, Серый начал заходить справа, «отжимая» косуль от увала.

Звери мчались словно тени, смахивая с кустов и травы обильную утреннюю росу. Расстояние между ними сперва увеличивалось. Как будто резвясь, перемахивали косули через двухметровые кустарники, без всяких, казалось, усилий толкали свои поджарые тела стремительно вперед и словно плыли над высокими травами.

Пробежав несколько километров, косули поняли, что волк придет к косогору раньше, и изменили направление бега. Теперь они устремились к обширной кочковатой мари, поросшей жесткой осокой, но и тут Серый не пошел по их следу: острая осока могла порезать лапы. Не выпуская из вида косуль, он бежал стороной.

Взошло солнце. Бисером заблестели нити паутины. С резким криком сорвалась с болота пара бекасов. Расстояние между косулями и волком не сокращалось: звери бежали с одинаковой скоростью. На вязкой жидкой почве ноги косуль проваливались глубже широких волчьих лап, и вскоре Серый заметил, что две косули идут рядом, словно не чувствуя усталости, а третья, немного поотстав, норовит уйти в сторону, если на пути попадет кустарник. Нацелившись на отстающую, Серый прибавил ходу. Достигнув ивовых кустов, косуля под их прикрытием попыталась было уйти в лесную чащу, но Серый пошел наперерез. Первым выскочив на опушку леса, он сильным толчком груди опрокинул жертву наземь и одним ударом клыков перерезал ей горло.

Полежав несколько минут на прохладной земле и отдышавшись, волк приступил к завтраку, и вскоре от косули осталось не более половины. Неимоверно раздувшийся живот столь отяжелил волка, что случись поблизости охотник верхом на лошади, он без труда догнал бы Серого.

Теперь нужно было наикратчайшим путем добраться до логова. Не желая попадаться кому-либо на глаза, Серый шел то зарослями кустарников, то перелесками, тянувшимися вдоль сухих грив.

Его логово находилось на дубовой релке, вдалеке от дорог и человеческих троп. С обеих сторон к лесной гряде подступали болотистые, труднопроходимые мари с мелкими озерками. У одного из озерок когда-то жила семья барсуков. То ли их выловили охотники, то ли сырой грунт не позволял выкапывать глубокие, не промерзающие зимой норы, только они покинули свои подземные жилища. Серый с волчицей расширили главный вход и забили отнорки землей. По-

лучилось глубокое логово, скрытое разросшимися по краям кустами леспедецы.

Перейдя топкую марь, Серый вышел к логову, где его с нетерпением ждала вернувшаяся с неудачной охоты волчица. Около нее толпилось шесть голодных волчат. Увидев отца, они с радостным визгом побежали навстречу. Окружив веселой гурьбой усталого волка, малыши облизывали его мокрые от росы бока, терлись о его ноги, обнюхивали и облизывали испачканную кровью морду. А он с отцовским достоинством осматривал волчат, как бы говоря им: «Хватит шалить, принес вам отличного мяса. Будете все очень довольны». И, опустив низко к земле лобастую голову, широко распахнул свою страшную пасть и, напрягая мышцы живота, изрыгнул на траву несколько кусков мяса. С жадностью набросились волчата на пищу, но двум из них ничего не досталось. Тогда заботливый отец, словно из сумки, выложил на траву еще несколько «бифштексов». На этот раз все позавтракали, только волчица осталась голодной. Раньше, когда она кормила молоком новорожденных и была очень слабой, Серый питал ее своей отрыжкой. Теперь волчица сама могла добывать себе пищу.

Накормив детей, Серый растянулся в тени густого кустарника и погрузился в чуткую дремоту. В полдень он сходил к озерку, чтобы утолить жажду, и снова уснул. После сытного завтрака он не прочь был проспать до следующего утра, но нужно было накормить еще и голодную волчицу, осторожно, но упорно напоминавшую ему об этом толчками носа.

Солнце спустилось к горизонту, когда волки бесшумной трусцой направились к месту удачной охоты. Серый шел впереди своим следом, который улавливал не обонянием — за целый день след выветрился, — а зрительной памятью. Вот и тальниковый кустарник. Подведя волчицу к остаткам косули, Серый отошел в сторону, позволив взять себе лишь тонкую козью ножку. С жадностью утоляла волчица голод. Ее могучие челюсти легко раздробили позвонки добычи, и она мгновенно их проглотила. Насытившись, повеселевшая чета занялась туалетом. С большой нежностью облизывал Серый свою подругу, «чесал» зубами за ее ухом. Затем, прихватив с собой козью голову и переднюю лопатку, волки вернулись к логову. Лишь несколько клочков козьей шерсти осталось на месте их трапезы.

Вышли волки к озерку глубокой ночью. Волчата, тесно

прижавшись друг к другу, спали в норе, но, почуяв приход родителей, выбежали им навстречу. Виляя своими короткими хвостиками, они обнюхали голову косули, а затем все разом вцепились в большой кусок мяса, принесенный матерью, причем каждый норовил присвоить его себе. Предвидя ссору, волчица наступила лапой на мясо и стала отрывать куски, надевая ими волчат, а они с довольным урчанием утаскивали свою порцию в укромное место и с наслаждением съедали. Лишь с головой косули звереныши ничего не могли поделаться. Долго потом была она предметом их игр и злобных раздоров.

Быстро росли волчата. К середине лета они ростом вымахали со среднюю собаку. В нору забирались лишь во время проливного дождя и все дальше и дальше отходили от родного логова, но покидать релку и переходить марь не решались. Прожорливость волчат, казалось, не имела границ, и старые волки едва успевали кормить свое потомство. Иногда они приносили свою жертву в полуживом виде, с перекушенными ногами, чтобы она не могла убежать. И тогда волчата учились жестокому искусству убивать и делить между собой добычу. Попадали к волчьему столу домашние гуси и поросята, енотовидные собаки и молодые тетерева.

В конце лета старые волки стали уводить волчат от логова в дальний лес и на расположенное за ним обширное болото. Здесь вся семья довольствовалась сбором полевков, лягушек и насекомых. Волчата охотно поедали ягоду голубики, приучились разыскивать и ловить мелких маньчжурских зайцев. Нередко они разбредались так далеко, что не находили дороги к логову, и тогда тоскливо выли на утренних и вечерних зорях. Им отвечали старики, и семья снова собиралась вместе.

Наступила осень. Засквозили лиственные леса, и прежде скрытое волчье логово обнажилось, стало заметным. На малях громыхали выстрелы охотников за косулями. Пришлось волчьей семье покинуть релку, переселяться на сопки, поросшие черной березой, осиною и орешником. Здесь водились рябчики и кабаны, изюбры и барсуки.

Выпал первый снег. Каким неприветливым и голодным стал окружающий лес! Исчезли насекомые и многие птицы. Запрятались в глубокие норы и впали в спячку барсуки, енотовидные собаки и бурундуки, а полевки, проделав под снегом свои ходы, редко появлялись наружу. Наступила голодная пора для волка, и если летом его переходы не пре-

вышали двух километров, то теперь ему нужно было рыскать всю долгую зимнюю ночь, и нередко на дневную лежку он шел с пустым животом.

Вот в эту-то пору и учат старые волки своих взрослых детенышей искусству охоты на копытных зверей. Проспав короткий зимний день в густом молодом осиннике, Серый поднял стаю и направился к широкой пади. С реки к ней примыкало соевое поле, куда по ночам любили ходить косули за оставшимися после уборки стручками со сладкими бобами. Не доходя до поля, вожак остановился и присел на задние лапы. Это означало, что волчице и четверем прибылым волкам идти дальше не следует. Разделив таким образом стаю, Серый с двумя молодыми направился к соевому полю, а волчица со своими пошла к пади. Там, в зарослях высокого вейника, ей предстояло залечь в засаду.

Обойдя широким кругом поле, трое волков зашли на него с противоположной стороны и стали принюхиваться к многочисленным козым следам. Разыскав свежие следы, они вскоре увидели пасшихся косуль. Как опытный охотник, Серый понимал, что нужно возможно ближе подкрасться к косулям и выгнать их в падь, где засела волчица. Молодым волкам не терпелось наброситься на добычу, но они, как хорошо воспитанные дети, брали пример со старшего. Скрываясь за стогом, Серый начал осторожно приближаться к косулям. Но, как ни тихо он крался, старый козел вовремя заметил опасность и поднял тревогу. Потоптавшись несколько мгновений на месте и определив направление, откуда пришли хищники, косули с места перешли в галоп. Волки бросились в погоню.

Вначале молодые вырвались вперед, но вскоре поотстали, едва поспевая за Серым. Косули уходили с явным преимуществом в скорости, но настойчивые преследователи не отставали. Молодым, неопытным волкам хотелось гнаться за убегающей добычей наикратчайшим путем, им был непонятен маневр Серого, взявшего влево.

Кончилось соевое поле. Косули выбежали на невыкошенный луг. Поникая и припорошенная снежком длинная сухая трава назойливо путалась в ногах, замедляя бег.

А тем временем Серый, бежавший поодаль, достиг озера и, как только его ноги коснулись льда, прибавил ходу. Немало километров проскакали косули, прежде чем обнаружили, что волки шли не по их пятам, а уходили куда-то в сторону. Желая обмануть преследователей, рогатый козел кру-

то свернул вправо и поскакал к широкой пади, стадо последовало за ним. Этого только и нужно было Серому: теперь добыча шла прямо в засаду. Наступил самый ответственный момент охоты. Развернувшись и напрягая последние силы, Серый кинулся вдогонку косулям, которые, потеряв из вида волков, сбавили бег. Вот и спасительные заросли высокого вейника. Но стоило стаду выбежать на падь, как навстречу перепуганным животным выскочила из травы волчица. В страхе заметались косули, часть из них повернула обратно, но было поздно. Поравнявшись с рогачом, Серый с ходу ударил его клыками в бок. Козел, обливаясь кровью, рухнул на колени, а Серый, свернув в сторону, разил косуль одну за другой. Его примеру следовала волчица, и вскоре шестая косуля, огласив падь жалобным дребезжащим криком, упала под ударами волчьих клыков.

Охота кончилась. На горизонте мелькали силуэты спасшихся животных. Волки облизывали добычу. Для утоления голода вполне хватило бы и половины того, что лежало на земле, но ведь не всегда столь удачно завершается загон. Волк запасу всегда рад.

Целую ночь пиrowала волчья стая. Лишь с рассветом, лениво передвигаясь, ушли сытые звери в сопки и залегли в непролазных зарослях орешника, предварительно очистив под собой землю от снега. Не поднялись они с лежек ни днем, ни на следующую ночь. Мелкий снежок прикрыл следы их кровавой тризны.

Миновал теплый и малоснежный период начала зимы. Выпали глубокие снега. Крепчали морозы. Утопая в рыхлых сугробах, волки не могли настичь ни косулю, ни изюбра. Злые, вооруженные острыми клыками кабаны-секачи еще оберегали табуны, и поживиться поросенком было невозможно. Подтянулись волчьи животы от голода. Жалобно завывала по утрам и вечерам волчица, поджидая ушедшего в разведку Серого. Длинными морозными январскими ночами рыскала стая по перелескам и замерзшим болотам, но все скуднее и скуднее становилась добыча.

Однажды, проходя лесом недалеко от лесной деревушки, Серый уловил запах падали. Приблизившись, он увидел труп лошади, лежавший у свежего санного следа. Обойдя находку и убедившись, что человека поблизости нет, Серый подошел к падали совсем близко. Полежав на снегу, он сделал еще один круг, да так и не решился отведать конины.

На следующую ночь он снова вернулся к своей находке, но уже вместе со стаей. Просидев несколько часов в отдалении и не сводя с падали голодных глаз, волки стали осторожно приближаться, обнюхивая все подозрительные предметы. Первой подошла волчица, и как только ее клыки скользнули по мерзлому мясу, стая набросилась на добычу. Шкуры на лошади не было, и это облегчило работу. Только сильные волчьи челюсти, усаженные крепкими зубами, могли разрывать смерзшееся мясо, дробить крупные кости. Стараясь не мешать друг другу, волки быстро вгрызались в тушу со всех сторон. Насытившись, они гуськом направились в сопки, ступая след в след. Если бы их путь пересек неопытный охотник, он сказал бы, что здесь прошел один волк.

По лесной заброшенной дороге ехал в санях лесник Гордеев. Это он вывез в лес погибшую лошадь и теперь проверял, посещают ли приваду волки. Еще издали он увидел толчею волчьих следов. Не вылезая из саней, внимательно рассмотрел отпечатки лап и, поворотя Буланого, радостный поехал в деревню.

Большие тяжелые капканы на волка были приготовлены заранее. Вываренные в густом хвойном настое, они висели в сенцах. Теперь предстояло натянуть на них чистые, выветренные холщовые круги, к которым прикреплялись настояраживающие механизмы. Ступит волк на холстину, а она, прогибаясь под тяжестью зверя, потянет деревянный язычок, удерживающий стальные дуги, и сомкнется на лапе зверя мертвой хваткой капкан. Гордеев — опытный волчатник. На его счету десятка два волчьих жизней. Живет он в просторном бревенчатом доме на краю деревушки. По его убеждению, не должно быть в лесу ни браконьеров, ни волков. С первыми он справился быстро, а вот с волками — никак не мог, хотя надежды и не терял.

На следующий день, уложив четыре капкана в чистый мешок, Гордеев снова поехал к приваде. По дороге срубил четыре молодых березки и, кинув их в сани, тронулся дальше. Подъехав шагов на сто к приваде, он привязал к осине Буланого и, взвалив на плечи мешок с капканами, направился к волчьим следам. Капканы он расставил на старых следах, но в таких местах, где волк, преодолевая какое-либо препятствие, не глядел себе под ноги, а потому не смог бы вовремя заметить ловушку. Вырывая деревянной лопаткой углубление под следом, охотник вставлял туда насторожен-

ный капкан, а затем железной цепочкой привязывал к нему срубленную березку. Попадется серый разбойник — и потащит за собой капкан, а березка будет вслед волочиться. С таким «якорем» далеко не уйдешь. Расставив капканы, Гордеев направился к саням, тщательно замечая за собой следы сломанной веткой, отвязал Буланого и повернул домой.

После безуспешной охоты на изюбров Серый решил опять привести стаю к приваде. Дождавшись ночи, волки побрели к недоеденной лошади. Совсем уже была близка привада, когда шедший впереди Серый остановился. Кроме знакомого запаха падали, он уловил легкий запах следов человека. Помедлив, вожак осторожно стал обходить приваду. Остальные волки выжидали. Серый выбежал на санный след и прошел вдоль него с полкилометра. Убедившись, что человек уехал, вернулся к приваде. Завидев спокойно возвращавшегося жоака, стая с нетерпением кинулась к желанной горе мяса. Вдруг лязгнуло железо, и один из волков, подпрыгнув на месте, забился в капкане. Молниеносно развернувшись, старые волки понеслись прочь, низко опустив головы и пригнувшись к земле. Молодые следовали за ними.

Отбежав с километр, Серый остановился и прислушался: рядом шелестели шаги четырех молодых, за ними брела волчица. В ужасе убегая от опасного места, Серый не заметил, как скакавший в стороне молодой волк угодил двумя передними лапами во второй капкан и остался на месте, ломая зубы о стальные дуги.

Утром Гордеев выехал проверять капканы. Лошади боятся даже мертвых волков, но Буланый привык к волчьему духу. Подъезжая к приваде, Гордеев увидел глубокую снежную борозду, оставленную зверем, тащившим за собой капкан. Привязав покрепче Буланого, лесник взял с саней ореховую палку и пошел к месту, где стояли капканы. У первого из них снег был истоптан, кустарник изгрызен, на снегу кое-где виднелись капли крови. Капкана на месте не было, но через полсотню метров в кустах засерел волчий бок. «Как тебя угораздило ввалиться сразу двумя лапами?» — задал лесник вопрос лежащему на снегу волку. Спокойно подойдя к добыче, он коротким взмахом палки ударил зверя по носу. Волчья жизнь оборвалась мгновенно, и Гордеев пошел проверять остальные капканы. Два из них стояли нетронутыми, а от последнего уходил в лес широкий ров-

ный потаск. «Далеко не уйдешь», — подумал Гордеев и зашагал вдогонку. Трудно было волку тащить на передней лапе тяжелый капкан с привязанной березкой, и не уйти бы ему от верной гибели, не оплошай охотник. Плохо привязал он капканий потаск. Зацепившись за куст, березка осталась на месте, и без нее волк пошел быстрее. Так и не догнал его Гордеев. Вернувшись к оставленной у привады добыче, лесник снял с волка шкуру и поехал домой, а ранним утром, прихватив с собой ружье, явился в лес: не хотелось ему терять уловистый капкан, выкованный на славу местным кузнецом.

Весь остаток ночи тащил волк капкан. Конец лапы, хотя и омертвел, причинял ему страдания. Голодная же стая кружила по лесу в поисках пищи и на рассвете нашла своего собрата. Обступив пострадавшего, волки недоверчиво и долго смотрели на него, как бы оценивая, на что он теперь способен. Серый медленно подошел к съезжившемуся под его пристальным взглядом волку, понюхал капкан и вдруг вцепился в горло калеки. Мгновение — и попавший в капкан волк исчез под сворой, не издав ни единого звука. А когда перестали щелкать клыки стаи, на снегу остались лишь кончик хвоста да обледеневшая лапа, зажатая в капкан.

Найдя по следу капкан, Гордеев подобрал жалкие остатки серого разбойника, чтобы доказать его гибель.

Наступил февраль — время брачной жизни волков. Серый уединился с волчицей в сопках. Молодые же волки, оставшись вчетвером, пробовали самостоятельно охотиться за косулями и изюбрами, но их постигла неудача. Один раз им посчастливилось схватить замешкавшуюся лисицу да поймать нескольких зайцев. Голод снова привел волков в тот же лес, где лежала привада, и двое из них поплатились своими шкурами.

Наступила весна, легче стало волку добывать себе пищу. Но Серому и волчице приходилось думать не только о себе: под корнями старой липы появились у них три крохотных, но весьма прожорливых волчонка. Да недолго длилась родительская радость: обнаружили охотники волчье логово, унесли всех трех малышей в мешке. Видели издали Серый и волчица, как уносили люди волчат, а заступиться за них не могли, уж очень велик страх у волка перед человеком. Долго тосковали волки: крепко любили они своих детей.

Прошло лето, наступила суровая бескормная зима. Откочевала косуля. Легли глубокие снега. Даже падаль было

трудно найти. Как-то морозной ночью, рыская со своей подругой недалеко от пасеки, Серый нашел в тальниках замерзшего зайца. Очень голоден был Серый. Не заметил, что рядом с зайцем вилась охотничья лыжня. Одним зайцем ему не утолить голод, но когда подбежала волчица, он дал ей отведать половину своей добычи. Не знал Серый, что в зайце были заложены две стрихниновые капсулы, поделился смертью с верной подругой. Недолго бежали они рядом. Видя, что волчица отстала, Серый остановился, поджидая ее. Но волчица уже не могла бежать. Пошатываясь, хватала она снег, пена забивала ей пасть, и, сунувшись головой в сугроб, навсегда затихла спутница жизни Серого.

Много смертей видел на своем веку Серый, казалось, ничто не могло смутить сердце старого разбойника, но при виде гибели волчицы он заметался словно под выстрелами охотников, затем вскинул к небу свою лобастую голову, и понеслись над лесом тоскующие вопли одинокого волка.

ОЛЕНЬ ЗОЛОТЫЕ РОГА

Лето в анюйских лесах теплое и душное. Кучевые облака, проносясь над темно-зелеными сопками, почти ежедневно сливаются в тяжелые тучи и извергают из своих недр шумные ливни. Зной в эти часы спадает, но дышать становится еще труднее. В густом высокоствольном лесу жара неощутима. Горячие солнечные лучи отражаются от густых темно-зеленых листьев ильмов, берез и осин, но зато на полянах и песчаных косах Анюя земля раскалена. В эту пору племя пернатых не оглашает воздух звонкими руладами,

и если бы не пение насекомых — различных кузнечиков, сверчков, цикад, лес стоял бы безмолвным, словно погрузившись в дремотную истому.

На северном склоне невысокой сопки, окруженной болотистыми, с высокими кочками полянами, жил олень. Он принадлежал к благородным оленям — изюбрам. Голову изюбра украшали молодые неокостеневшие рога — панты. Тугие, налитые горячей кровью панты росли быстро. Прикосновение к ним вызывало боль, и бык осторожно носил свою гордую голову, стараясь не задевать рогами древесных веток. Может быть, поэтому он избегал общества самок и беспокойных телят, поминутно поднимавших тревогу по всяким пустякам и не замечавших порой серьезной опасности.

Во время дневной жары изюбр обычно лежал в тени деревьев, наслаждаясь прохладой. Здесь быка менее донимали слепни — крупные кровососущие мухи, охотно садившиеся на его чувствительные рога. С наступлением темноты, когда настырные насекомые исчезали, он выходил из укрытия и направлялся к речному заливу. Темная зеркальная поверхность воды источала свежесть. Чуткие ноздри быка улавливали тонкие запахи сочных трав.

Остановившись на опушке, изюбр долго прислушивался к едва внятному рокоту переката и всматривался в каждый ивовый куст, стремясь убедиться, что ему ниоткуда не угрожает опасность. Затем осторожно подходил к воде. На противоположной стороне залива плавало несколько корчаг, они попали сюда в большую воду и служили местом для отдыха уток. Но одну из них, едва видневшуюся в зарослях рогоза, олень раньше не видел. Долго вглядывался сторожкий бык в незнакомый предмет, стараясь уловить там малейшее движение, пока не успокоился и не принялся щипать нежные побеги трехлистки. Будь у изюбра зрение поострее, он увидел бы, что в травянистых зарослях скрывается берестяная оморочка и на ней затаился старый пантовщик удэгеец Бианка.

Войдя в залив, изюбр глубоко погружал голову в прозрачную воду, захватывал у самого дна большой пучок стрелолиста, а затем тщательно пережевывал сочную траву. С его черных губ скатывались зеленые капли. Насытившись, изюбр захотел полакомиться крахмалистыми корневищами кубышки, но ее заросли находились на противоположном берегу. Туда и направился бык. Он уже перешел мелковод-

ный залив и собирался погрузить свою голову в воду, как вдруг у самых его губ подпрыгнул тоненький фонтанчик. В то же мгновение сверкнула молния и резкий раскатистый грохот, прокатившись над спящим заливом, улетел к сопкам и эхом вернулся обратно. Это был выстрел. Вздвигнув всем телом, изюбр развернулся на месте и, поднимая каскады брызг, большими прыжками понесся через залив к опушке леса. Выскочив из воды, он еще сильнее толкнул свое тело вперед и, перемахнув через ивовый куст, скрылся между деревьями.

Бианка видел бегство быка и хорошо понимал, что так легко прыгать могло животное, которого не коснулась пуля. Ушли из рук ценные панты. Сокрушаясь, Бианка выплыл из залива и заскользил вниз по течению быстрой реки, а изюбр, поднявшись на сопку, остановился. Поводя мокрыми боками, он долго прислушивался к тишине ночи. Звенели комары, и откуда-то издалека доносился монотонный крик сплюшки.

Быстро забывают звери свои страхи, помнят они лишь об опасности, поэтому всегда держатся настороженно. Вскоре к герою нашего рассказа вернулось хорошее настроение. В анюйских лесах даже самое взыскательное травоядное животное могло в изобилии иметь излюбленную пищу. Короткая красновато-рыжая шерсть изюбра лоснилась на солнце, а его упитанное стройное тело было как налитое. И все же организм быка испытывал иногда недостаток минеральных солей. И тогда изюбр направлялся к далеким солонцам, дорогу к которым проведаль еще будучи телянком.

Сперва изюбр шел длинным пологим увалом по кабаньей тропе, затем брел густыми непроходимыми пихтачами. Здесь росли папоротники, и бык срывал и поедая их на ходу. Он даже съел несколько пахучих веток пихты. Пихтач рос так густо, что если бы не вековые, ежегодно подновляемые кабаньи тропы, то оленю бы здесь не пробраться. Наконец кабанья тропа привела быка к главной «магистральной». Чем дальше брел изюбр, тем проторенней становилась тропа. На нее все чаще и чаще выходили одиночные следы и узенькие побочные тропинки. Вскоре показался и сам солонец — крохотный ручеек с редко стоящими по берегам деревьями. Но как основательно была перемешана здесь вязкая почва копытами оленей, косуль и лосей! Местами виднелись старые отпечатки медвежьих и волчьих лап и следы охотников-пантовщиков. Многие интересовались солонцами.

Одних привлекала богатая солями вода и земля, других — те, кто бывал здесь. Чаще всех приходили на солонец изюбры. Не одну тонну влажной солоноватой земли съели они, обнажив корни многих деревьев, ныне гниющих в траве.

Об этом хорошо знали пантовщики. Заблаговременно ставили они недалеко примитивные срубы с одним окошечком — бойницей или строили на деревьях сидьбы, на которых и поджидали изюбров.

Очень осторожно подходил к солонцу бык. Его пугал деревянный сруб, притаившийся под дряхлой лиственницей и прикрытый гнилыми корнями и валежником. Он уже готов был повернуть обратно, как вдруг увидел ланку, стоявшую с теленком недалеко от сруба и поедавшую жидкую землю. Значит, поблизости нет человека и можно спокойно полакомиться. Изюбр припал к ручью. Напившись, он подошел к ланке и принялся вместе с ней грызть вязкую глину: она была солонее воды. Пережевывая скрипевшую на зубах землю, изюбр не спускал глаз со сруба. Его внимание привлекло маленькое стекло, блестевшее при лунном свете и закрывавшее бойницу. Вдруг стекло, слегка звякнув, исчезло, а из бойницы осторожно высунулся ружейный ствол.

Бык вздрогнул и замер на месте. Запахло человеком. Изюбр не доверял своему зрению: сколько раз он принимал обгоревшие пни в лесу за охотников! Подводили его и обычно чуткие уши, ибо звуки лопающихся деревьев зачастую походили на выстрелы, а шорох, производимый белкой, был иногда похож на шорох шагов человека. Только обоняние никогда не подводило быка. И когда его ноздри уловили запах охотника, он толкнул свое послушное тело вперед и, перемахнув через валежину, скрылся в сумерках леса. Ланка последовала за ним. Отбежав подальше от солонца, бык остановился. Прислушался. По-прежнему было тихо. Но когда он вспомнил противный запах смертоносного оружия, нос его сморщился и изюбр издал громкий отрывистый кашель, по звуку напоминающий лай собаки.

— Ушел, — с разочарованием проронил промысловик, вылезая из сруба и разряжая ружье. — Ишь, разбявкался. Теперь уж на солонец не придет. — Смирившись с неотрадной мыслью, охотник зашагал к речке, где в палатке его дожидался напарник.

Уйдя с солонца, изюбр направился на горелую сопку. Там в изобилии росли любимые им травы, было много грибов.

Быстро катились дни щедрого лета. Закончился рост пантов у изюбра. Теперь его рога имели четырнадцать концов — на два отростка больше, чем в прошлом году. И хотя рога окостенели, их еще покрывала полусохшая кожа. Мучительный зуд одолевал зверя, и он с удовольствием чесал рога о кустарник, бодал ими молодые деревца. Облюбовав елочку или кедринку, изюбр подолгу терся рогами о податливый ствол, лишая его коры, а следовательно, и жизни. Вскоре они оголились полностью и угрожающе поблескивали белыми острыми концами, словно пиками.

Изюбра тянуло в общество ланок, и он охотно бродил с ними, горделиво забрасывая свое великолепное украшение на спину, будто готовясь к быстрому бегу. Но стоило только показаться поблизости сопернику, как из миролюбивого оленя наш знакомец превращался в злобное чудовище. Глаза его наливались кровью и выкатывались из орбит. Шерсть на загривке дыбилась, шея раздувалась. Он опускал голову к земле, издавал фыркающие звуки ноздрями и смело бросался на пришельца. Если тот не уходил, завязывалась жестокая драка. Далеко по лесу разносились тогда стук рогов, треск ломаемых сучьев и кустарника, сопение и рев быков. Наш герой находился в расцвете сил и всегда выходил победителем из таких схваток. Как бы желая оповестить весь мир о своем мужестве, он высоко вскидывал голову, оглашая склоны сопок страшноватым протяжным ревом. Особенно охотно и подолгу ревел он на утренней и вечерней зорях. Когда прохладный сентябрьский воздух был чист и плотен, эхо долго повторяло эти тоскующие звуки первобытного леса.

Около изюбра постоянно держались пять ланок. Соперники, испытав остроту его рогов и силу мускулов, близко не подходили и ревели на почтительном расстоянии. Но однажды, когда утро выдалось особенно звонким и первый иней посеребрил зеленые полегшие травы, изюбр услышал неуверенный далекий рев молодого быка. Не подозревая в нем грозного бойца, новичок смело приближался. Ревел он неумело и часто, как и полагалось молодому быку. Это раздражало изюбра. Сперва он отвечал неохотно и глухо, как бы не желая связываться с юнцом, но когда тот подошел чересчур близко и, спрятавшись за увалом, стал настойчиво манить к себе ланок, изюбр вскочил и решил отвадить дерзкого пришельца. С протяжным ревом ринулся он ему навстречу. Перемахнув через увал, изюбр осмотрел-

ся, но молодого быка нигде не было видно. Может, он убежал в страхе или притаился за кустами, высматривая ланок? Перебежав поляну, изюбр остановился и снова огласил ревом притихший лес. Не успела заглухнуть последняя нота боевого клича, как сильный удар в левый рог чуть не свалил быка на землю. Словно гром, прогрохотал выстрел браконьера. Тряся рогами, изюбр мгновенно развернулся и, не дожидаясь второго выстрела, скрылся в лесной чащобе. А браконьер, принятый изюбром за неопытного быка, сложил берестяную трубу, на которой он подражал изюбриному реву, и пошел искать другую жертву.

Долго бежал испуганный изюбр. Пуля, попав в рог, сделала в нем едва заметное отверстие, но от сильного удара шумело в голове, звенело в ушах. Несколько дней не мог прийти в себя потрясенный бык, а когда поправился и вернулся к своим ланкам, с ними уже ходил знакомый соперник, которого он раньше не раз обращал в бегство. Соперник был старше. Его рога утратили симметрию: на правом было восемь отростков, на левом — шесть. Ему ни за что не хотелось уступать ланок.

И вот враги сошлись на поляне и скрестили свои ветвистые рога. Долго длилась упорная битва. Быки то расходились, то снова яростно бросались друг на друга, стремясь вонзить острые концы рогов в бок противника. Они выбили до самой земли траву, поломали кустарник. Арена поединка напоминала теперь круглый цирковой манеж. Израненные бока у обоих быки испачканы кровью, с высунутых языков капала пена, оба задыхались от изнеможения, но никто не хотел уступать.

Молчаливо смотрели издалека на затянувшуюся битву присмиревшие ланки. Усталые быки разошлись было в стороны, но тут же развернулись и на всем скаку, опустив низко головы, сшиблись лбами так сильно, что рога, раздавшись, плотно переплелись между собой. Сперва разъяренные быки не поняли, в какую смертельную ловушку они оба попали, и продолжали бодать друг друга, но когда захотели разойтись, не смогли разъединиться. Страх охватил бедных животных. Беспорядочно заметались они по поляне. Когда один из них падал, другой волочил его по земле, пока не наступал на лежащего и не валился с подвернутой

головой. Отдохнув, оба вставали и снова прилагали огромные усилия, чтобы освободиться. Но не было силы, которая могла бы разорвать их заклинившиеся рога.

Наступила ночь. Издалека по-прежнему доносился рев изюбров, а два измученных быка беспомощно бились на земле. Прошло несколько дней. Увлеченные молодым изюбром, ушли ланки, а вскоре крик воронов созвал хищников леса на тризну.

Пришла зима, а затем снова наступило лето. Вытоптанная изюбрами трава поднялась во весь рост. Живая природа не терпит скелетов: мелкие грызуны источили крупные кости изюбров, и на поляне остались два черепа с переплетенными рогами. Они начали уже зарастать травой, когда на это место случайно вышел егерь. Подивившись находке, он взвалил на плечи тяжелые рога и доставил их в город. Здесь они были выставлены в музее и поведали об одной из лесных трагедий.

ПОХОЖДЕНИЯ ЯШКИ

На низком болотистом острове Амура, что недалеко от Хабаровска, жила семья маленьких диких собак. Длинная пушистая шерсть, покрывавшая их короткие неуклюжие тела, ее серо-зонарный цвет и склонность к зимней спячке делали этих зверей чрезвычайно похожими на енотов, поэтому ученые и называли их енотовидными собаками, а охотники — просто енотами. О приключении одного такого енота — Яшки я и хочу рассказать.

Родился Яшка весной в земляной норе, которую вырыли его родители на незатопляемом песчаном бугре острова. У его матери появилось на свет сразу двенадцать слепых малышей. Нелегко было бы их всех выкормить и поставить на ноги, если бы не заботливый отец. Быстро росли щенята. Когда же им исполнилось две недели, они стали выползать по вечерам из норы и знакомиться с окружающим миром.

У енотов было очень много врагов, а природа не дала им средств защиты. Они даже не умели быстро бегать, поэтому и вели ночной образ жизни. В начале лета вода в Амуре сильно упала. Отшнуровались от русла реки и начали высыхать озера и заливы. Не успевшая выйти из них рыба погибала. Днем ее растаскивали вороны и коршуны. Наступила сытая жизнь и для енотов. Каждую ночь старые еноты в сопровождении своих детей отправлялись к ближайшему заливу, и Яшка до отвала наедался мелкой рыбешки.

Засуха сменилась обильными дождями. Широко разлился Амур. Так широко, что местами с одного берега не был виден другой. Вода затопила почти весь остров, на котором жил Яшка. Теперь поймать рыбу было трудно, и еноты довольствовались лягушками и мышами-полевками.

Осенью вода снова спала. Молодые еноты разбрелись по всему острову, ведя самостоятельный образ жизни. В летнюю пору враги енотов на остров не проникали. Различной пищи было вдоволь, и Яшка до того разжирел, что с трудом пролезал в нору, предпочитая отлеживаться в густых зарослях вейника. В конце ноября морозы сковали Амур, но снег едва прикрывал землю. Вышли на промысел охотники. Однажды во время дневного отдыха, когда Яшка пребывал в блаженной дремоте, развалившись между сухих осоковых кочек, к нему подбежала собака и принялась на него лаять. Яшка впервые видел столь злобное существо. Сильно испугавшись, он притворился мертвым и закрыл глаза. Вскоре к собаке подошел охотник. Увидев енота, он снял котомку, затем смело схватил Яшку за шиворот и бросил в мешок, который завязал ремешком. Долго качался Яшка на спине охотника, ходившего целый день по острову в поисках енотов, прежде чем тот вышел на дорогу и сел в автобус. Так Яшка попал в большой город.

Поймавший его охотник знал, что жир и мясо этого зверька издавна рекомендуются народной медициной как целебное средство при заболевании легких. Он не торопился снимать шкурку со своей добычи и поместил Яшку в сарай. Яшка не страдал от голода и жажды. Сонливое состояние, в котором он находился, лишало его аппетита. Забившись в темный угол, он часами лежал на животе, апатично глядя на окружающие предметы, и казался больным. Он был настолько незлоблив, что даже не пытался укунить человека, клавшего ему в рот палец. С удивительным равнодушием ожидал он своей участи. Сарай, в котором содержался

Яшка, был холодным и темным. В нем пахло крысами. Яшка тосковал по уютной норе и решил соорудить ее в самом сарае, благо пол здесь был земляной. Подкапываясь под одну из стен сарая, он незаметно проделал довольно обширное отверстие, через которое затем проник во двор. К счастью, заборы не преграждали его путь.

Стояла глубокая ночь. Пустынные улицы были безлюдны. Яшка долго бежал по асфальтовому тротуару, затем свернул в палисадник и вышел на просторный бульвар. Если бы он знал, в каком направлении находится Амур, то времени и сил ему вполне хватило бы, чтобы выбраться из города и уйти на левый берег, но он кружил по задворкам, натываясь на большие здания. Иногда навстречу ему попадались кошки и бродячие собаки. Первые убегали от него со страхом, а вторые набрасывались, лаяли и пытались даже укусить. Тогда Яшка притворялся мертвым, и злобные псы оставляли его в покое. Рассвет застал беглеца на главной улице просыпающегося города. Торопясь укрыться поскорее от людских глаз, Яшка бросился в низкое окно с выбитым стеклом и попал в кочегарку. Здесь его заметил человек в телогрейке, накрыл брезентом и вытащил во двор. Пленника окружила толпа ребятишек. Особенно понравился он маленькой Аленке:

— Какая хорошенькая лохматая собачка!

— Это не собачка, а енот, — поправил Аленку Коля, у которого отец был охотник.

— А можно его погладить?

Яшка смиренно лежал на животе, втянув голову, и кроткое выражение его глаз вызывало у ребят большую жалость к нему.

— Дяденька, подарите его мне, — робко попросила Аленка, жившая в соседнем доме. — Я его молоком буду кормить.

— Ну что ж, забирай, если не боишься, — согласился кочегар, не знавший что и делать с пойманным зверьком. Обрадованная девочка без всякой боязни взяла Яшку на руки, прижала к себе и унесла домой.

— Мама! Посмотри, какого енотика мне подарил дядя! — воскликнула Аленка, принеся Яшку в комнату и положив его на ковер.

— Это что еще за зверюга? А он не кусается? — настожила Аленкина мама, боязливо рассматривая незнакомое для нее существо. Хотя она и привыкла к страстным

увлечениям дочери животными, но это был какой-то неизвестный зверь, вызывавший у нее опасения.

— У тебя же есть бурундук, белый мышонок, зачем тебе еще этот? Он мне квартиру запакостит.

— Я его буду в кладовой держать. Посмотри, какой он смиренный. — И Аленка принималась гладить Яшку, а он закрывал глаза, словно ласка доставляла ему большое удовольствие.

— Ну сама посуди, куда же его теперь девать? На дворе снег, мороз, он же замерзнет.

— Ну ладно, неси его в кладовку, — нехотя согласилась мать.

Обрадованная Аленка унесла Яшку в кладовую, находившуюся в цокольном этаже дома. В кладовой было тепло, горела электрическая лампочка. Положив енота на пол, она принесла ему молока, кусочек булки, но Яшка не притрагивался к еде. «Ничего, привыкнет», — решил Аленкин папа, пришедший посмотреть на незнакомого зверька. Пока Аленка ходила в школу, он сделал для Яшки просторный ящик с двумя отделениями: в одном — спальня, в другом — столовая, и посадил в него пленника. Наступила для Яшки теплая, сытая и спокойная жизнь.

По утрам Аленка приносила ему еду, а вернувшись из школы, выводила на прогулку. То ли необычность обстановки, то ли регулярное питание подействовали на Яшку, но он утратил свою сонливость и стал более активным. Однажды даже пытался убежать от своей хозяйки, после чего Аленка стала выводить Яшку на прогулку на сворке, предварительно надев на него ошейник.

Появление на улице девочки, ведущей на сворке лохматого зверька, всегда вызывало любопытство у окружающих. Ее засыпали вопросами: ручной ли он, что кушает, где его нашли, как зовут. Последний вопрос навел Аленку на мысль назвать своего питомца Яшкой. Казалось, что этот робкий флегматичный зверек привязался к ласковой девочке и был доволен своей новой жизнью, но на самом деле это было не так. Просто Яшка перестал бояться Аленки и охотно принимал из ее рук конфетки. Ему очень нравились сладости, особенно ириски, а на прогулки он ходил охотно потому, что его не покидала надежда обрести утраченную свободу. Выходя на улицу, он постоянно пугался автомобилей и в страхе прижимался к ногам Аленки. При встрече с большими собаками Яшка ложился на асфальт и закрывал глаза.

Кончилась зима. Яркое мартовское солнце растопило снег. По улицам зажурчали ручьи. Беспокойство охватило Яшку. Он метался в своем ящике, переворачивая поилку, грыз доски и беспрестанно искал выхода из тесного убежища. На прогулках он теперь не хотел покорно шествовать за Аленкой, а рвался куда-то в сторону, до удушья натягивая поводок. Аленка едва справлялась с ним, не понимая, что происходит с ее питомцем. Во время одной из прогулок ей повстречался охотовед. Расспросив девочку о Яшке, он задумался.

— А не выпустить ли его на волю? Зиму он пережил хорошо. Теперь весна, ему нужно заводить семью. Летом еноты активны. Ты уедешь в лагерь, а Яшку куда?

— Возьму с собой.

Долго еще Аленка не могла смириться с мыслью, что Яшку нужно выпустить на свободу. Она строила разные планы, но все они рушились, когда дело доходило до ее отъезда из города. На одном из семейных советов было решено: в ближайшее воскресенье они вместе с папой и Яшкой уедут на машине в Хехцирский заповедник и там выпустят енота.

— Ведь в заповеднике ему будет хорошо: там охраняют и даже подкармливают зверей, — заявила Аленка. Так и поступили.

Со слезами на глазах смотрела девочка на удаляющегося к опушке леса Яшку, а он, приюхиваясь к талой земле, трусил своими короткими шажками навстречу свободной жизни и даже не обернулся в сторону своей доброй хозяйки. Долго стояла Аленка на залитой солнцем поляне. Ее не радовали ни первые цветы рододендрона, ни звонкие пересвисты синиц. Всем детским сердцем привязалась она к этому незлобивому зверьку. Она его ласкала и баловала вкусной едой, ухаживала за ним, словно за младшим братишкой, а он убежал прочь и даже не обернулся. Может, Яшку напугала езда на машине? Он успокоится и вернется.

— Он должен вернуться, теперь ему никто не даст вкусных ирисок, — твердила Аленка. Но Яшка не вернулся. Как только он вошел в лес и на него повеяло запахами просыпающейся земли, он забыл об Аленке и думал теперь только о том, как бы поскорее уйти от людей, скрыться в укромном месте и разыскать своих собратьев.

— Ну что, Аленка, поехали домой, Яшка к нам не вернется! — сказал папа и открыл дверцу машины.

Настали сумерки, а Яшка все брел и брел по заповедному лесу. Горный, далеко просматривавшийся лес ему не нравился, он стремился на равнину. И когда достиг заболоченной поймы тихой речушки Чирки, густо заросшей высоким вейником, остановился. Окружающие места напоминали ему родной амурский остров. Яшка стал принюхиваться к весеннему воздуху. Пахло прелой листвой и лягушками, и он почувствовал голод. Утолив его, енот забрался в густую прошлогоднюю траву и крепко уснул. Взошедшее солнце и теплый весенний ветерок ласкали и убаюкивали Яшку целый день, а когда наступили сумерки, он отправился на поиски пищи, свободный и счастливый.

БЕЛЫЙ ОШЕЙНИК

Переселенческое село Капитоновка раскинулось среди пологих увалов Сихотэ-Алиня. Трудно доставался капитоновцам первый хлеб: одолевали тяжелая корчевка, гнус да затяжные летние дожди, но люди полюбили отвоеванную у леса землю, научились снимать с нее обильные урожаи сои, стали жить зажиточно. Особенно привольно чувствовали себя охотники. Тракторист Роцев во время уборки урожая и вспашки зяби возил за сиденьем централку, и редко проходил день, чтобы он не подстрелил тетерева или фазана, а то и косулю.

Стоял октябрь. По ночам морозцы сковывали землю. Затянувшаяся, как всегда, уборка сои близилась к концу. Пахотный клин, на котором работал Рощев, примыкал к Мокрой пади. Здесь жил табунчик фазанов. Тракторист знал об этом и все собирался поохотиться за «дикими курами». В первую же порошу он достал ружье, пристегнул патронташ и зашагал по птичьим следам.

Фазаны кончили кормиться и ушли в густой кустарник, росший у обочины поля. Первым заметил подходившего охотника старый петух — Белый Ошейник. Пригибаясь к земле, он взбежал на бугорок и, зайдя в густую траву, стал наблюдать за человеком. Видя, что охотник свернул в кусты и идет по его следу, фазан не стал дожидаться, когда охотник подойдет к нему на ружейный выстрел, подпрыгнул и, громко кудахча и хлопая крыльями, полетел к дубовой релке, тянувшейся вдоль Мокрой пади. Рощев вскинул было ружье, но тут же его опустил. По следам он видел, что поблизости затаилось еще несколько фазанов, а стрелять вылетевшего не в меру далеко петуха не следовало. Выбрав пару следков, которые вились между кустов, держа ружье со взведенными курками наготове, Рощев стал осторожно красться к табунчику. Мелодичный посвист крыльев поднявшейся с земли фазанушки остановил охотника. Вскинув к щеке ружье, он почти не целясь послал вдогонку длиннохвостой птице заряд дроби. Перевернувшись на лету, она упала в полынь. Грохот выстрела вспугнул молодого петуха, и он с кудахтаньем вылетел из-за кленового куста. Еще выстрел — и фазан сунулся в траву.

Рощев опрометью бросился к месту падения птиц, боясь их потерять, а тем временем четыре фазана, успевшие убежать подальше, поднялись на крыло и улетели на релку. Подняв добычу, довольный охотник не стал их преследовать.

Уцелевшие фазаны собрались на релке в табунчик. Это были старая фазанушка и ее взрослые дети: две курочки и один петушок. Они мало отличались по величине от матери, но намного уступали ей в осторожности и предусмотрительности. Вскоре к ним присоединился Белый Ошейник, и они все вместе отправились на кормежку на соевое поле.

Низко обрезал комбайн соевые стебли, но все же кое-где оставались стручки, наполненные бобами — любимой пищей фазанов. Шедший впереди Белый Ошейник остановился, зорко осмотрел поле с вереницами копешек соевой соломы, оставленной после комбайна. Поле было пустым и безжиз-

ненным, но Белый Ошейник не доверял этой тишине. Инстинкт самосохранения заставлял его избегать незнакомых предметов и темных пятен на снегу, хотя бы они были и неподвижны. Может быть, по этой причине он не пошел в сторону копешки, на которой лежала «торфянистая кочка», припущенная снегом. Если бы он подошел ближе к ней, то рассмотрел бы, что эта недвижимая белая «кочка» не что иное, как нахохлившаяся полярная сова, подстерегавшая добычу. Каждую зиму прилетали с далекого севера эти белопестрые хищные птицы и охотились на полевых мышей днем, а не по ночам, как это полагалось делать всем совам.

Выбежав на пашню, фазаны разбрелись по ней в поисках корма. Молодой петушок, не замечая опасности, приблизился к месту засады совы, но та долго рассматривала незнакомую ей птицу, прежде чем решилась на нападение. Улучив момент, когда фазан, увлекшись расклевыванием стручков, повернулся к ней спиной, низко пригнув голову к земле, сова бесшумно сорвалась с копешки и ринулась на свою жертву. Петушок увидел сову в тот момент, когда она, выпустив когти, пикировала на него. Шарахнувшись в сторону, он попытался увернуться от врага, но сова оказалась проворнее. Сделав крутой разворот, она вцепилась в бок обезумевшего от страха фазана и вместе с ним упала на землю. Вид нападающей совы привел поредевший табунчик в паническое бегство.

К концу дня отяжелевшая сова покинула место своей трапезы. Легкий ветерок разнес по полю яркие, в поперечных пестринах фазаньи перья.

Прошло несколько дней. Успокоившиеся фазаны снова выходили рано по утрам кормиться на соевое поле, затем улетали к обрывистому берегу протоки — здесь они разыскивали мелкие камешки и заглатывали их. И лишь перед самым вечером снова появлялись на соевом поле и с туго набитыми зобами летели на Мокрую падь. Пробежав небольшое расстояние от места посадки, забирались в густую поросль вейника и устраивались на ночлег, обтоптав снег около какой-либо высокой кочки. Здесь они были недоступны пернатым хищникам. Но, как говорится, лиха беда — начало. Слишком лакомым было мясо расписных красавцев.

Случилось так, что молодую фазанушку, сидевшую в траве, почуял пробежавший мимо колонок. Осторожно подкравшись к спящей птице, он вскочил ей на спину и быстро прокусил ее шейку острыми как шило зубами. Беспомощно

затрепетали крылышки фазанушки, забила она о мерзлую землю и вскоре затихла. Съев половину своей добычи, колонок утащил остатки курочки к протоке и хорошо спрятал их в большой куче хвороста. Теперь от некогда большого выводка у старой фазанухи осталась одна курочка. Долго летали они вдвоем на пашню, иногда встречаясь с Белым Ошейником. Зоркий петух неоднократно предупреждал их о приближении охотников и отводил от беды. Лишь ночью он был таким же беспомощным перед своими врагами, как и беззащитные самочки. Уже перед самой весной попала в зубы лисицы, разыскавшей ее по следу, последняя молодая курочка. Голодная лисица съела ее целиком, оставив на снегу несколько крупных перьев. Она добралась бы и до старой фазанушки, но та взлетела и, несмотря на темноту, сумела далеко улететь от опасного места. Долго и напрасно разыскивал фазанушку и ее детей Белый Ошейник.

Мартовская пурга покрыла соевое поле толстым слоем снега. Чтобы добраться до соевых стручков, Белый Ошейник прокладывал в снегу траншеи. Иногда он так глубоко зарывался в снег, что его ходы напоминали снежные норы, из которых он по временам выставлял на поверхность голову, чтобы осмотреться, не грозит ли ему какая-либо опасность. Глубокий снег и вызванная им бескормица заставили Белого Ошейника искать приют и спасение в деревне. Он слышал по утрам крик петухов и кудахтанье домашних кур, а однажды увидел, как несколько пестрых хохлаток разгуливали по огороду под охраной кирпично-красного петуха. Не раздумывая, Белый Ошейник взмыл в воздух и опустился между кур. Петух издал резкий предостерегающий крик, но к фазану отнесся благосклонно, не видя в нем соперника. Может быть, его примирил с незнакомцем низко опущенный и волочившийся по снегу хвост или же он принял фазана за курицу. Тем временем Белый Ошейник освоился в новом обществе и разгуливал с курицами по огороду до вечера. Вышедшая из избы хозяйка испугала фазана, и он улетел на ночлег в Мокрую падь. С тех пор Белый Ошейник все чаще и чаще прилетал к знакомой избе, а хохлатки охотно делились с ним своим кормом.

Однажды фазан прилетел раньше обыкновения. Куры еще не выходили в огород, хотя ворота сарая, где они жили вместе с коровой, стояли широко распахнутыми. Побродив по огороду, Белый Ошейник сперва взлетел на крышу сарая и погрелся в лучах скупого, но теплого зимнего солнца, за-

тем слетел во двор и смело направился в сарай к знакомым хохлаткам. Тут его и застал немало удивившийся хозяин, посетовав, что был без ружья. Фазан же с шумом поднялся в воздух и улетел в поле. А хозяин вернулся в избу, досадуя на себя. Жена не разделила огорчения мужа, заявив, что фазаны — это те же куры, только дикие, и их не стрелять, а приручать надо: корма меньше потребуется, курятников строить не надо.

Белый Ошейник стал привыкать к деревне. Его видели то на одном, то на другом огороде. Дошел слух о смелом фазане-петухе и до Рощева. Ходить на охоту теперь у него не было времени, но он все же решил подстрелить Белого Ошейника. Выйдя утречком на огороды, Рощев вскоре разыскал свежий фазаний след. Не подозревавший опасности Белый Ошейник увлекся поиском опавших семян подсолнуха и подпустил к себе охотника на расстояние выстрела. Но вместо того, чтобы убежать или взлететь, он вытянулся вдоль борозды и плотно прижался к земле, лишенной снега. Рощев, чувствуя близость фазана, шел осторожно. Вот и грядка подсолнухов. Дальше следы обрывались. Где же петух? Опытный охотник внимательно осмотрел всю грядку, но так и не обнаружил затаившейся птицы. «Наверное, фазан дальше ушел и я просто не вижу его следа», — подумал Рощев и шагнул на грядку. В тот же миг, громко кудахча и хлопая крыльями, в небо взмыл Белый Ошейник. От неожиданности Рощев растерялся. Когда же он наконец бросил к щеке ружье, то на прицельной планке вместо силуэта птицы увидел пламя восходящего солнца, навстречу которому летел кудахтающий петух. Прогремел неуверенный выстрел, и фазан упал комом в кустарниковую заросль. Обрадованный своей неожиданной «меткостью», Рощев бегом кинулся к месту падения птицы. Вот и вмятина на снегу и несколько перьев, но где же петух?

— Все равно не уйдешь! — проворчал Рощев, хотя фазан был уже далеко.

Дробинка пробила Белому Ошейнику самый кончик крыла. Лететь он не мог. Прижав оба крыла плотно к телу, фазан бежал вприпрыжку и делал при этом такие широкие шаги, что Рощев не поспевал за ним. Он уже не шел, а бежал за подранком. Иногда, задевая за кустарник, падал, поднимался и снова бежал. А Белый Ошейник уводил его все выше и выше на сопку, где рос непролазный орешник. Здесь находились его старые следы, в которых Рощев вскоре

и запутался. Смахнув со лба крупные капли пота, охотник махнул рукой на потерянного фазана и зашагал обратно в деревню.

А Белый Ошейник уходил все дальше и дальше, пока не достиг густых дубовых лесов, тянувшихся до самой Уссури. Из пробитого дробинкой крыла выступала кровь, падая редкими капельками на снег. Выйдя на солнёчную сторону крутой сопки, почти лишенной снега, Белый Ошейник остановился. Он очень устал, болело раненое крыло. Пригревшись на солнышке, он погрузился в чуткую дремоту и в таком состоянии провел остаток дня. Перед заходом солнца старый петух проглотил несколько желудей, валявшихся в изобилии на каменистой земле, и принялся искать место для ночлега. Вскоре он нашел нагнувшийся к земле куст леспедецы, оплетенный мышинным горошком. Забравшись под куст, Белый Ошейник распушил перья и спрятал голову под крыло, как это иногда делают домашние куры. Временное убежище было весьма удобно для ночлега и почти целиком скрывало птицу от постороннего глаза. Выдавал ее только длинный хвост, оставшийся наполовину снаружи куста.

Тишину морозной ночи нарушил легкий шелест шагов лисицы, давно уже кравшейся по следу раненого фазана. Вот и куст леспедецы. У голодной кумушки слегка даже вздрагивал хвост от напряжения. Бесшумно подошла она к кусту и замерла в нерешительности. Из-под куста темнел фазаний хвост. Голод мешал лисице хорошо разобраться в обстановке, и она сделала решительный прыжок. Стремительная хватка — и фазаний хвост хрустнул в сомкнутой пасти лисицы. Еще мгновение — и фазан очутился бы в ее зубах. Но Белый Ошейник хорошо знал своего предвечного врага, и когда лисица снова ринулась на него, он высоко подпрыгнул над кустами, и кумушка пронеслась мимо. Круто повернув на месте, она снова бросилась на Белого Ошейника, успевшего отбежать на несколько шагов, но и тут фазан ловко подпрыгнул и обманул лисицу. Но как ни ловок был Белый Ошейник, как высоко ни прыгал, минуты его жизни были сочтены, и, казалось, ничто не может спасти его от гибели. Но шум, который они подняли с лисой в орешнике, привлек двух волков, пробежавших неподалеку. Завидя лисицу, волки бросились на нее с разных сторон. Что было сил удирала от них кумушка. Металась из стороны в сторону, а все-таки угодила на волчьи зубы. Чудом уцелевший Белый Ошейник, потерявший почти весь чудесный хвост,

забрался под кучу срубленных кем-то дубовых веток и провел под ними остаток ночи.

До самой весны жил Белый Ошейник в зарослях дубняков, питаясь желудями и семенами трав. А когда в долинах исчез снег, вернулся в Мокрую падь. По утрам, услышав крик деревенских петухов, он откликался и в возбуждении хлопал крыльями. Вскоре он разыскал старую фазанушку, и они вместе собирали в речном обрыве камешки и летали на пашню.

Однажды Белый Ошейник один прилетел на соевое поле и увидел на обочине незнакомую белую кучу. Это было химическое удобрение. Приняв твердые мелкие комочки его за кремневые камешки, фазан проглотил несколько штук, а затем возвратился к фазанушке. Вялый и нахохлившийся, сидел он долго возле нее, затем заснул, а когда наступил вечер, Белого Ошейника не стало.

Прошло несколько месяцев. По дороге из Капитоновки, пролежавшей через соевое поле, как-то на стан шел Роцев. Утомившись, он присел отдохнуть. Вдруг недалеко от него вышла из борозды фазанушка. Осмотревшись, она быстро перебежала пыльную дорогу, а за ней пестрыми комочками катились шустрые фазанята. Их было много. Роцев молча глядел им вслед, и добрая улыбка озаряла его загорелое лицо.

КИРИНАС

В обширной долине Амгуни, в сухом редком сосновом лесу жили горностаи. Киринас принадлежал к племени этих подвижных кровожадных зверьков, проявляющих большую отвагу на охоте. Летом он ходил в двухцветном наряде: спинка его была буровато-коричневой, а брюхо — чисто-белым. Зимой же щеголял в снежно-белой шубке. И хотя волос на ней был коротким, но его густота и пышность вполне спасали зверька от крепких морозов. Конечная половина хвоста Киринаса всегда имела черный цвет. Словом, его зим-

ний наряд был столь прекрасен, что некогда даже цари, избалованные разноцветными мехами, предпочитали горностаевый мех и шили из него длинные парадные мантии.

Убежищем Кириласу служила нора бурундука, которого он убил и съел. Бурундучья норка для Кириласа оказалась тесной, и он ее расширил. Зато камера-кладовая, куда бурундук собирался сложить запасы орехов на зиму, была достаточно просторной для устройства в ней спальни.

В летнюю пору Кирилас не испытывал недостатка в пище. Кроме любимых полевок, без труда можно было добыть бурундука или какую-нибудь птичку, а то и сбегать к протоке и наловить на мелководье гальянов. Любил Кирилас кузнечиков и крупных ночных бабочек, но особенно был охоч до рябчиков и молодых глухарей, да не всегда попадались ему эти вкусные птицы. Нелегко найти птицу в запорошенном лесу. Зима на Амгуни морозная, снежная. Тишина дремлющего сосняка изредка нарушается хлопаньем глухариных крыльев. Эти крупные лесные птицы громоздятся по утрам на соснах и объедают почки и длинную сосновую хвою — свой излюбленный корм. На ночь они спускаются на землю и закапываются в глубоком рыхлом снегу — так теплее и безопаснее.

Мелкими прыжками передвигается Кирилас по ночному лесу, приюхиваясь к снегу, оставляя за собой строчку парных следков. Он тщательно обследовал заросли кустарников и опушку старой гари, но нигде ему не посчастливилось добыть полевку. Вторую ночь он довольствуется несколькими ягодами брусники. Близится рассвет. Кирилас повернул уже в сторону своей норки, когда его острое обоняние уловило слабый запах глухаря, исходивший будто из-под земли. Энергично поводя в разные стороны черной мочкой носа, Кирилас начал осторожно приближаться к источнику запаха. Вот он совсем близко. Еще несколько шажков — и Кирилас оцепенел: соблазнительный запах исходил из-под снега, на котором он сам стоял. Осторожно раздвигая лапками снег, Кирилас погрузился в его толщу, словно нырнул в воду. Прошло несколько мгновений...

И вдруг из-под снега вырвалась черная птица. Широко распахнув крылья, она судорожно забила ими по земле, поднимая сноп снежной пыли, затем бросилась бежать, естественно вытянув шею. На ее спине лежал Кирилас. Мертвой хваткой вцепился он острыми как шило зубами в основание шеи глухаря. Цепкие коготки его лап помогали

удерживаться на скользком оперении. После неудачной попытки мгновенно сбросить с себя страшного «наездника» глухарь энергично взмахнул крыльями и вместе с Кириной поднялся в воздух. Полет испуганной насмерть птицы был неровен, тяжел, но стремителен. Натыкаясь на ветки, глухарь неся в густую заросль деревьев, как бы понимая, что в чаще можно сбить с себя вцепившегося горноста, но и это не помогло. Даже на лету Киринас все глубже вгрызался в глухариную шею. Обезумевший от боли петух поднялся над макушками деревьев, но и высота не испугала Киринаса. Прижавшись еще плотнее к своей жертве, он сильнее сомкнул челюсти, перегрызая сухожилия. Изнемогший в этом тяжелом полете глухарь стал снижаться до высоты кустарников и наконец, потеряв силы, ткнулся с разлета в высокую кочку. Перевернувшись на спину, он продолжал беспорядочно махать крыльями, пока смерть не прекратила его страданий.

Перегрызая шейные позвонки глухаря, Киринас вылез из-под птицы, которая в несколько раз превышала его своими размерами, и после короткой передышки принялся за поздний ужин. Хотя он был очень голоден, ему хватило и четверти добычи, чтобы насытиться до предела. Теперь предстояло подумать, куда запрятать остатки добычи. В лесу всегда найдутся желающие поживиться за чужой счет. Хорошо бы устроить кладовую поблизости от жилья!

Утащить далеко столь тяжелую птицу Киринас не мог. Напрягаясь из последних сил, он подволок глухаря к лежащей невдалеке валежине, положил его рядом и притрусил снегом. Лишь после этой процедуры направился к своей укромной норе.

Взошло солнышко. Днем невдалеке проходил охотник. Заметив лежащие на снегу черные глухаринные перья, он подошел к месту гибели птицы и долго всматривался в следы на снегу, прежде чем понял, что здесь произошло. Вытащив из-под снега почти целого глухаря, охотник отрезал у него голову и крыло и подвесил их на ветке кустарника. Затем достал из рюкзака маленький однопружинный капкан, привязал к нему срезанную березовую палку и поставил его как раз под висевшей на кусте головой глухаря. А чтобы капкан не был виден, притрусил его мелкими глухаринными перьями. Прихватив с собой тушку птицы, охотник ушел в свою избушку на берегу Амгуни.

На следующую ночь проголодавшийся Киринас с нетерпением прыгал к своей добыче. Его ничуть не смутила лыжня охотника, но, не найдя на месте припрятанного им глухаря, он начал кружить по поляне, пока не почувал висевшую на кусте глухариную голову. Киринас умел лазать по деревьям и не боялся высоты, но куст был тонким, и даже проворному зверьку трудно было взобраться на него. Тем не менее горноста́й почти дотянулся до приманки, как вдруг, поскользнувшись, сорвался с куста и угодил задней лапой в капкан. Напрасно грыз он в бессильной злобе стальные дужки капкана, дергал изо всех сил лапу — выбраться из ловушки не удавалось. Тогда он попытался утащить с собой капкан. На это сил у него хватило бы, да мешала березовая ветвь, то и дело застревавшая между кустами и травой. Выбившись из сил, Киринас забрался под снег и затих.

Утром сюда вернулся охотник. Найдя срезанную им березовую ветку, он вытащил из-под снега верещавшего Киринаса и легким ударом лыжной палки лишил его жизни. В избушке охотник снял со зверька белоснежную шкурку, натянул ее на правилку и повесил сушить.

Прошел год, прежде чем шкурка Киринаса попала на ленинградский пушной аукцион. Она находилась в связке горностаев, закупленных французской фирмой по изготовлению женской меховой одежды.

ЛАСКА МОРЕПЛАВАТЕЛЬ

Это была обыкновенная ласка — самый маленький представитель многообразного семейства куниц. Она жила вдали от моря и никогда его не видела. Летняя ее шубка имела светло-коричневый тон, хорошо сливавшийся с цветом сухого папоротника. Зимой ласка белела до самого кончика хвоста, и рассмотреть ее на заснеженной полянке становилось невозможно. Ласка очень любила лесных мышей, они и были основной ее пищей. Маленькое, чрезмерно тоненькое тельце ласки позволяло ей свободно проникать в мышинные

норки и успешно охотиться под землей. Жилищем ей служило глубокое дупло в стволе огромного сухого тополя, лежавшего на берегу таежной реки. Охотиться эта кроха предпочитала в ночное время. Ее жертвами становились не только мыши, но и засыпавшие на земле или на низком кустарнике мелкие певчие птички.

Сухая весна сменилась сырым летом. Трое суток в горах не прекращался ливень. Мутные потоки воды низвергались с сопков, заливали долину. Подошла вода и к тополю, в котором жила ласка. Застигнутая внезапным наводнением, она не успела покинуть своего убежища и дожидалась конца половодья. А вода все прибывала и прибывала. Река очищала берега от заломов. Быстро неслись по течению валежины, кружились белые шапки пены. Дошла очередь и до поваленного тополя. Когда глубина воды достигла двух метров, он всплыл и, цепляясь сучьями за гнущуюся ивовую лозу, медленно вышел на речной простор. Быстрое течение подхватило сухое дерево и понесло его к морю.

Ночью ласка выбралась из своего гнезда, но до суши теперь было слишком далеко. Кругом плескалась вода, моросил дождь. Тщательно обследовав плывущее дерево и убедившись, что покинуть его без риска утонуть невозможно, ласка смирилась со своим положением. И все же она не теряла надежды при первом подходящем случае оставить этот необычный «корабль», пленницей которого сделалась поневоле.

Иногда на крутых поворотах реки вода подносила тополь близко к заломам, и его ветки упирались в груды сухих стволов. По ним ласка могла бы перебежать на залом, а затем и на берег. Но под напором воды ветки ломались с оглушительным треском, тополь разворачивался и снова выплывал на стрежень реки. Неперестававший дождь мочил шубку ласки, и ей приходилось спускаться в сухое дупло. Здесь плавно покачивало, но спать она не могла.

Утром рано ласка выбралась наружу. По небу неслись низкие дымчатые облака. С глухим невнятным рокотом стремительно мчалась река. Затопив прибрежный лес, она хозяйничала по всей долине. Убирая валежник в одном месте, река громоздила его в беспорядочные кучи в другом, подмывая обрывистый склон сопки, валила деревья, размывала песчаные острова, чтобы создать затем новые.

Много застигнутых врасплох четвероногих погибло в воде. Иные спасались на незатопленных еще деревьях и ку-

стах. Хищные птицы и вороны, пользуясь бедственным положением мелких зверюшек, успешно охотились над роко-чущей долиной. Парящий в небе коршун заметил плывущую на дереве ласку. Сделав круг над тополем, он ринулся на свою жертву. Когтистые лапы уже готовы были пронзить маленькое тельце, но ласка юркнула в дупло, и промахнувшийся хищник взмыл в небо.

Несколько дней плыла ласка рекой. Тополь то садился на мель, то цеплялся за тальник. Голод давал о себе знать, но где добыть пищу? Ласка съела всех жуков и муравьев, обитавших на тополе. Она была рада даже случайно залетавшим на плывущее дерево поденкам, хотя эта скудная пища не насыщала. Если бы тополь плыл поближе к берегу, можно было бы попытаться достичь его вплавь. Но дерево не подносило к берегу, а река становилась все шире.

Однажды, когда ласка лежала в дупле и мечтала о лесных мышах, тополь вздрогнул. Соленая вода покрыла его сухую поверхность, попала в дупло и намочила ласку. Испугавшийся зверек подумал, что дерево начало тонуть, и проворно выскочил наружу. Пронзительный ветер чуть было не сбросил ласку в воду. Исчезли маячившие вдали деревья. Вокруг простиралась необозримая водная гладь — течение вынесло тополь в море. Подхваченный ветром, он стал удаляться от берега. Не слышно стало шума прибоя. Ласке угрожала голодная смерть, да и вода была соленой до отвращения.

Прошло еще несколько дней. После короткого сна ласка вылезла из дупла. Голод гнал ее на поиск пищи. Ветер стих. Зеркальная поверхность моря отражала крупные звезды. На стволе тополя сидело несколько куликов-веретенников. Спрятав под крылышки головы, перелетные птицы спали крепко. Дрожая всем телом от нетерпения, медленно подкралась ласка к спящим куликам. Прыжок — и одна из птиц затрепетала крылышками в предсмертной агонии. Проснувшиеся кулики с жалобным криком улетели в темноту ночи. Затащив добычу в дупло, охотница с жадностью принялась за еду. Веретенник оказался столь крупным, что съесть его полностью ласка смогла лишь на третий день. К ней вернулась прежняя энергия, возросло желание поскорее выбраться из ненавистного плена, но как только она погружалась в морскую воду, чтобы плыть к неизвестному берегу, пыл ее мгновенно угасал, и, круто развернувшись в воде, она стремглав карабкалась на тополь.

Большую часть дня она проводила в дупле. Ее пугали крупные чайки и бакланы, иногда опускавшиеся на ствол тополя, чтобы отдохнуть и просушить свои перья. Как-то ее чуть не схватил большой поморник, пролетавший низко над водой.

Тихая погода сменилась ненастьем. Подул сильный ветер. Свинцовые тучи закрыли небо. Приближался шторм. Волны захлестывали тополь. Появляться наружу было опасно: могло смыть ударом волны. Тем временем волны так сильно набегали на тополь, что вода проникла в дупло и стала его наполнять. Предчувствуя гибель, ласка решила покинуть свое убежище, но стоило ей только выглянуть наружу, как она чуть не захлебнулась. Пришлось снова прятаться в дупло. Мокрая, дрожащая от холода, забилась ласка в верхний угол своей норы. Теперь, казалось, уже ничто не могло ее спасти. Она слышала, как монотонно завывал ветер, как с шипением проносились потоки воды по дереву, заливая ее убежище. Дупло настолько наполнилось водой, что во время ударов волны по дереву зверек погружался в нее с головой. С тупым безразличием погибающего животного ласка уже не реагировала ни на усилившуюся качку, ни на оглушительный грохот прибоя, ни на последовавший затем резкий толчок перевернувшегося тополя. Еще несколько толчков — и тополь застыл на месте. Вода вылилась из дупла, а за ней выбралась на поверхность полуживая «пассажира».

Выброшенный штормовой волной на берег тополь лежал на крупной гальке, с него стекала вода. Рядом с грохотом дробились волны, а здесь, на берегу, было спокойно, пахло водорослями, солью и сухой рыбой. Ласка спрыгнула с тополя, и как только коснулась земли, силы снова вернулись к ней. Мелкими прыжками она достигла зарослей кедрового стланика, забралась в гущу его обнаженных корней и принялась сушить свою мокрую шубку, выжимая из нее воду лапками и языком. Кончилось ее необычное морское путешествие.

Настало утро. Выспавшаяся и обсохшая ласка прыгала в зарослях кедрового стланика в поисках пищи. Вскоре ей посчастливилось поймать полевку. Как ни голодна была ласка, но съесть целиком этого маленького зверька она не смогла. Отдохнув в теплом, с мягкой подстилкой гнезде полевки, «охотница» тронулась в дальнейший путь. Ей не терпелось поскорее познакомиться с новым местом житель-

ства. Вскоре кончились густые заросли кедрового стланика. Ласка выбежала на просторную поляну. В конце ее стояли две избушки метеорологов. Дальше высилась куча дров: на долгую зиму их требовалось немало. В этом складе сухих деревьев даровых «квартир» было хоть отбавляй. Жилище людей всегда привлекало к себе лесных мышей. Все это оценила ласка и поселилась в лабиринте дровяника. Она бодрствовала большей частью в ту пору, когда люди отдыхали, и поэтому долго была «невидимкой». Лишь однажды ранним вечером, выйдя на промысел и бегая по поленнице, она попала на глаза радисту. Любуясь проворным зверьком, человек воскликнул:

— Ребята, а у нас ласка поселилась!

С тех пор и живет ласка на далекой метеостанции, и никто не знает, как появился этот зверек на гористом острове.

СТРАНСТВИЯ БЕЛКИ ЧЕРНОХВОСТКИ

В гуще ветвей старой ели едва виднелось большое гнездо. Снизу оно напоминало обычное гнездо сороки, но если посмотреть сверху, то скорее всего это был шар, искусно сделанный из мелких сухих веточек, переложенных мхом и лишайником, и выстланный изнутри мочалом, изюбриной и кабаньей шерстью, перьями птиц. Кропотливо собирала белка Чернохвостка по лесу этот редкий материал, но мочало приготовила сама, рассучив зубами кору на сухой липовой ветке. С наступлением темноты белка проникала внутрь гнезда через единственный лаз, находившийся сбоку, и затыкала его мхом. В сильные морозы и пургу по несколько дней не появлялась Чернохвостка наружу, отлеживаясь в своем теплом убежище.

Тяжела суровая зима для белки. На ветвях лежит кучта, мешающая свободно прыгать с дерева на дерево, на земле глубокий рыхлый снег, по которому ходить не легче. Готовясь к длинной зиме, Чернохвостка прятала в дупла орехи и желуди, развешивала по сучкам грибы, вставляла

в развилки веток шишки. Но о многих своих запасах она впоследствии забывала. Природа наделила белку очень тонким обонянием: даже через полутораметровую толщину снежного покрова она улавливала запах лежавшего на земле ореха и добиралась до него. В начале зимы прыгунья выходила на кормежку рано утром и перед вечером, когда же день стал совсем коротким, перерыв на отдых было делать некогда.

Прошли январь и февраль — самые трудные месяцы для четвероногих. Мартовское солнце наполнило лес светом, удлинились дни, засушались на деревьях белки. Чернохвостка в компании живших по соседству приятельниц носилась по деревьям с цоканьем и урчанием. Своими шумными играми они не раз привлекали внимание ястреба-тетеревятника. Однажды пернатый разбойник, неслышно подлетевший к зазевавшимся шалуньям, схватил одну из них когтистыми лапами и унес в гущу леса. В страхе разбежались остальные, притаились на древесных ветвях, но ястреб больше не появлялся.

Дни становились теплее. Журчание ручьев сливалось с пением птиц. Набухали и зеленели почки, появились свежие ярко-зеленые иголки на лиственницах. Теперь Чернохвостка могла утолить голод зеленым кормом, напиток сладковатого сока березы, стекавшего тонкой струйкой по надгрызенной ею сверху коре.

Как-то, прыгая по деревьям, она наткнулась на птичье гнездо. В нем лежали пестрые яички. Прокусив скорлупу, Чернохвостка выпила их содержимое, а часть подстилки птичьего гнезда унесла в свое гайно. Земля, освобожденная от снега, привлекла к себе Чернохвостку — разыскивать здесь корм стало легче, чем на деревьях. В середине весны у Чернохвостки появилось шесть голеньких безобразных детенышей. Росли они быстро. С наступлением лета бельчата покинули родное гнездо. Осторожно пробовали они молодые листья и нежные побеги деревьев. Иногда им удавалось ловить на коре ночных бабочек. Спустившись на землю, они разыскивали вместе с матерью прошлогодние орехи, семена липы и грибы. Первые прогулки по земле не обходились без жертв: один бельчонок был схвачен диким лесным котом, другого подстерегла рысь. Еще не успели бельчата набраться опыта в распознавании коварств своих врагов, а Чернохвостка снова готовилась стать матерью. В середине лета у нее появилось уже десять бельчат. Бедная Чернохвостка едва

поспевала насыщать прожорливых малышей молоком. Благо появились желуди, орехи, был грибной год.

Быстро растущие бельчата не помещались в гнезде. Чернохвостка переселилась в обширное дупло старой листовницы. За ней последовали три бельчонка, а остальные продолжали жить в гнезде. Однажды ночью, когда спавшие в гайне бельчата не ожидали беды, по стволу дерева поднялся соболь. Вырвав зубами и сбросив на землю моховую пробку, он проник внутрь. Во время возни гайно упало на землю вместе с соболем и бельчатами. Воспользовавшись замешательством убийцы, уцелевшие бельчата расползлись по сторонам и попрятались в корнях деревьев. Съев трех малышей, соболь насытился и не стал разыскивать остальных. На следующий день оставшиеся в живых бельчата перебрались в дупло к матери.

Обычно все обитатели леса стремятся первыми увидеть незнакомое животное. Заметив любое подозрительное движение, Чернохвостка заскакивала на дерево и, пристально рассматривая движущийся предмет, энергично помахивала опущенным хвостом, сердито постукивая лапками о ветку и издавая цокающие звуки. Ни один ее враг при этом не мог оставаться равнодушным, он устремлялся к белке, но застигнуть врасплох ее никому не удавалось.

Как-то ранним туманным утром Чернохвостка спешила к старому кедру, на вершине которого виднелись зрелые шишки. Она то перепрыгивала с ветки на ветку, то спускалась на землю и неслась вскачь по валежнику. Вдруг впереди между деревьями шевельнулось большое темное пятно. Чернохвостка остановилась. Приподнявшись на задние лапки, она долго всматривалась в существо, отдаленно напоминавшее медведя. И если бы запахло этим зверем, Чернохвостка пробежала бы стороной — медведи не обижают белок, но это был запах, наводивший трепет на всех обитателей леса, — запах человека. Подобно птице взлетела Чернохвостка по гладкой коре пихты и, вытянувшись вдоль сучка, замерла. Но разве можно было спрятаться от охотника!

Удар маленькой пульки о сук был столь сильным, что Чернохвостку подбросило кверху. С сердитым цоканьем поспешила она укрыться в густом сплетении лапника, но стоило ей притихнуть, как снова послышались слабые звуки выстрелов. Пришлось снова менять место укрытия. Чернохвостка забралась на самую макушку пихты, но и тут ее

не оставили в покое. После восьмого выстрела Чернохвостка кинулась искать спасения в густом кедряке, росшем недалеко на крутом склоне сопки. Пролетев по нисходящей прямой пятнадцать метров, она опустилась на ветвь низенькой елочки, резко качнувшуюся под тяжестью ее тела, затем соскочила на землю и, делая метровые прыжки, мгновенно взобралась на ближайший кедр и спряталась в развилке его толстых сучьев. Водворившаяся было тишина в лесу опять была прервана выстрелами охотника. Пульки звонко шлепались о кедровый ствол, но толстое дерево не вздрагивало от их ударов. Напугать белку таким образом было невозможно. Походив вокруг да около, израсходовав немало патронов, охотник скрылся. Прошел не один час, прежде чем Чернохвостка вернулась в свое дупло.

...Какие щедрые дары уготовила грызунам осень! На земле валялись коричневые блестящие желуди и колючие орехи маньчжурской лещины, на вершинах кедров красовались крупные смолистые шишки. Казалось, это изобилие будет длиться вечно. Но белки не верили в сытое благополучие длинной зимы. Они без устали таскали и прятали в укромных, доступных только им одним, местах запасы. В этом занятии с ними спорили кедровки, сойки, синицы и поползни. Да и как было тут не стараться, когда на хлебников в лесу хоть отбавляй! Немало беличьих кормов было съедено медведями и кабанами, изюбрами и косулями. Особенно же много растащили их и спрятали в подземные норы бурундуки, мыши и полевки. Когда снега покрыли землю и наступили короткие мгlistые дни, белки начали голодать. Весь их дневной рацион состоял теперь из безвкусных древесных грибов. Много их погибло от пуль охотников, в зубах и когтях хищников, еще больше не проснулось от голода в гнездах, но когда в лес вернулась весна, Чернохвостка по-прежнему резвилась в компании таких же шустрых цокотух, как и сама. Неистребима сила жизни в природе!

И опять у Чернохвостки родилось много детенышей — даже больше, чем в прошлом году. Казалось, для беличьего племени настала беззаботная жизнь. Но сердце Чернохвостки предчувствовало беду более страшную для ее потомства, нежели все вместе взятые хищники и охотники. В лесу не было ни шишек, ни желудей, не уродились орехи, семена липы и клена, даже грибов и ягод стало меньше. Задолго до прихода осени заволновалось беличье племя. И вот, словно сговорившись, тысячи белок двинулись на запад, на по-

иски богатых кормами мест. На сотни километров простирался фронт движения длиннохвостых зверьков. Они переходили луга, широкие дороги, бежали по пашням... Их видели в поселках и деревнях, а они все шли и шли.

Среди кочевого полчища находилась и наша Чернохвостка. От бесчисленных прыжков по шершавым веткам волос на ее цепких лапках стерся. В животе было пусто. Несколько раз белке удалось поживиться семенами подсолнечника, когда она пробегала по огородам, но от этого голод донимал ее еще сильнее. Однажды, преодолевая открытое пространство, Чернохвостка была замечена воронами. Удары их крепких клювов и крыльев были столь сильными, что бедная странница чуть не потеряла сознание. На ее счастье, недалеко оказался оставленный трактористами балаган. Забежав в него, Чернохвостка избавилась от верной гибели, и стоило воронам улететь, как она пустилась догонять своих товарок.

На следующий день путь белкам преградила река. Она была столь широка, что Чернохвостка, как ни всматривалась вдаль, не могла рассмотреть противоположного берега, поросшего густыми ивовыми купами. Чернохвостка не любила воды, но видя, как смело вошли в реку ее спутницы, она последовала за ними, высоко подняв хвост. Легкое течение подхватило белок и понесло вниз, но зверьки энергично работали своими лапками и плыли довольно быстро. На середине реки подул попутный ветерок, он клонил к воде пушистые хвосты белок, но те изо всех сил держали их вертикально, словно узкие черные паруса, и еще быстрее скользили по воде.

Долго плыли белки, ведь они не знали, что ширина реки в этом месте достигала трех километров. Наконец показался желанный берег. С прилипшей к телу мокрой шерсткой, но сухими хвостами, дрожа от холода, медленно вылезали зверьки из воды и тут же стремились укрыться в сухих тальниковых зарослях, благо ярко светило солнце и кругом не было ни души. Быстро сохнет на теплом ветерке беличья шубка. Расчесав своими острыми коготками волос, Чернохвостка огляделась. Вокруг простирались кочковатые луга с невыкошенными травами, перемежавшимися непролазными тальниковыми зарослями. Замечательное укрытие от врагов, но нет любимой пищи. Пришлось довольствоваться побегами трав да мелкими ильмовиками, росшими на засохших тальниках.

На следующий день переплывшие Амур белки собрались в стайку и направились к синеющим на горизонте сопкам. Тальниковые заросли сменились болотистой равниной, поросшей кустарниковой березкой и корявой лиственницей. Здесь росло много голубики, которой белки и полакомились. Затем лиственнички уступили место дубнякам. С какой жадностью набросились изголодавшиеся путешественницы на молодые желуди! Но и эти леса были не по душе белкам, и прошло еще несколько дней, прежде чем они достигли смешанных лесов, очень похожих на те, которые они недавно покинули. Но, в отличие от родных кочевий, здесь повсюду виднелись шишки, гроздьями свешивались крупные, в толстой зеленой кожуре орехи. Многие белки, подыскав сухие дупла, избрали этот лес для жизни, а Чернохвостка все шла на запад с заметно поредевшей стайкой. Перебегая около пасеки, белки обратили на себя внимание людей. Старый пасечник, провожая взглядом пепельно-серых зверушек, скачущих по ветвям, проронил: «Ходовая белка идет — быть нынче хорошей охоте!»

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧЕРНОГО СОБОЛЯ

Сурова природа бурейских гор. Поздно приходит сюда весна. В мае, когда распускаются молодые листья берез и лиственницы покрываются нежно-зелеными хвоинками, по ночам случаются столь сильные заморозки, что вода в лужах покрывается толстым льдом. Глубокие снеговые сугробы в северных ключах лежат до июля, а в конце сентября на вершинах гор уже выпадает первый снег.

Короткое бурейское лето было в разгаре: дни стояли жаркие, багульник источал дурманящий запах, растворяв-

шийся в ночной прохладе. Жучок проснулся в своей холостяцкой норе поздно. В эту беспокойную пору брачных игр обычный ритм его суточной жизни нарушился. Много избегал он ключей и косогоров, прежде чем на одной из каменистых россыпей ему посчастливилось встретиться с очаровательной соболушкой. Короткая темно-бурая шерстка на ней отливала шелковистым блеском, подчеркивая светлый нежный тон головки. Грудь украшало ярко-оранжевое пятно. Жучок полюбил незнакомку с первого взгляда, он готов был следовать за ней до подоблачных гольцов, если бы не светло-бурый соболь. Всего лишь несколько мгновений рассматривали друг друга соперники. Первым кинулся в драку Светлый. Выскочив из норы, Жучок птицей взлетел на вершину лиственницы, Светлый последовал за ним.

Усевшись поудобнее в развилке сучьев, Жучок перешел к активной обороне и чуть было не столкнул своего соперника на землю. Между соболями завязалась отчаянная борьба. Взъерошенные, с оскаленными мелкими, но острыми как шило зубами, они смело набрасывались друг на друга, оглашая лес сердитым урчанием. Успех попеременно переходил от одного к другому. Наконец Жучку удалось опрокинуть противника на спину и схватить его за горло. Хрипя от удушья, Светлый напряг последние силы и вырвался из острых зубов Жучка. Только стремительное бегство могло спасти теперь его жизнь, и он прытко понесся вскачь по валежинам, по ветвям, перепрыгивая с дерева на дерево как белка. Долго преследовал Жучок Светлого, пока отогнал его подальше от своего охотничьего района, но и сам утомился изрядно.

Отдохнув под вывороченной ветром елью, Жучок направился разыскивать соболушку. Не найдя ее в каменистых россыпях, он по следу пришел к глубокой сухой норе соболушки, вход в которую был скрыт под корнями старой каменной березы. При виде победителя соболушка не проявила ни малейшей радости, но и не стала его прогонять. На рассвете они вместе направились на вершину сопки, где под навесами каменных плит водились сеноставки — любимая пища соболей.

Внешне сеноставки были очень похожи на крупных мышей с короткими хвостами. Это были трудолюбивые, общительные зверьки. Срезая зубами стебли трав, они заботливо высушивали их на солнце, а затем складывали в небольшие копейки под выступами скал, чтобы заготовленное

на зиму сено не намокало под дождем. Сеноставки очень любопытны. Услышав шорох, они выскакивают из норок, садятся «столбиком» на какой-либо возвышенности и издают резкий свист, как бы помогая соболу скорее обнаружить себя.

Жучок хорошо знал повадки этих безобидных существ и всегда успешно охотился за ними, терпеливо подкарауливая у нор, точь-в-точь как это делают кошки. Поймав и съев двух сеноставок, парочка выбежала на поляну, где росла голубика. Сочные сладкие ягоды оказались очень кстати, как десерт на завтрак. Утолив голод, соболи укрылись в прохладных лабиринтах каменистых россыпей и долго не показывались наружу.

Целый месяц продолжались любовные игры соболей. Немало нападений соперников пришлось отбить Жучку, и всегда он оставался победителем. Он очень привязался к своей подруге за это время, но соболюшка однажды попросту выставила его. Просидев под дождем у входа в нору целую ночь, Жучок поутру направился к своему холостяцкому жилью. Несколько раз возвращался потом он к заветной каменной россыпи, но соболюшка упорно уклонялась от встречи.

Окончилось короткое северное лето. Пожелтели листья деревьев. Безбрежный желтый океан расстилался до самого горизонта. Налетавшие порывы ветра оголяли деревья. Под лучами яркого солнца золотистыми искорками вспыхивали падающие хвоинки лиственниц. В эту короткую пору изобилия пищи в природе все обитатели леса стремились поскорее набрать жира, который так необходим зверям голодной зимой.

Коротая день преимущественно в норе, Жучок предпочитал охотиться на вечерней и утренней зорях, но если охота шла не успешно, его можно было видеть бодрствующим днем, а порой и ночью.

В конце сентября посеребрились от снега куполообразные вершины безлесных буреинских хребтов, но прошел целый месяц, прежде чем первая пороша выбелила лес, в котором жил Жучок.

В тот день Жучок вышел из норы поздно. Понюхав снег, он осторожно ступил на тропу и побежал в сухую марь, где в изобилии водились полевки — жирные короткохвостые лесные мыши, служившие соболям основной пищей. На фоне снега пушистая шубка Жучка казалась смолисто-чер-

ной. Редкие белые волоски на шубке напоминали мелкие искрящиеся снежинки, слегка припорошившие шелковистую шкурку. Небольшая головка с аккуратными ушами, покрытая светло-бурой короткой шерсткой, была украшена круглыми блестящими глазками, смотревшими на мир удивленно и настороженно. Эти глаза да черная потешная мочка небольшого носа делали Жучка чем-то похожим на игрушечного плюшевого медвежонка.

Выйдя на марь, Жучок разыскал жилую норку полевки и, спрятавшись за кочку, стал терпеливо ожидать, когда выйдет наружу хозяйка. Его терпение было вознаграждено вкусным завтраком, и только капелька крови на снегу говорила об удачной охоте. Для полного утоления голода ему следовало бы съесть еще штук пять таких полевок, но в этом году они встречались редко, поэтому Жучку часто приходилось довольствоваться растительной пищей, хотя он был типичным хищником.

На крутом косогоре среди расщелин скал рос кедровый стланик. На зиму ветви хвойного кустарника пригибались к земле. Приваленный сверху снегом, он становился непроходимым для крупных зверей, но для мелких, особенно для полевок, бурундуков, сеноставок, служил прекрасным убежищем. Здесь было где спрятаться не только от наземных, но и от воздушных врагов. Больше всего грызунов привлекали в эти места шишки стланика, наполненные маслянистыми, с тонкой скорлупой орешками. Очень любили их и медведи.

Вот к этим непроходимым зарослям и направился Жучок. Здесь можно было при случае схватить зазевавшуюся сеноставку или полевку, полакомиться орешками. До позднего вечера неслышно сновал он между кустами, то забираясь на пологие ветви, чтобы откусить шишку, то спускаясь на землю, чтобы разгрызть ее. Казалось, под густым сплетением ветвей стланика собою не грозит никакая опасность. Но с вершины старой ели за ним уже давно наблюдал большой ушастый филин, также охотившийся здесь за грызунами.

Насытившись орехами, Жучок вылез из-под мохнатого стелющегося куста и хотел было направиться восвояси, как вдруг острые когти больно сжали маленькое тельце, могучие крылья подняли его в воздух. Беспомощно извиваясь, Жучок огласил лес дребезжащим криком. Казалось, минуты его жизни сочтены. Медленно летел филин, выбирая удобное место для ужина.

Обычно он поедал жертву в высокоствольном лесу, но теперь, не имея сил долететь туда, решил расправиться с Жучком на выступе острой скалы. Удерживая добычу одной лапой, филин попытался другой покрепче ухватиться за карниз скалы, да, видно, неудачно схватил пучеглазый свою жертву. Не успел он проделать этот нехитрый трюк, как проворный соболь извернулся змеей и впился филину в шею. Беспорядочно махая крыльями, тот понес Жучка дальше, а соболь все глубже вгрызался в шею врага. Из раны брызнула кровь, обливая грудь птицы и пачкая Жучка. Теряя силы, филин начал спускаться. Он летел уже над самой землей, задевая крыльями кустарник, и, наконец, ткнулся в мерзлую кочку.

Одержав столь необычную победу, Жучок прежде всего отделил голову птицы от тела, а затем, укрывшись под корнями дряхлой осины, стал зализывать полученные раны.

На следующий день он разыскал окоченевшего филина и с аппетитом съел чуть ли не половину птицы. Несколько дней ходил Жучок к филину, пока от грозного врага не осталась куча мягких серых перьев, да и они исчезли под толстым слоем выпавшего снега.

Шли дни. Все труднее и труднее было Жучку добывать себе пищу. Глубокий снег затруднял движения, полевки не показывались наружу. Жучок все чаще отправлялся на старую гарь, поросшую брусничником, и выкапывал из-под снега темно-рубиновую ягоду.

Брусничник рос по лиственничной гари. Редкие сухие деревья, с которых давно облетела кора, еще держались за землю обуглившимися корнями. В таком лесу было очень светло, поэтому Жучок приходил сюда по ночам. Широкие, густо опущенные его лапки даже в рыхлом снегу проваливались неглубоко и позволяли ему далеко ходить по лесу. Сказочно красива зимняя ночь в светлохвойной тайге! Пятидесятиградусный мороз развесил по ветвям деревьев и кустов алмазные ожерелья, вспыхивающие зелеными искорками при ярком сиянии луны. Прозрачный плотный воздух наполнен мягким голубоватым мерцанием. В черно-синем бездонном небе шепчутся крупные звезды. Тишина... Вдруг прогрохотал выстрел — это лопнуло от мороза дерево.

Брусничник привлекал к себе не только соболей. Рябчики, дикуши и крупные, тяжелые на лету глухари часто посещали его. Кормились они только днем, а ночами спали на земле, зарывшись в снег. Очень любил Жучок мясо этих

лесных курочек, да не так-то легко разыскать лакомую добычу.

К лунке, где спал рябчик, не было следа. Птица «падала» в снег прямо с дерева и тут же зарывалась в него. Только наткнувшись в упор на лунку, можно было обнаружить под снегом соню.

В середине зимы на глухом лесном ключе, где жил Жучок, появились охотники. Разбив палатку и установив в ней жестяную печь, они пустили своих ездовых оленей пастись на ягельнике, а сами занялись расстановкой капканов. К каким только ухищрениям не прибегали промысловики, чтобы обмануть соболя! Они то подвешивали на куст кусочек аппетитного рябчика, а под ним клали капкан и прикручивали его перьями, то помещали приманку в углубление между корнями, а у входа маскировали ловушку. Немало попало соболей в руки охотников. Их пушистые шкурки, сложенные в мешок, висели на лиственнице у палатки. Не миновать бы подобной участи и Жучку, если бы к охотникам не приехал охотовед. После беседы с ним охотники переключились на лов соболей живьем для переселения их в далекие уголья Охотского побережья. Пришлось снимать капканы и ставить вместо них деревянные ящичные ловушки, привезенные охотоведом, а для приманки класть крупные куски лосиного мяса.

Обходя ночью свой район, Жучок наткнулся на зияющее в снегу черное квадратное отверстие. Из него доносился аппетитный запах мороженого мяса. Постояв в раздумье у входа и убедившись, что угрозы нет, Жучок решил утащить кусок мяса, неизвестно кем оставленный в деревянной «норе». Осторожно ступая, он прокрался в ловушку, но стоило ему прикоснуться к приманке, как сзади с грохотом опустилась деревянная дверца и закрыла путь к отступлению. Напрасно он скреб и грыз дверцу ловушки: преграда не поддавалась. Весь остаток ночи прометался Жучок по своей темнице, но все было тщетно. Утомившись, он без всякого аппетита съел немного мороженого мяса.

Наступил день. Не имея возможности согреться при быстром движении, Жучок стал мерзнуть. К его счастью, в ловушку был положен большой комок сухой лосиной шерсти, которая послужила ему не только теплой подстилкой, но и покрывалом.

В полдень заскрипел снег под лыжами подходившего охотника. В ужасе заметался Жучок, когда человек, подняв

ящичную ловушку, натянул на нее до половины мешок и открыл дверцу. Мгновенно выскочил пленник из ловушки, но тут же попал в мешок и был прижат рукой охотника. Крепко завязав мешок с добычей, человек положил зверька в рюкзак и, став на лыжи, радостный заскользил к палатке.

Жучок умел преодолевать многие преграды: прогрызать лед, выкапывать в земле нору, перетирать древесные корни, но прорваться сквозь мягкую мешковину не смог. Сперва Жучок со злобой кусал мешок, скреб его лапами, но, обессилев, затих.

Принеся добычу в палатку, охотник не стал вынимать Жучка из мешка, а положил туда кусочек мяса и горстку крупнозернистого снега вместо воды.

Несколько дней прожил Жучок в теплой палатке вместе с охотниками. Промысловики хотели отловить живьем еще нескольких соболей, но это им не удалось. Потеряв надежду, они хотели было снять с Жучка шкурку — возиться с живым соболем хлопотно, да когда вытащили его из мешка, залюбовались на редкость красивой темной шкуркой и оставили зверька в покое.

Наступил первый месяц весны, но морозы по ночам стояли лютые. Лишь безветренными днями яркое солнце растапливало на сугробах верхний слой снега, и тогда образовывалась стекловидная корочка — наст.

Три дня на оленьих нартах везли Жучка охотники на приемную базу. Они торопились, но опоздали: последняя партия живых соболей была отправлена на Колыму днем раньше. Осмотрев Жучка, директор базы все же принял его. «Какой красавец! — воскликнул он. — Подержим до следующей осени и отправим в Магадан с первой партией». Рассчитавшись с ловцами, он поместил пленника в просторную двухкамерную клетку по передержке соболей. Так началась долгая жизнь Жучка среди людей.

Новое жилище Жучка состояло из двух отделений. Первое, обтянутое оцинкованной сеткой, служило столовой. Сюда ежедневно клались сырое мясо и мороженая брусника, наливалась в ванночку вода. Второе отделение было затемнено со всех сторон фанерными стенками, попасть в него из «столовой» можно было лишь через круглое отверстие. Эта своеобразная спальня, набитая доверху лосиной шерстью, располагала к спокойному отдыху. Здесь Жучок чувствовал себя как в естественной норе.

На базе стояло около двухсот таких клеток. Сейчас они были пусты, и в помещении царила тишина. Лишь один раз в день приходила жена директора базы, приносила Жучку воду и корм, чистила клетку. Высунув из спальни свою недовольную мордашку, пленник следил за каждым движением неторопливых женских рук, при этом он громко фыркал и делал вид, будто хочет и может напасть на человека. Но хозяйка, знавшая повадки соболей, совершенно не боялась этих угроз.

Прошло несколько недель. Жучок обвыкся в новой обстановке и перестал грызть проволочную сетку. Он даже поправился от хорошей пищи и постоянного ухода. Злобное настроение все чаще сменялось у него живым любопытством к человеку.

Однажды хозяйка забыла закрыть задвижкой дверцу клетки, и пленник, воспользовавшись этой оплошностью, выбрался на свободу. Первым делом он подбежал к окну, и острое зрение позволило ему разглядеть стекло. Спрыгнув с подоконника, Жучок начал обследовать внутреннее помещение базы. Цепкие коготки помогали ему легко взбираться по оштукатуренным стенкам, ходить по узким карнизам. Тщательно осмотрев просторную комнату и не найдя ни одной лазейки, Жучок спустился на пол. Набегавшись вдоволь, он подошел к стоявшей в углу кастрюле. Пахло мясом. Сдвинув крышку, соболю вытащил кусок лосятины, но съесть его не смог. Тогда по старой привычке хищника он утащил недоеденный кусок под шкаф и прикрыл его найденной на полу тряпкой. Потом, очевидно утратив доверие к кастрюле, Жучок перетаскал все мясо под шкаф, а сам вернулся в клетку и блаженно заснул, закутавшись в шерсть, как в пуховое одеяло.

Днем пришла хозяйка, чтобы покормить Жучку, и, увидя пустую кастрюлю, заподозрила в хищении мяса кошку. Лишь подойдя к клетке Жучка, она поняла, кто виновник происшествия.

Обо всем случившемся было доложено директору, и тот, как и положено любому директору, принял решение: «Жучка перевести в кабинет, пусть приучается к людям!»

Директор — старый охотовед, специалист по вольному соболеводству, жил вдвоем с женой в четырехкомнатной квартире. Обитали там еще охотничий пес Буран и пегая кошка Мурка. Вселение в квартиру пятого жителя произошло незаметно: днем Жучок не покидал своего ящика, где

спал, свернувшись клубочком на мягкой лосиной шерсти, ночью же Буран отправлялся в свою конуру, а Мурка — ловить мышей на скотный двор.

В первую же ночь Жучок не торопясь осмотрел директорскую квартиру, побывал на всех шкафах, этажерках и полках, обнюхал все щели. Заметив, что за ним наблюдают люди, он забился в темный угол за шкафом и лишь под утро перешел в свой ящик.

Утром хозяйка впервые назвала его по имени. «Жучок, Жучок! — звала она, держа в руках блюдце. — Иди кушать!» Женщина поставила блюдце около ящика и села поодаль, наблюдая за соболем. Высунув из ящика голову, Жучок долго не решался выйти наружу, но аппетитный запах незнакомого кушанья заставил его превозмочь боязливость. Он по достоинству оценил сметану и с наслаждением вылизал дно блюдца. «Эге, брат, да ты любишь сметану, как Мурка!» — воскликнула хозяйка. Она положила в блюдце еще одну ложку сметаны, и на этот раз Жучок не заставил себя долго ждать. Вкусная пища — лучший проводник к сердцу любого дикого зверя. Это правило хорошо знала хозяйка. Она предлагала Жучку то мед, то сухие фрукты, то печень, то куриные яйца. «Жучок у нас настоящий гурман», — объявила она как-то своему мужу.

Однажды, когда хозяева отсутствовали и Жучок резвился в директорском кабинете, Мурка слышала там легкий шелест. Полагая, что она имеет дело с крысой, пробравшейся в квартиру, Мурка осторожно заглянула в приоткрытую дверь. Но тут воинственный пыл кошки исчез: по кабинету бегал незнакомый ей зверек. И хотя он был меньше ее и, по-видимому, слабее, Мурка не сразу решилась на нападение. И только когда Жучок, не замечая ее, поравнялся с местом засады, кошка с шипением выскочила из-за укрытия и, выпустив когти, попыталась схватить незнакомца за шиворот. Но тут соболь сам перешел в яростное нападение. Высоко подпрыгнув, он мигом вскочил на спину противника и больно укусил кошку за загривок. Жалобно вскрикнув, Мурка упала на спину, отталкивая от себя Жучка четырьмя лапами. В комнате поднялась невообразимая возня. Кошка явно превосходила соболя в силе, но уступала в проворстве, молниеносности укусов, в умении нападать сверху.

Увертываясь от когтей и зубов Мурки, Жучок птицей взлетал на стол, этажерку или буфет, а оттуда смело кидался на своего обидчика. И Мурка позорно бежала с поля бит-

вы. Забравшись под шкаф, она жалобно замяукала, призывая на помощь свою хозяйку. После этого случая Мурке пришлось уступить соболу свои владения и ютиться отныне на кухне, куда Жучка пускали редко.

Если первая встреча соболя с кошкой произошла случайно, знакомство с Бураном происходило в присутствии самого хозяина. Почуяв соболя, Буран, как и подобало охотничьей собаке, ринулся на зверька, но грозный окрик хозяина удержал его на месте. К тому же Буран был хорошо выдрессирован, имел мягкий, деликатный нрав.

Рассматривая издали своего врага, Жучок не выказывал ни малейшего страха, просто он пока не доверял этой спокойно смотрящей на него собаке. Так прошла эта первая встреча, во время которой и соболю и собаке вели себя спокойно, с большим чувством собственного достоинства.

Наступило лето. Жучок становился ручным, охотно позировал директору во время фотосъемки. Особая дружба завязалась у него с хозяйкой. Приноравливаясь к человеку, Жучок понемногу начал изменять свои повадки, перейдя на дневной образ жизни. Спал он теперь не в своем гнезде, а на мягком диване или в кровати, залезая при этом с головой под одеяло. К столу появлялся вовремя и без приглашений. Если распознавал на столе сметану, то забирался на колени к хозяйке, и та кормила его из рук, подавая любимое кушанье в баночке. Жучок настолько привык к Бурану, что они иногда ели из одной тарелки, поражая гостей своим дружественным взаиморасположением.

Теперь Жучок ходил в летнем наряде, в котором он казался худым и долговязым, а его хвост и уши вроде бы стали длиннее.

Как-то, обследуя туалетный столик хозяйки, куда его всегда манил запах духов, Жучок увидел свое изображение в зеркале. Приняв его за другого соболя, Жучок, зашипел, выгнув спину с поднявшимся дыбом волосом и бросился на незнакомца, но, убедившись, что на столе кроме него никого нет, успокоился.

Не был Жучок равнодушен к радиоприемнику: ему нравилась мелодичная музыка, напоминавшая звуки родного леса. Вот только с Муркой он так и не примирился: кошка почти не появлялась в доме. Видя, что пленник тоскует по свободе и всеми силами стремится ее обрести, директор принимал меры по предотвращению побега. В окна была вставлена сетка, двери плотно закрывались. И все же Жуч-

ку удалось однажды выбраться из квартиры на волю. Как обрадовался и преобразился он! Нет, нельзя променять свободу на сытую, безопасную жизнь, мягкую, теплую постель. Зов леса оказался сильнее привязанности к человеку.

Обнаружив исчезновение соболя, директор вызвал двух охотников с сетью-обметом, и они втроем направились на поиски беглеца. Неизвестно, нашелся ли бы Жучок, если бы не Буран. Умная собака, взяв знакомый след у самого дома, догнала соболя. Загнав Жучка на дерево, она громким лаем известила охотников о своей находке. Расставив сеть вокруг дерева, один из охотников полез за Жучком. При виде незнакомого человека соболь спрыгнул с дерева, но убежать не смог: запутался в обмете.

В наказание Жучка посадили в клетку, но хозяйка снова впустила его в комнату.

Проживи Жучок несколько лет среди людей, возможно, он и стал бы ручным, но обстоятельства складывались иначе. Ухаживать хозяевам за ним было некогда. С наступлением зимы на базу начали поступать живые соболя. Срочно комплектовалась первая партия зверьков, предназначенная к выпуску на Охотском побережье. В эту партию и был включен Жучок.

Перегнали его в фанерную транспортную клетку, вместе с другими соболями отвезли на железнодорожную станцию и погрузили в багажный вагон пассажирского поезда. Холод и стук колес не давали спать соболям. Зверьки согревались движением, непрерывно снуя в тесных клетках. В Хабаровске их разместили в теплом здании карантина, а утром отвезли в аэропорт и погрузили в чрево большого самолета. Воздушный полет Жучок перенес легко.

После передышки и кормления в порту прибытия соболей погрузили в сани и повезли на лошадях к ближайшему совхозу; там предстояло перегрузить их на оленьи нарты и везти к месту выпуска. На километр растянулся караван оленьих упряжек, и на каждой нарте размещалось по несколько транспортных клеток со зверьками. Пока соболей возили на машинах да на самолетах, сидели они в клетках притихшие, теперь же, чувствуя запах лесов, они пришли в крайнее возбуждение, грызли клетки, высовывали носы, урчали, гремели поилками.

Прибыв к месту выпуска, охотники снимали клетки с соболями с нарт, ставили на снег и широко распахивали дверцы: пожалуйста, мол, выходите на волю!

Дошла очередь и до Жучка. Но Жучок не торопился. Выставив голову наружу, он сперва осмотрелся, не подкарауливает ли кто его за клеткой. Затем принюхался к воздуху и вдруг помчался вскачь к зарослям леса. Еще издали приметив елку погуще, он мигом заскочил на нее и затаился в черно-зеленой мохнатой кроне.

Люди оставили соболям для подкормки мороженое мясо и возвратились в поселок. Для новоселов наступила самостоятельная жизнь.

В течение нескольких ночей Жучок довольствовался запасами пищи, оставленной ему человеком, затем ушел в сопки. В первый же день он изловил беспечную белку, а выйдя на ключ, обнаружил следы соболюшки, прибывшей с ним в одной партии.

Начиналась мартовская оттепель. Весело бежал Жучок лесом навстречу новой жизни, а кругом простирались просторы заснеженной тайги. На этом месте предстояло теперь жить четвероногим переселенцам с далеких буреинских гор.

СОГЖОЙ

Проводник экспедиции эвенк Поротов — профессиональный охотник. Уверенно ведет он вереницу вьючных оленей, привязанных друг к другу кожаным поводом, лавируя в лесной чащобе. Ни один олень не зацепится за дерево, если его обошел передовой. Жаркий летний день клонился к вечеру. Подойдя к лесному ключу, Поротов останавливает тяжело дышащих оленей.

— Однако здесь табор делать будем, — говорит он, привязывая передового к березе. Вместе с охотоведом они быстро развьючивают оленей. Охотовед разбивает палатку, проводник отводит оленей на обширную поляну и привязывает к шее каждого по тонкому деревянному обручку — с такой помехой далеко от табора не уйдешь. На дойную

оленуху он подвешивает самодельный колокольчик — ботало (жестяная банка, внутри которой прикреплен болтающийся винтик).

Вскоре около палатки запылал костер, закипел неизменный спутник таежника — чайник. Взяв эмалированную миску, Поротов направился разыскивать оленуху. Возвратился он с чудесным густым, душистым молоком, едва заполнявшим половину маленькой чашки, но чай получился на славу, будто в него влили добрую порцию отменных коровьих сливок. Вряд ли у какого копытного животного бывает столь жирное, вкусное молоко! Путники наслаждались чаем не торопясь. Потом они приступили к ужину, состоявшему из вареных рябчиков и румяных пресных лепешек, смазанных густым оленьим молоком.

Коротка летняя ночь. Едва солнце поднялось над лесом, как дойная оленуха подошла к палатке и разбудила звоном ботала путников. Вот к палатке прибежал олененок — тугутка. Охотоведу показалось, что к табору подошла домашняя свинья — так ясно он услышал ее хрюканье. Но, выглянув наружу, увидел только оленей. Поротов, догадавшись о причине недоумения охотоведа, пояснил: «Это тугутка мать зовет». Охотовед вышел из палатки и попытался погладить рукой оленуху, но она брезгливо отряхнулась от его прикосновения, отошла прочь и уставилась на него своими большими навывкате глазами, как бы ожидая чего-то лакомого. Этим лакомством была для нее соль, запах которой ее тонкое обоняние улавливало на расстоянии. Разжав ладонь, охотовед протянул руку навстречу оленухе, и она доверчиво подошла к нему и начала с жадностью слизывать соль, потряхивая головой, украшенной маленькими ветвистыми рожками.

Среди многочисленного рода оленей только самки северного оленя носят рога, у всех других — это половой признак самцов.

Прежде чем приступить к завтраку, Поротов отошел от палатки и разложил дымокур. Вскоре возле него собрались все олени. Желая избавиться от назойливых слепней и оводов, они лезли к самому костру, не боясь огня и дыма. Вряд ли какое еще животное на земле столь сильно стремится к костру!

Теперь не представляло труда переловить животных, и караван, состоящий из семи оленей, снова тронулся в путь. Много километров прошла экспедиция.

Наступила грибная пора — осень. Теперь проводнику приходилось подолгу разыскивать оленей. В поисках лако-мой еды — грибов они далеко разбредались в разные сторо-ны, и требовалось большое умение, чтобы разыскать их по следам — едва заметным примятостям травы.

Однажды к пасшимся невдалеке от привала важенкам пришел дикий олень — Согжой. Это был красивый сторож-кий бык. Симметрично ветвистые огромные рога подтверж-дали его силу и говорили о хорошем здоровье. Плотная лос-нящаяся шерсть длинными белыми космами свисала с шеи. Одним ударом рогов он обратил в бегство передового и овла-дел важенками. Согжой понимал, что домашние олени свя-заны с человеком, и поэтому стремился увести их подальше от бивака экспедиции. Сперва важенки охотно следовали за своим повелителем, но потом две из них — те, которые име-ли телят, стали отставать и повернули обратно. Напрасно Согжой пытался силой остановить их и заставить идти за собой. Оленухи уклонились в сторону, а затем вернулись к табору.

Наступило утро. Поротов не сразу понял, куда ушли че-тыре важенки. Он полагал, что они направились в сопки на поиски грибов. Проискав оленух целый день, проводник на-конец убедился, кто виновник их угона. Вернувшись на табор, он рассказал обо всем этом охотоведу. Посовещав-шись, они решили: Поротову надо верхом попытаться до-гнать оленей, убить Согжоя, переловить арканом важенок и скорее возвращаться на табор.

Чуть свет оседлав оленя, Поротов поехал на поиски, прихватив аркан и винтовку. Ему посчастливилось найти свежие следы беглянок. На обильно смоченной росой траве отчетливо виднелись пять оленьих следов. Теперь все было понятно, но поднявшееся в небе солнце высушило траву, следы стали едва приметными, а вскоре и совсем исчезли на сухой гриве, густо поросшей рододендромом. Пришлось возвращаться ни с чем.

Оставшиеся три оленя не могли увезти всего оборудо-вания экспедиции, поэтому охотовед решил выстроить ла-баз, сложить на него часть имущества, с тем чтобы потом Поротов смог вернуться сюда налегке. Постройка лабаза не требовала ни гвоздей, ни пилы. Срубив топором четыре рогульки, Поротов положил на них две жерди и, прислонив их к трем росшим поблизости лиственницам, настелил из жердняка помост. Накрыв имущество еловой корой, экспе-

диция тронулась в дальнейший путь. Время от времени Поротов останавливался и делал на деревьях двусторонние затесы.

А счастливый Согжой наслаждался брачной жизнью. Он ревностно оберегал важенок от возможных опасностей, а они были внимательны к его желаниям. Согжой знал на склонах Ям-Алиня богатые ягельники и уверенно уводил туда своих подруг.

Однообразны и унылы лиственничники зимой! Редко стоящие деревья с голыми сучьями кажутся усохшими. Снежная пелена прикрыла кочковатую замшевелую почву, оттаивающую летом всего на две четверти. По такому лесу можно проехать на оленях день, не встретив звериного следа. Но вот на берегу лесного ключа появились поеди зайца-беляка, за которым кралась рысь, в стороне пробрел лось, а на моховом болотце виднелась уже целая толчея следов. Это паслись северные олени. И опять тянутся леса, лишенные зверей и птиц.

Если летом олени еще как-то могли восполнять недостаток ягеля грибами и сочной молодой травкой, то с выпадением снега любимой и основной их пищей становился ягель. Этот северный лишайник, напоминающий мелкие веточки белого коралла, сродни грибам и водорослям. Растет он на болотистой и каменистой почве не повсеместно. Есть ягель — могут быть олени, нет ягеля — нет и оленей.

Согжой обладал необычайно тонким обонянием. Проходя лесом, он за несколько метров мог почуять даже под глубоким снегом кустик лишайника, казалось бы, лишенного какого-либо запаха. Безошибочно направляясь к нему, он приступал раскапывать снег энергичными ударами широких копыт передних ног. Очистив от снега почву, он скусывал верхушки обнажившегося ягеля. Согжою не хватало короткого зимнего дня, чтобы насытиться, и бык продолжал пастись до глубокой ночи. Ведь корм он разыскивал без помощи зрения, полагаясь исключительно на свое отменное чутье. Важенки всюду следовали за своим повелителем, и он уступал им лучшие кормовые поляны. Там, где кормились олени, снег был испещрен следами и порывками, словно здесь паслось стадо свиней. Насытившись, Согжой ложился с важенками на снегу. Их чуткая дремота не прерывалась крепкими морозами, ибо не было ни у одного зверя тайги столь теплой «шубы», как у этих животных. Самый крепкий мороз не мог пробраться сквозь плотный и

пористый олений волос, созданный самой природой для борьбы с морозом.

В этих безлюдных местах у Согжоя не было врагов: медведи залегли в спячку, а волки из-за глубоких снегов спустились в долины рек. Казалось, что для робких оленей нет лучшего места для зимовки, но глубокий снег и горные ветры, вытеснившие волков, были несносны и для оленей. Слабые важенки с трудом докапывались до ягеля и нередко, видя, что Согжой вырыл в снегу глубокую яму, бежали к нему и под самым его носом съедали с таким трудом добытый лишайник. Пришлось и оленям покидать горные пастбища и спускаться в долины на обширные мари, богатые ягелем. В одну из морозных ночей, когда олени продолжали пастись на открытом болоте, Согжой услышал легкий шелест лап бегущих волков. Вскинув голову, он подал знак опасности. Важенки сгрудились около своего вожака. Рассмотрев приближающуюся волчью стаю, Согжой вскинул голову вверх так высоко, что концы рогов легли на его холку, и, выбрасывая вперед копыта, понесся к заснеженному лесу, где снег был более рыхлым и волки проваливались в нем глубже. Важенки ринулись за ним, поднимая вокруг себя клубы снежной пыли.

Продолжительна и изнурительна была эта гонка. Много километров пронеслись звери, прежде чем волки убедились, что слабых и больных оленей в этом табуне нет и им не удастся поживиться оленьятиной. Волки отстали, а олени еще долго уходили от преследователя. Но вот они остановились и, поводя боками, стали хватать морозный воздух широко раскрытыми ртами. Выйдя на обширную, слабооблебенную равнину, Согжой задержался здесь надолго.

Случилось так, что в конце зимы в этих местах снова появился Поротов. Приехав за оставшимся имуществом, он захотел разыскать ушедших важенок и, найдя следы четырех ланок и одного быка, начал преследовать их верхом на олене. В один из ярких солнечных дней он обнаружил в редколесье мирно пасущихся зверей. Спешившись и скрываясь за верховым оленем, Поротов стал осторожно приближаться, подходя к ним с подветренной стороны. Но, как ни бесшумно подкрадывался старый охотник, Согжой заметил его еще издали и, вскинув голову, рассматривал, широко раздувая ноздри. Дальше идти было нельзя. Поравнявшись с толстой лиственницей, Поротов отпустил оленя пастись, а сам спрятался за дерево.

Согжой хорошо видел подходившего к нему хора *, причуивал запах человека. В возбуждении он кружил вокруг важенок, стараясь передать им свою тревогу, настойчиво побуждая их к бегству. Но оленухи медлили. Привычный запах человека не вызывал страха, а приближавшийся к ним сородич возбуждал любопытство. Подняв уши, важенки в недоумении таращили глаза на пришельца и медленно подвигались к нему навстречу. Возможно, они даже узнали хора, за которым некогда ходили в экспедиционных караванах. Страх все больше и больше овладевал сердцем Согжоя. Предчувствуя что-то недоброе, он сделал последнюю попытку увлечь за собой важенок, затем угрожающе пригнул голову к земле, направив рога навстречу подходившему оленю, готовясь броситься на него, но в это время легкий ветерок принес к нему резкий запах человека. Согжой вздрогнул, выгнул спину и размашистой рысью начал уходить от важенок. Перебежав болото, он остановился в последний раз, как бы прощаясь с глупыми важенками, и в то же мгновение рухнул на бок. Падая на снег, Согжой услышал звук выстрела, но в затуманенном сознании его теперь не было страха. Опустив винтовку, Поротов закинул ее за плечо, расправил маут и пошел к важенкам. Отвыкнув от человека, они не подпускали к себе бывшего хозяина. Тогда Поротов набросил аркан на рога верхового и, оседлав его, без труда приблизился к одной из оленух. В воздухе просвистел кожаный жгут, и петля аркана затянулась на ее рогах.

Потеряв своего вожака, ланки топтались на месте, и вскоре Поротов переловил их всех. Радостный возвратился охотник в свою бригаду. Рассказал, как нашел беглянок, угостил друзей мясом Согжоя. Долго еще потом он возил с собой теплую шкуру красавца быка, подстилая ее себе под бок. И если случалось ему ночевать на снегу, не боялся простудиться. Шкуру эту он называл своей постелью.

А в конце апреля у беглянок оленух появились премилые темно-бурые тугутки. Росли они крепышами, были стройны и не в меру пугливы — ведь в их жилах текла кровь дикого Согжоя.

* Х о р — по-эвенкийски домашний олень-бык.

СОХАТЫЙ

Над низким заболоченным лесом неслись протяжные глухие звуки. Словно жалуясь на неприветливую холодную осень, стонал зверь, и никто не отзывался ему. Это выражал свою любовную тоску огромный черный лось, стоявший на опушке редкого березняка. Его светлые, под цвет березовой коры, ноги утопали в зеленом мху, широкие разлапистые рога белели концами острых отростков. Он шел несколько дней долиной Омала, разыскивая самку. В сентябрьском

голубом небе проносились на юг косяки запоздалых гусей, и их тревожные крики пробуждали у Сохатого желание идти вслед за ними. Но можно ли угнаться за небесными странниками!

Сохатый давно ничего не ел. Его широкие ноздри жадно втягивали влажный лесной воздух, насыщенный легким винным запахом увядших ивовых листьев, обнюхивали тропу, всякий встреченный след. Вечером, когда стихли дневные звуки, чуткое ухо Сохатого уловило едва внятный голос лосихи. Забыв об осторожности, ринулся тяжелый зверь навстречу этому желанному звуку, с треском ломая гниловатый валежник, звонко ударяясь рогами о тонкие стволы молодых березок. Выбежав на лесную поляну, он увидел высокую светлоногую красавицу.

Насторожив длинные подвижные уши в его сторону, спокойно всматривалась она большими черными глазами в прищельца. Наконец любопытство пересилило страх, и она сделала первый шаг навстречу Сохатому.

Как скупы и порой едва уловимы те жесты, которыми обмениваются животные, как умеют понимать они выражения глаз, интонации голоса друг у друга!

Подойдя к быку, лосиха обнюхала его и, брезгливо фыркнув, не торопясь направилась прочь. Словно черная тень, следовал неслышно за ней Сохатый. Он чувствовал нерасположение к себе лосихи, но надеялся, что со временем настроение ее изменится. Войдя в густые тальники, между которыми протекала извилистая речушка с топкими и вязкими берегами, звери остановились и начали жадно обкусывать концы ивовых побегов с молодыми листьями. Затем они долго лежали, наслаждаясь отсутствием гнуса и нежась под скуными лучами осеннего солнца. С наступлением сумерек снова принялись за еду. Казалось, ничто в этом болотистом непроходимом краю не может угрожать их счастью. Как бы сознавая свою силу, лоси держались уверенно и спокойно. Пробродив всю ночь, они улеглись в тальниках лишь поздним утром, подставив ноздри легкому ветерку. Сохатый положил свою тяжелую рогатую голову на плечо и погрузился в чуткую дремоту. Глаза его закрылись, но уши улавливали малейшие шорохи.

Вдруг резкий треск ломаемого кустарника и громкий рев медведя раздался вблизи. В одно мгновение вскочив на ноги, Сохатый с храпом втянул в себя воздух, с тревогой озираясь по сторонам. А лосиха уже билась в смертельных

медвежьих объятиях. Нападение медведя было внезапным. Пока лоси отдыхали, он неслышно подкрался с подветренной стороны и обрушился на спящую лосиху.

Низко опустив голову, Сохатый бросился на помощь подруге. Со всего размаха ударил он рогами медведя в спину и отшвырнул его в сторону. Освобожденная лосиха вскочила на ноги и, слегка прихрамывая, убежала в тальники. Быстро оправившись, медведь кинулся на Сохатого, но не так-то легко было повалить полного сил, заматерелого в битвах быка. Делая огромные прыжки, косолапый пытался зайти к лосю сзади, но Сохатый успевал вовремя разворачиваться и подставлял навстречу ему острые рога. Медведь норовил схватить быка за рога, но когти соскальзывали с их гладкой поверхности, острые отростки втыкались ему в бока. Тогда он вздумал оседлать Сохатого, но тот всякий раз сбрасывал его на землю и топтал копытами. Иногда быку удавалось ловко поддеть медведя рогами и отбросить его на кусты, но всякий раз медведь быстро оправлялся и сам стремился загнать Сохатого в залом.

Проваливаясь в илистой почве, лось терял быстроту движений. Две глубокие раны зияли на его плече. Из них текла кровь. Напрягая последние силы, Сохатый выбрался из залама, достиг сухого бугра и быстро обернулся, дожидаясь врага. Теперь у него под ногами была твердая почва, позволявшая упираться во время натиска. Рассвирепевший медведь предвкушал скорую победу. Ведь в схватках с лосями он неизменно выходил победителем. Поднявшись на задние лапы, он обхватил шею лося и потянул ее к земле. Упав бык на землю — и победа медведю обеспечена, но Сохатый устоял. Пошатываясь от напряжения, он ринулся с косматой тушей на шею к часто стоящим деревьям. Ударившись головой о ствол лиственницы, медведь свалился наземь и не успел еще подняться, как в его грудь глубоко вошел, ломая ребра, острый рог лося. Не давая раненому врагу уползти в кусты, Сохатый высоко поднимал передние ноги и со всего размаха разил его копытами. Страшны были удары лосиных копыт, они прорывали медвежьи кожу и мускулы, ломали его кости. Медведь уже не проявлял признаков жизни, а ярость Сохатого не унималась. Лишь убедившись, что поверженный враг недвижим, бык отошел в сторону и отдышался, а затем медленно побрел вслед убежавшей лосихе, часто останавливаясь и прислушиваясь, не гонится ли за ним медведь.

С чувством радостной благодарности встретила лосиха своего спасителя. Прижимаясь друг к другу, отправились они к кислому ключу, чтобы принять целительные ванны. Быстро заживают раны на звере. Поправились лоси.

Наступила зима, надолго засыпав землю мелким рыхлым снегом. Лоси вышли из заболоченных лесов на широкие поймы рек, где в изобилии росли молодые ивы и осины. Ветвями этих деревьев животным предстояло питаться всю зиму. Вскоре у Сохатого отпал один, а затем и другой рог. Он стал комолым, похожим на лосиху.

На пойме паслось еще несколько лосей. Иногда они сходились вместе, образуя небольшие табуны. Утрата рогов отнюдь не обезоружила Сохатого, и когда на него однажды напали волки, он отбил их от них копытами.

Безмятежно протекала жизнь лосей среди белого безмолвия. Но вот появились охотники. Завидя мирно пасущихся лосей, они издали открыли огонь из винтовок и вели его до тех пор, пока один из великанов не падал, сраженный пулей. Лоси слышали звуки далеких выстрелов, но полагали, что это лопаются деревья от мороза. На другой день под пулями погиб весь табун. Затем к этому месту подошел вездеход, и люди увезли мясо в поселок.

Весной лосиха ушла от Сохатого. В густых зарослях молодого лиственничника у нее появилось двое телят. Вначале лосята отлеживались, чувствуя себя неуверенно на длинных гнущихся ногах, но через несколько дней они окрепли и легко следовали за матерью. Не каждая собака могла бы теперь догнать их.

Лето приносило Сохатому изобилие кормов, но его мучительно донимал гнус. Полчища комаров звенели над ним по ночам, покрывая спину серым как пепел налетом. Утром с восходом солнца комар утихал, но вместо него назойливо липла едва видимая мошка. Она забиралась в уши и ноздри, разъедала оголенную в пахах кожу. К полудню мошка спадала, и на измученного Сохатого пикировала армада крупных кровососов — слепней. С низким гудением вились они вокруг зверя, больно кусая его. И тогда, сорвавшись с места ночной стоянки, Сохатый опрометью бежал к ближайшему озеру. С каким блаженством погружал он изъеденное тело в прохладную воду и подолгу нежил на мелководье! Отдохнув от назойливого гнуса, Сохатый принимался за сочные водяные растения. Особенно он любил мясистые толстые корневища кувшинки и нежные пряди

стрелолоста. Насытившись и вдоволь накупавшись, он уходил в лесную чащобу до следующего дня.

Вряд ли какой другой зверь смог бы пройти по этим вязким болотистым местам, но широкие копыта Сохатого удерживали на поверхности его грузное тело, и он почти не проваливался.

Как ни донимал гнус, а к концу лета тело быка налилось жиром, темно-бурая длинная шерсть залоснилась. С отросших за лето пудовых рогов слезала омертвевшая кожа. Сохатый, чтобы избавиться от зуда, бодал кусты и молодые деревца, обламывая ветки и обдирая кору.

Когда наступила осень, он снова стал оглашать лес тяжелыми вздохами и стонущим мычанием. Разве могло выдержать сердце лосихи, услышавшей столь жалобные призывы? Нет, нельзя было отказать этому страстному зову! И она пришла. Снова бродили они вместе, и Сохатый оберегал ее от опасностей.

Случилось, что ранним утром Сохатый с лосихой вышли на лесное озерцо, чтобы полакомиться сочными травами, и набрали на табор геологов. Люди обрадовались, что звери сами пришли к ним в руки, и открыли стрельбу. Первая же пуля смертельно ранила Сохатого. Как будто понимая, откуда грозит опасность, бык заслонил своим огромным телом лосиху и, повернув великолепную гордую голову, увенчанную огромной короной рогов, к подходящим людям, смотрел на них затуманившимся взором. А охотники все посылали и посылали в него пули. Когда опустели магазины их винтовок и наступила зловещая тишина, лосиха ринулась в сторону, густые кусты заслонили ее. А Сохатый по-прежнему стоял на том же месте, и тонкие струйки крови из глубоких смертельных ран стекали по его груди.

ЛОСЬКА

В далекую, затерявшуюся в буреинской тайге деревушку Чекунда весна приходит с большим опозданием. И тем желаннее она людям, истосковавшимся по освобожденной от снега земле. К самой околице подступают молодые лиственничники. В мае зеленая прозрачная дымка окутывает ажурные ветви деревьев с нежными пахучими хвоинками, а на пригорках вспыхивают ярким розово-фиолетовым пламенем цветущие кусты рододендрона.

В эту пору, пока не поспела земля для посадки картофеля, мужское население деревушки отправляется на рыбалку и охоту на гусей. Худяков, лучший промысловик Чекунды, считает весеннюю охоту баловством, но постоять на гусином перелете тоже не прочь. Позвав свою любимую лайку Пургу, Худяков закинул за плечо тяжелую двустволку и направился на берег реки. Столкнув в воду плоскодонную лодку, он положил в нее ружье и, взяв в руки двулопастное весло, быстро поплыл вниз по течению. Спустившись километров на десять от деревни, он заплыл в тихую протоку и, найдя пологий берег, пристал к нему. Вытащив лодку

и взвалив на плечи увесистый рюкзак, побрел в сторону лесистых озер, на которые садились гуси. Лишь поздним вечером добрался он до осиновой релки, где намечал поставить палатку и переночевать.

Ночью Худяков слышал гоготание гусей, мелодичный посвист связей и предвкушал удачную охоту.

Утро задалось туманное. Гусь не летел, и Худяков не сделал ни единого выстрела. Выйдя на релку, он нарвал сухого прошлогоднего вейника, постелил его на влажную почву, прилег и не заметил, как уснул. Тем временем туман развеяло, проглянуло солнце. И вот уже пронеслись стайки шилохвостей, а за ними потянул и гусь. Так бы и проспал Худяков перелет, если бы не табунчик пискулек. Налетев на охотника, гуси подняли громкий галдеж. Худяков быстро вскочил на ноги, прицелился. Раскатистые выстрелы потрясли утреннюю тишину. Один из гусей, отделившись от стаи, начал снижаться и, пролетев не менее километра, сел на марь. Не будь с Ходяковым собаки, он и не пытался бы искать гуся, но у Пурги не уходил ни один подранок.

Каково же было его удивление, когда из-под носа снующей челноком лайки вдруг выскочил лосенок и, неуклюже прыгая на длинных гнущихся ногах, побежал в сторону леса. Пурга мигом догнала лосенка и, схватив за шею, повалила на землю.

— Не тронь! — грозно крикнул хозяин и бросился спасать малыша.

Когда Худяков прибежал к месту происшествия, Пурга лежала на лосенке, высунув язык и виновато виляя хвостом. Взяв собаку на поводок, охотник хотел было оставить в покое поверженного звереныша, но, увидев на его шее кровоточащую рану, засуетился. Лосенок не стоял на ногах, голова у него клонилась к земле. Жалко стало охотнику беспомощного телятца, перевязал он ему рану и, взвалив на плечи, понес к палатке. Приехав домой, передал малыша на попечение жены, а та, разыскав в комодке старую соску, налила в бутылочку парного молока и покормила Лоську.

Жена Худякова, очень любившая животных, охотно ухаживала за Лоськой и выходила ее. Рана зажила, и телятенок всюду следовал за своей новой матерью. Накушавшись, Лоська подолгу лежала где-либо в тени, никому не мешая. Все обитатели двора — корова, кошка и собака — вскоре привыкли к этому безобидному долговязому существу и обращались с ним с той снисходительной уступчи-

востью, какая бывает у взрослых животных по отношению к малышам.

Больше всех привязалась к Лоське Пурга, оберегавшая ее от соседних собак.

Росла Лоська очень быстро. Хорошо зная своих хозяев по звуку голоса и запаху, она не обращала внимания на посторонних. Но когда кто-либо из незнакомых людей подходил к ней близко, пытаясь погладить по шерсти, Лоська прижимала длинные уши к шее и норовила укусить или ударить передней ногой. В дом она никогда не пыталась заходить, но в кухню, стоявшую рядом с домом, ее беспрестанно влекли острые и аппетитные запахи. Она очень любила лук и чеснок, ела хлеб, а однажды, воспользовавшись отсутствием хозяйки, не побоялась зайти на кухню и, сбросив крышку с кастрюли, съесть теплый суп вместе с вареной уткой.

Худякову очень хотелось приучить Лоську ходить в упряжке и под седлом. Он смастерил небольшие нарты и приобрел оленье седло. Сперва он запрягал Лоську в пустые сани, а затем уже клал в нарту какую-либо поклажу. Обучение шло успешно, и к концу зимы односельчане с удивлением смотрели на Лоську, возившую дрова и воду словно лошадь. Приучилась она и вьюки таскать. Любопытная и общительная молодая лосиха стала любимицей деревни. К какому бы дому она ни подходила, ей отовсюду выносили кусочек хлеба или сухарик, и она доверчиво брала угощение из рук человека. Бывало, что завидовавшие такому беспрецедентному успеху собаки окружали ее и облаивали, словно это был незнакомый им зверь. Заслышав лай, Пурга бежала на выручку своей подруги. Разогнав недоброжелателей, друзья довольные возвращались домой. Чтобы охотники невзначай не подстрелили Лоську, Худяков повесил ей на шею широкий ошейник, обмотанный красной тряпочкой с прикрепленным старым колокольчиком, выпрошенным у деда Архипа, некогда возившего почту.

— Уйдет она от тебя, зря держишь, — говорил Худякову его сосед, но Лоська, пользовавшаяся неограниченной свободой, всегда возвращалась домой, хотя во время ночных прогулок уходила далеко от деревни. Случалось, что она пропадала по неделе и более. Худяков уже начинал думать, что пророчество соседа сбывается, как вдруг с шумом распахивалась калитка и на дворе появлялась Лоська.

Прошло лето. Худяков готовился к выходу на пушной промысел. Соболевал он в ста километрах от деревни, на глухом Еловом ключе, где стояло его зимовье. Вьючных оленей в колхозе на этот раз он брать не стал. Сложив продукты и теплую одежду в два мешка, Худяков завьючил Лоську и, распрощавшись с женой, тронулся в путь. Лоська шла за хозяином охотно и не тяготилась поклажей. В середине дня они остановились у речки Крутилихи. Худяков подкрепился куском сала и горячим чаем, а Лоська, с которой был снят вьюк, поела тонких зеленоватых побегов ивы — любимого корма лосей в зимнее время. Снег заменил ей воду. Глядя на Лоську, Худяков размышлял: «Прокормить ее в тайге будет легче, чем оленя. Тальник есть везде, а там можно и осинку срубить. Чего-чего, а веток в лесу найдешь везде. Вьюк прет тяжелый, ни одному оленю не поднять. И почему люди лосей не приручают? Ведь такая лесная «лошадь» и для охотника и для геолога — сущий клад. Вот если убежит к своим родичам, не найдешь: по следам трудно ручного лося отличить от дикого».

На второй день к вечеру Худяков пришел к своему зимовью. Сняв с Лоськи вьюк и седло, он оставил на ней уздечку и пристегнул к ее шее красный ошейник с колокольчиком. Лоська долго принюхивалась к незнакомому лесу, затем вошла в прибрежные тальники и принялась за еду. Худяков навел порядок в избушке, приготовил и проверил капканы. Отдохнуть лег поздно. Засыпая, он все думал о Лоське: «Что победит в душе этого зверя — привязанность к человеку или инстинкты вольной жизни?»

Тем временем Лоська медленно поднималась вверх по умолкнувшему ключу и с хрустом пережевывала ивовые ветки. Насытившись, она прилегла на снег и задремала. Вскоре ее чуткий сон был прерван слабым звуком шагов подходящих к ней зверей. Лоська мигом вскочила, осмотрелась. Невдалеке стояла старая лосиха с взрослым теленком. Вид и запах Лоськи не испугал ее диких сородичей: звери спокойно и мирно рассматривали друг друга. Хотя Лоська впервые видела своих родственников, инстинкт подсказывал ей, что это ее друзья. С неудержимой силой повлекло ее к ним. Подняв голову, с шумом втягивая трепещущими ноздрями воздух, она медленно приближалась к стоящим на месте лосям... Но лоси развернулись и рысью направились к ближайшему лесу. Напрасно Лоська бежала за ними. Звон ее колокольчика, усилившийся на бегу, пугал их, и

лоси, уклонившись от свидания, скрылись в зарослях. Лишь к утру Лоська вернулась к зимовью. Худяков дал ей кусочек хлеба, взвалил на вьючное седло мешок с капканами и, ведя на поводу, пошел расставлять капканы на первом путике.

Незаметно прошли два месяца успешной охоты. Захотелось Худякову сходить в деревню, попариться в баньке, пополнить запасы продуктов и отвезти заодно добытую пушнину. В день выхода потеплело. На белесом небе не было солнца. Все предвещало смену погоды. Завьючил Худяков Лоську и тронулся в путь через марь, напрямик. К обеду пошел такой густой снег, что в десяти шагах с трудом просматривались деревья. Компаса с Худяковым не было. Едва заметную тропу вскоре занесло, и он пошел наугад. «Пережду марь и отаборюсь в ельнике», — думал охотник. Но вот уже начало вечереть, а марь все не кончалась. Видать, не поперек, а вдоль нее шел Худяков. Лоська тыкалась мордой в его спину и стряхивала с себя налипавший снег. Она не любила плохой погоды и не понимала, зачем человек куда-то идет, когда нужно на месте, под защитой двух-трех густых елочек, переждать снегопад. Видя, что ему до ночи не выйти с мари, Худяков решил остановиться в редколесье и переждать ночь. Найдя сухую лиственницу, он привязал поодаль Лоську и, вынув топор, начал рубить сушину. Крепкая, как кость, лиственница поддавалась с трудом, и ушло много времени, прежде чем удалось повалить ее на снег. Вырубив из нее два трехметровых бревна, охотник соорудил надью, поджег бревна и, смастерив из куска тонкого брезента навес, прилег отдохнуть у огня. Отпустить Лоську пасти Худяков не решился. Поделившись за ужином с ней хлебом, он разыскал тонкую молодую осину, срубил ее, а ветки принес Лоське. «Теперь она будет сыта. Лишь бы скорее перестал идти снег», — думал, засыпая у надьи, охотник.

Но снегопад усиливался с каждым часом. Крупные, рыхлые, как обрывки ваты, хлопья с едва слышным шелестом ложились на землю, прилипали к стволам и ветвям деревьев. К утру Худяков очутился в снежном плену. Кляня свою неосмотрительность, таежник впал в уныние. Выпавший выше колена снег можно было преодолевать с трудом, но куда идти? Ориентиров нет. Лес стоит как в тумане. Поднявшийся ветерок срывал с деревьев снег, ухудшая и без того плохую видимость. Надья за ночь сгорела. Сухих деревьев по-

близости не было. Решив двигаться наугад, Худяков снова завьючил Лоську.

— Ну, Лоська, выручай хозяина, иди теперь впереди, пробивай тропу! — обратился ласково к своей питомице Худяков.

Отстегнув повод, он привязал его к седлу и, пользуясь им как вожжой, ободряюще похлопал Лоську по крупу. Умное животное словно поняло просьбу хозяина: пошло впереди, оставляя за собой в снегу глубокую канаву. Худяков едва поспевал за широким шагом Лоськи.

Люди давно утратили инстинкт ориентировки, и поэтому даже бывалые охотники, попадая на равнину ночью или в пургу, кружат по ней и блуждают. Не желая признаться себе в этом, Худяков надеялся теперь только на Лоську.

— Домой, домой, моя хорошая! Идем домой. Видишь, здесь нет даже тальников, помрем с голоду.

Через несколько часов охотник остановился. Ему показалось, что они бредут в обратном направлении.

— Однако ты не туда, чертова зверюга, идешь. Для тебя здесь везде дом, а я так долго не продержусь.

Худяков пытался повернуть Лоську вправо от ее хода, но она упрямо шла вперед, время от времени опуская голову и принюхиваясь к снегу. Пошатываясь от усталости, Худяков плелся сзади. Ему хотелось чаю, но как развести костер на мари среди сырого лиственничника, да еще при таком ветре? И все же он решил попробовать. Наломав сухих нижних ветвей лиственницы, он надрал березовой коры, раздвинув глубокий снег, зажег бересту и накрыл ее пучком мелких сухих сучков. Затем набил котелок снегом и повесил его над огнем. Раздуваемое ветром пламя лизало закоптелые бока алюминиевого котелка, снег в нем осел и напитался водой. Чаю получилось мало, он был горьковатым, но сколько бодрости влилось в усталое тело охотника!

К вечеру Лоська вывела Худякова на тропу, по которой они еще в начале зимы заходили на зимовье. Обрадованный охотник обнял ее голову и ласково похлопал по шее:

— Умница ты моя. Без тебя пропал бы.

Передохнув на тропе, они двинулись в деревню, до которой теперь оставалось не более десяти километров.

— Вот уж не ожидала тебя из тайги в такую непогодь! — всплакнула жена Худякова, обнимая обсыпанного снегом мужа.

— Скажи спасибо Лоське, а то бы еще долго плутал по мари. Ну, как без меня поживала?

— Да что мне в теплой избе делается? Тут тебя ожидает охотовед из соболиного рассадника.

После горячих щей и чая Худяков беседовал с охотоведом. В разговоре выяснилось, что рассадник приступил к опыту одомашнивания лосей и просит продать ему Лоську. Худяков задумался. Жаль ему было расставаться со своей смышленной лосихой, но он понимал всю важность затеваемого дела. Ведь если охотоведам удастся приручить нескольких лосей, то приплод от них потом раздадут охотникам. Как облегчится тогда освоение отдаленных угодий!

И старый охотник согласился.

ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ

Рассказы
и очерки
разных
лет

ЕГЕРЬ

Человек, одержимый охотничьей страстью, с наступлением осени словно заболевает. И если он не может выбрать с ружьем на утиный перелет или сходить на зверя, им овладевает безысходная тоска, и никакая работа не идет на ум.

Случилось так и со мной, когда ранняя пороша неожиданно застала меня в городе. Посмотрел я в окно на выбеленные снегом улицы, и мою душу охватило беспричинное беспокойство. Отложив в сторону все дела, я накинул на

плечи пальто и направился в охотничье управление к знакомому инспектору. Привычная обстановка комнаты охотоведов показалась теперь мне праздничной. Словно впервые увидел я старые охотничьи трофеи, развешанные по стенам.

— С кем бы, братцы, на охоту в тайгу сходить? — обратился я к своим друзьям.

— Есть тебе хороший компаньон, — ответил старший инспектор. — Егерь Добров отпуск взял, на кабанов собирается. Присоединяйся. Да ты, кажется, еще не знаком с ним.

И он подвел меня к сидевшему за столом егерю. Я был очень рад столь быстрому решению важного вопроса и стал расспрашивать Доброва, в какой район и когда мы поедем, много ли в тех краях зверя, но егерь оказался малообщительным, куда-то торопился и не разделил моих бурных восторгов. Тем не менее условились выехать через два дня.

Под неодобрительным взглядом проводника мы едва протиснулись с неимоверно большими рюкзаками в вагон и заняли места. Теперь я мог внимательно рассмотреть своего спутника.

Лазарь Добров не походил на заправского охотника. Худощавый, низкого роста, казавшийся безразличным ко всему окружающему, он молча смотрел в окно. Широкое, с монгольскими скулами лицо, покрытое редкими оспинками, можно было назвать некрасивым, если бы не большие карие глаза, глядевшие на мир с детской наивной добротой. У него даже не имелось собственного оружия, и на охоту он ехал с казенным, весьма сомнительной исправности карабином. На высказанное мною удивление Добров усмехнулся:

— Застрелить зверя можно и из водопроводной трубы, главное — подойти к нему близко.

Не было с ним и обычной для охотника лайки. Добров не признавал охоту на крупного зверя, особенно на кабанов, с собаками.

— Они нужны начинающему или слабому охотнику, — говорил он. — Напуганный лаем кабан уходит далеко, а без собак я к одному и тому же табуну по нескольку раз в день подходил и каждый раз стрелял по выбору.

В пути Добров рассказал, что ехать придется до станции Алчан, а оттуда добираться пешком к его палатке, поставленной еще осенью на Леденевом ключе. На станцию прибыли ночью, дождались рассвета и тронулись в лес. Палат-

ка стояла недалеко. К обеду мы были на месте. Ожидавшее нас жилье имело скорее комбинированный характер, низ его представлял собой сруб из тонких сухих еловых бревен, поверх которого была натянута армейская четырехместная палатка. В середине помещалась жестяная печка, стоявшая на двух больших камнях.

В начале охоты всегда испытываешь избыток сил, неизвестность волнует, становишься разговорчивым. Спать не хочется, и я незаметно вовлекаю Лазаря в беседу. Мне не терпится скорее узнать, как он стал представителем неумолимого охотнадзора.

— Третий год пошел, как служу егерем. Поначалу думал, что не справлюсь. Охотники, знавшие меня, посмеивались: «Мягковат, а в этом деле и сила, и характер нужны крепкие». Вот и решил начальник управления проверить меня. Вызывает как-то к себе и говорит: «В селе Полетном живет Роман Хмелев. Промышляет на Золотом ключе. Опасный браконьер. Незаконно держит нарезное оружие, торгует мясом запрещенных к отстрелу зверей. Разоблачи и составь протокол».

Выслушал я задание, на автобус — и в Полетное. Охотничий сезон заканчивался. Было время вывозки мяса из тайги, потому Хмелева не было дома. «Попробую отыскать его зимовье», — решил я и, чуть свет перейдя Кию, подался на Золотой ключ. Сперва попадалось множество следов. Это подростки ходили за рябчиками и белками. Затем следы исчезли, подъем стал круче. Лишь к вечеру достиг Золотого. Но где находится барачек Хмелева — вниз или вверх по течению, на правом или на левом берегу — кто его знает. Решил подниматься вверх. Пристигла ночь. Разыскав сухой кедровый пенек, поджег его, вскипятил чай, поужинал, подтащил к костру широкую щепу от полусгнившего кедра, лег на нее, как на лавку, и уснул. Какой сон на морозе у костра, сам знаешь.

Утром, согрвшись чаем, снова вышел на поиски. Вот и след человека. Но куда и зачем он шел: на охоту или с охоты? Шагаю по следу, присматриваюсь, пересекаю звериную тропу. Вижу, что шедший впереди охотник интересовался кабаньими следами, ощупывал их рукой — проверял свежесть. «Ищет зверя, за ним идти бесполезно», — решил я. Долго еще пришлось бродить по лесу. Следы охотников встречались, да все старые. Совсем измучился. Ну, думаю, опять под кедром придется ночевать.

Но тут попадаетея мне свежий человеческий след — глубокий и частый. Отпечатки лосиных олоч, перевязанных веревками, выступали на снегу четко. Значит, несет тяжелую котомку. Иду за ним. Смотрю, на валежине снег вроде вздуло и ствол дерева кровью испачкан. Ясно, мясо несет. Вот и пустился его догонять. Много остановок сделал незнакомец, отдыхая на поваленных деревьях, много километров прошел я за ним и лишь к исходу дня вышел на торную тропу. Завела она меня в густой ельник. Смотрю — высокий лабаз, а на нем мешки с мясом, продукты разные. Значит, зимовье рядом. И точно, как вышел из ельника, увидел крохотную бревенчатую избушку, приткнувшуюся к самому косягу. Скинув рюкзак и карабин, открываю дверь, вхожу, осматриваюсь. На лавке сидит грузный мужчина и подшивает олочи. Здравуюсь.

— Здорово, здорово, — отвечает хозяин. — Как барачек мой нашел, к нему ведь затесок нет?

— Охотник охотника всегда найдет.

— Говоришь, охотник, а охота ведь закрыта, почто в лесу-то бродишь?

— Хмелева ищу.

— Чего его искать, к Хмелеву ты и попал.

— Я — егерь Добров, пришел проверить твои документы, посмотреть добычу.

Светло-серые глаза Хмелева сузились:

— Давай пообедаем, а там и проверять будешь. Только проверять нечего, все по закону добыто. Лицензии у меня имеются.

Поставил он на стол две алюминиевые миски, разлил горячие щи с жирной кабаниной, отрезал два толстых ломтя черствого белого хлеба.

— Может, рюмашку пропустишь с мороза?

— Не пью, — отвечаю, — а вот от щей не откажусь.

Ели молча. Спокойствие и гостеприимство хозяина начали колебать во мне уверенность, что Хмелев — злостный браконьер. «Может, клеветают на него соседи, завидуют удачливости на охоте?» — думалось мне. После щей пили чай, долго, не торопясь. К чаю вынул я из рюкзака кулек с конфетами и предложил хозяину:

— Угощайся, московские.

Но Хмелев отказался. Отодвинув кружку с недопитым чаем, он достал с полочки клеенчатый мешочек и протянул мне:

— Проверь.

Смотрю — охотничий билет в порядке, лицензия на двух кабанов.

— А где разрешение на нарезное оружие? — спрашиваю.

— Зачем оно, нарезного оружия у меня нет.

— А сколько ты всех зверей убил?

— Двух кабанов, трех медведей.

— Завтра покажешь мне туши убитых зверей, а сейчас давай отдохнем. Утомился я, разыскивая тебя, ты же адреса своего не оставил.

На следующее утро Хмелев встал чуть свет, а я, лежа на нарах, рассматривал тесное охотничье жильё.

— Что так низко потолок сделал, того и смотри лоб расшибешь?

— Да строить-то одному пришлось, вот и смизюрил. Зато в таком барачке теплее, дров меньше идет.

После завтрака хозяин предложил:

— К чему в тайгу ходить, и так все ясно. Медведи лежат недалеко, а кабаны разделаны на куски, в мешках смерзлись.

— Ясно, да не совсем. Вчера я около твоего лабаза проходил, на нем лежит восемь мешков с мясом. Набиты под завязку. Ты же знаешь, что мясо двух даже крупных кабанов можно сложить в три мешка, а чем еще пять мешков набито?

— Сбой всякий — головы, ноги, шкуры.

— Надо посмотреть, что там за шкуры.

Видя, что меня провести трудно, Хмелев решил подкупить покаянием. Хмурясь, он заявил:

— Нечего смотреть. Добыл я четырех кабанов да изюбришку. Сам посуди: одного, почитай, целиком съел, пока охотился. За вывозку надо дать, по договору за лицензии, а там и семье нужно оставить. Ведь у меня шесть гавриков растёт, прокормить надо.

— Вот с этого и начинал бы, — говорю ему, а сам достаю бланки протоколов.

Хмелев поник головой, вроде даже слезы навернулись на его глаза:

— Нет у вашего брата, егеря, души. Вам сознайся — так сразу в протокол запишете, а там плати штраф, хоть дух из тебя вон.

— Что ты лишнего зверя съел, — возразил я, — про-

ститительно, на то ты и охотник, не умирать же тебе с голоду, когда кругом мясо ходит. Детишек кормить тоже нужно. А зачем же твоя жена на базаре кабаниной торгует, сало медвежье по пять рублей за килограмм продает? Выходит, ты обогащаешься за счет народного добра. Это уж допустить нельзя.

— Да какое же это обогащение? Ну, продала Марфа мяса в прошлом году на сто рублей, так они и ушли на обутики да одежонку школьникам. Это «обогащение» мне кровавыми мозолями обходится.

— Выходит, что и семью ты содержишь за счет браконьерства. А как же тогда живут тысячи честных охотников, не нарушающих законов? — спрашиваю Хмелева. — Ведь ты за пушнину получил шестьсот рублей. Вот на эти деньги и укладываться надо. Но преступать закон не смей.

Составил я протокол, а сам думаю о трудной жизни охотника с большой семьей. Стало мне жаль Хмелева.

— Ну, ладно. Пиши заявление начальнику управления охотничьего хозяйства, чтобы выдали тебе дополнительно две лицензии на кабана и одну на изюбра. Заплатишь государству тридцать шесть рублей, а я похлопочу за тебя, но смотри, если попадешься на браконьерстве, — не помилую.

Провожал он меня радостный, клялся строго соблюдать охотничьи законы — ведь ему грозила уплата иска за браконьерство, превышающего тысячу рублей. «Вряд ли он повторит подобное, и не придется больше встречаться с ним», — думалось мне на обратном пути. Да не так оно все обернулось.

Летом из Полетного сообщили: Хмелев убил медведицу, распродает мясо. Пришлось снова выезжать в поселок. Роман на этот раз оказался дома.

— Говорят, на медведей летом охотишься, закон нарушаешь.

— Да какая это охота. Едва шкуру свою спас: медведица сама напала. Хорошо, дробовичишко при себе имел, а то бы конец.

Попросил подробней рассказать о нападении медведицы, ну, он и давай мне врать:

— Решил я накопить сена в лесу на ключе, что впадает в Кию выше брода. Облюбовал полянку, а на ней — голубичник. Поставил палатку. Ружьишко рядом на лесину повесил для охраны. Вышел чуть свет, да не прошел с косой и одного ряда, гляжу — медвежонок голубику ест. Захоте-

лось мне его поймать. Схватил за уши, а он как заскулит и ну царапаться когтями, что кошка. Понес я его к палатке, когда, слышу, за спиной медведица заухала. Оглянулся — бежит ко мне на махах. Бросил я медвежонка, едва успел добежать до ружья, а медведица уж рядом. Ну и стрелил ей в грудь. С одной пули завалил. Не гноить же мясо. Сходил за лошадью и вывез в деревню.

— Продавал?

— Маленько.

— А куда медвежью голову дел?

— Собакам выбросил.

— Пойдем, поищем, авось не съели ее собаки.

Медвежью голову нашли в кустах на задворках. Осторожно разрубил я ее пополам, смотрю — сплющенная винтовочная пуля.

— А говоришь, из дробовичка и в грудь? Не медведица на тебя напала, а ты на нее. Решил медвежатинки добыть. Пора сенокосная, мясо продать выгодно можно, вот и подался на охоту. К медведице сзади подходил, а когда она подняла голову, уложил ее из винтовки в затылок. Потом, когда медвежат увидел, сказку о нападении придумал. Ты ведь мужик хитрый: чтобы не было сомнений, в грудь мертвой медведице из дробовика выстрелил. Надо же себя перед народом героем выставить: «зверь-де на меня грудью пер, на пять шагов подпустил...» Зря я тебя тогда, на Золотом, простил. Поверил, что не будешь браконьерничать. Но теперь тебе от суда не уйти. К делу я и пулю эту приложу.

Составил я протокол и вернулся в Хабаровск. Оштрафовали Хмелева, а мне поручили другого браконьера обезвредить, так и началась моя егерская служба. Я ведь раньше промысловым охотником был. За зверем интереснее ходить, чем за браконьерами, но моя жена другого мнения. «Зайцы да рябки — потерянные деньки», — часто говорит мне. Да ведь не довольство, а охота человека тешит.

Мне казалось, что я едва закрыл глаза, а вот уже надо вставать, наступило утро. Завтрак состоял из крепкого чая, гречневой каши и черных сухарей. Добров не торопился:

— К чему спешить. Пускай зверь с лежки поднимется, свежий след даст.

Солнце взошло над лесом, а мы все сидели и обсуждали план действий. Взглянув на часы, Добров уверенно заявил:

— Через полчаса выйдем, в двенадцать часов след возьмем, в час — стрелять будем, в два — чай кипятить, в три — возвращаться в палатку.

Я воспринял эти рассуждения как шутку: ведь охота — во власти случайностей. Как тут можно предугадывать, что и когда будет. Выйдя из палатки, Добров набросил ремень карабина на правое плечо, при этом карабин оказался горизонтально к земле, дулом назад. В таком положении винтовка не мешала на ходу и одним рывком могла быть брошена прикладом к плечу, что облегчало скорый прицельный выстрел.

— Куда же мы пойдем? — спросил он и тут же зашагал вдоль ключа. Я последовал за ним.

Много разнообразных лесов в нашей стране, но дальневосточные кедрово-широколиственные леса неповторимы. Все в них поражает путника: видовое разнообразие растительности и гигантский рост деревьев, невообразимое обилие валежника и наличие дряхлых дуплистых пней, напоминающих огромные трубы. Мы идем с Добровым пологим косягом, зорко присматриваясь к следам. Яркие солнечные лучи легко пронизывают кроны лип и ясеней, лишенных листвы, и потому вокруг светло. Местами взгляд проникает в глубь леса на сотни метров. Поползни и синицы, сойки и дятлы деловито осматривают ветви деревьев, шуршат старой корой, звонко перекликаясь на все голоса.

Куда только девалась медлительность и флегматичность Доброва! Впереди шел упругой походкой юркий человек. Малый рост и худощавость помогали ему легко проникать сквозь непроходимую чащу леса. Он быстро находил малейшую лазейку между нагромождением поваленных деревьев, ловко пробирался через сплетения лиан и при этом не задевал за ветки ни ружьем, ни рюкзаком. Иногда мне казалось, что Добров не совсем удачно выбирает путь. Желая блеснуть своим умением ходить по лесу, я порой удалялся от него в сторону, намереваясь раньше достичь вершины сопки. Но сколько ни прилагал усилий, неизменно отставал от своего проводника — он всегда поднимался раньше меня на любой водораздел. Вскоре я убедился, что Добров ходит по лесистой, сильно пересеченной местности, словно перед его глазами компас. Он не просто избирал наиболее прямой и короткий путь, но и удивительно ловко обходил все крутяки и овраги, густые заросли и крупный валежник, избегал заболоченных мест. И получалось это

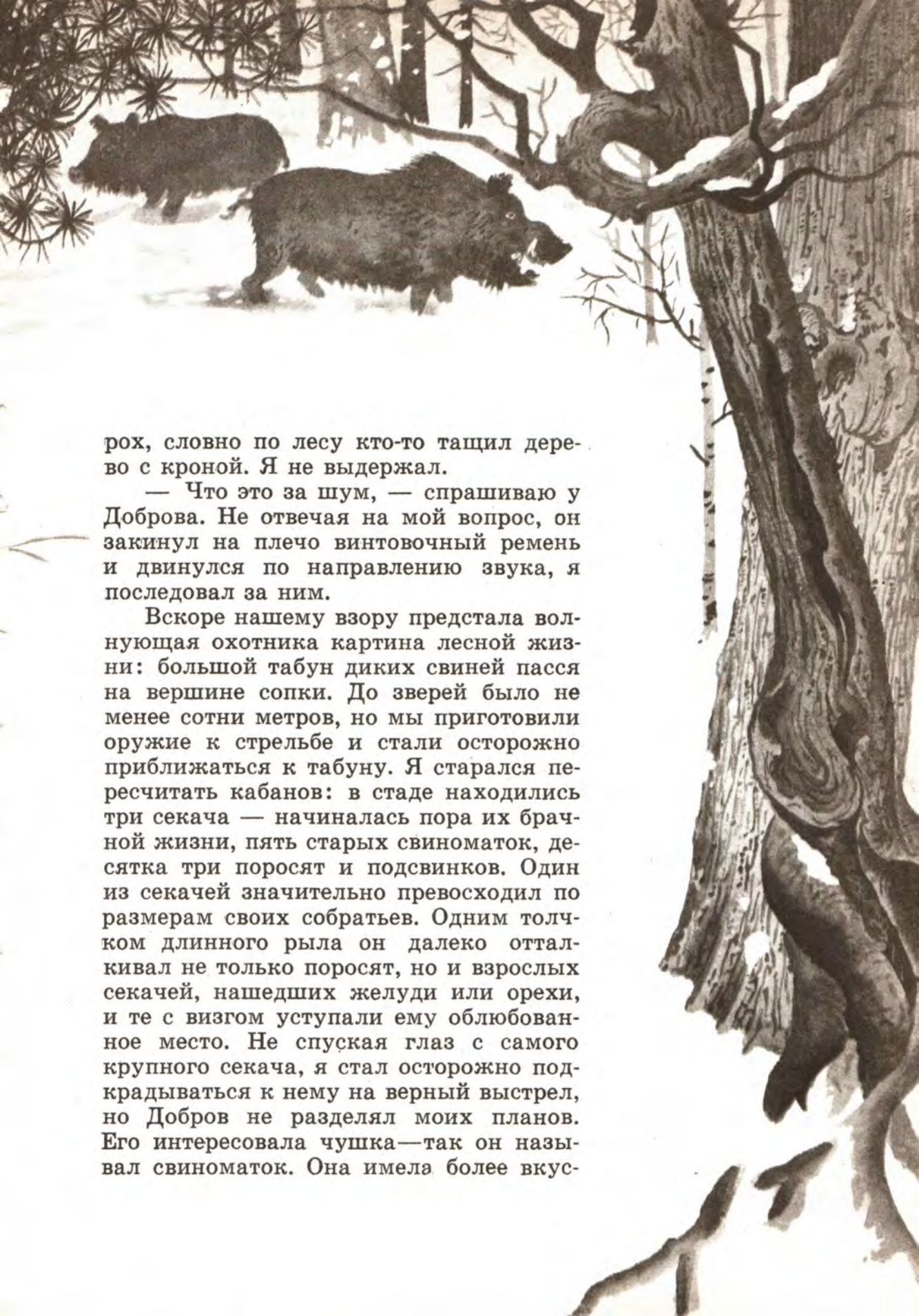

у него само собой, инстинктивно. Так искусно ходить мог только человек, для которого лес — родная стихия.

Говорил он в пути мало, а его глуховатый голос уже в нескольких метрах от него замирал, словно запутавшись в густом сплетении ветвей. Увидав летящую над головой ворону, Лазарь остановился:

— Есть у нас поговорка: ворона впереди летает — мясо гадает.

Поднявшись на одну из ближних сопок, мы сели на ствол поваленного кедра. Ни одна капля пота не выступила на лице Лазаря, хотя позади осталось несколько крутых подъемов. Ветерок наполнял лес невнятным шумом. Отдыхая, выбирали орешки из поднятых по пути кедровых шишек, прислушивались. Вдруг уловили сильный шо-

рох, словно по лесу кто-то тащил дерево с кроной. Я не выдержал.

— Что это за шум, — спрашиваю у Доброва. Не отвечая на мой вопрос, он закинул на плечо винтовочный ремень и двинулся по направлению звука, я последовал за ним.

Вскоре нашему взору предстала волнующая охотника картина лесной жизни: большой табун диких свиней пасся на вершине сопки. До зверей было не менее сотни метров, но мы приготовили оружие к стрельбе и стали осторожно приближаться к табуну. Я старался пересчитать кабанов: в стаде находились три секача — начиналась пора их брачной жизни, пять старых свиноматок, десятка три поросят и подсвинков. Один из секачей значительно превосходил по размерам своих собратьев. Одним толчком длинного рыла он далеко отталкивал не только поросят, но и взрослых секачей, нашедших желуди или орехи, и те с визгом уступали ему облюбованное место. Не спуская глаз с самого крупного секача, я стал осторожно подкрадываться к нему на верный выстрел, но Добров не разделял моих планов. Его интересовала чушка — так он называл свиноматок. Она имела более вкус-

ное и жирное мясо, к тому же без каких-либо неприятных привкусов и запахов. Секачами Лазарь пренебрегал и стрелял их лишь тогда, когда не было другого выбора. Так поступил бы Добров и на сей раз, если бы не моя горячность. Пока он не торопясь подбирался к чушкам, я подошел к крупному секачу настолько близко, что мог хорошо рассмотреть его. Мощное клинообразное тело зверя с несуразно длинной головой и высокой холкой, напоминающей горб, покрывала черная щетина. Белые острые клыки нижней челюсти торчали в стороны, а верхние, закругляясь полукольцами, упирались в верхнюю губу. Громко чавкая, секач без усилий раскалывал крупные маньчжурские орехи и с хрустом перетирал скорлупу вместе с ядром коренными зубами. Я несколько раз прикладывался к винтовке, но мне постоянно мешали ветви кустарников. Низкорослое животное все время скрывалось то за деревьями, то за густым орешником. Легкий ветерок потягивал в нашу сторону, и звери не могли почуять людей. Но расстояние между нами было так мало, что они могли рассмотреть нас даже своими подслеповатыми глазками и поднять тревогу. Это усиливало мое нетерпение. Табун медленно двигался нам навстречу.

Добров уже выбрал наиболее жирную чушку и не спускал с нее мушки карабина, выжидая момент, когда она выйдет на чистое место. В это время один из молодых секачей подошел к хозяину табуна и тут же получил встрепку. Рывкнув по-медвежьи, черный секач ринулся на серого, ударил его клыком и обратил в бегство. Преследуя соперника, черный секач выскочил на чистое место и остановился в вызывающей позе. «Поубавлю-ка я тебе пыл», — подумал я и подвел мушку карабина чуть-чуть выше черты, разделявшей белизну снега и черноту туши зверя. Грянул выстрел.

В одно мгновение все пришло в хаотическое движение. Секач, в которого я стрелял, резво развернулся и на широких махах пустился вскачь под сопку. Несся он столь стремительно, что не успевал отклоняться от молодых деревьев. Налетая на них, он выворачивал с корнем елочки и пихты толщиной с оглоблю. И сколько я мог видеть, он, не сбавив скорости, исчез в зарослях.

Я оглянулся. Добров стоял невдалеке. Лицо его было спокойным и не выражало ни малейшей досады из-за моей поспешности.

— Лазарь! Что же ты не стрелял?

— А кого?

— Да хотя бы секача.

— Зачем он мне. Я все ждал, что чушка из-за кедры выйдет.

Мы подошли к тому месту, где стоял секач в момент выстрела.

— Ни шерстинки, ни кровинки, — заметил Добров.

— Неужто промазал?

— Это еще неизвестно. Пройдем по следу. Может, где-то и захватило.

Спускаемся с сопки, рассматривая маховые кабаньи следы. Никаких признаков ранения. Просто секач испугался близкого выстрела. Я готов отступить от преследования, но Добров не бросает следа. Долго бредем за ушедшим зверем. Ворчу, что напрасно тратим силы и время: разве можно догнать испуганное животное?

— Видишь, на снегу слюна чуть-чуть розовая, значит, задел легкие, а говоришь — напугался... Теперь поглядывай в оба.

Мы двигаемся дальше, старательно всматриваясь в лесную чащу, куда уходит свежий след. Вдруг шедший впереди Добров бросил к щеке приклад ружья, я машинально последовал его примеру и тут же в нескольких метрах под густой елью увидел секача. Он стоял к нам задом, слегка повернув голову и прислушиваясь к нашим шагам. Щетина на его спине поднялась дыбом: он увидел людей.

Два выстрела прозвучали одновременно. Кабан упал, затем сделал попытку подняться и снова повалился на бок. Подходим вплотную, держа оружие наготове. От секача исходил резкий мускусный запах. Предположение Доброва подтвердилось — первая пуля едва задела край легких.

Выпотрошив тушу, Лазарь набил внутрь ее снега, а я вставил в рот кабана обрубок толстой ветки. Замерзнув, челюсти будут держать этот обрубок мертвой хваткой. Набрасывай на него петлю и с помощью лошади выволакивай добычу. А пока кабан будет находиться в лесу, его нужно хорошо укрыть еловыми ветвями от ворон и мелких хищников.

Работа окончена. Разводим костер, кипятим чай. Я смотрю на часы — без пяти минут два. Распорядок нашей охоты, шутливо установленный Добровым, выдержан поразительно точно. Вечером мы вернулись в палатку. Охотничья

удача быстро снимает усталость, действует возбуждающе. После обильного ужина разговорились о медведях, и тут Добров поведал мне грустную историю из его охотничьей практики.

— Некоторые считают охоту на кабана-секача опасной. Но я не припомню случая, чтобы зверь этот напал на человека и тем более убил его, если кабана не преследовать. Не таков бурый медведь. Старый медведь-шатуна — мы его называем стервятником — опытный убийца копытных зверей. Он хорошо знает вкус крови, и если очень голоден, сам может напасть на человека.

Однажды вызывает меня инспектор и дает задание выехать в Верхнебуреинский район и уничтожить медведя-шатуна, повадившегося драть домашний скот и пугать людей. Прибыл я в деревню Еловку, в окрестностях которой разбойничал медведь. Хорошие охотники ушли далеко на промысел, а те, кто остался, не могли справиться с ним. Разыскал общественного охотинспектора Авдеева, и двинулись мы с ним на поиски «черной немочи», как окрестили мужики шатуна. След, помню, взяли сразу, но и поводил он нас по сопкам! Отпечатки пальцев и длинных когтей четкие, осадка на снегу малая — значит, зверь очень худ, истощен, а худой медведь, известно, ходит резво.

Перевалили Туран. Медведь начал петлять: то вдоль речки идет, лосиными следами интересуется, то вдруг в сопки направится, почуяв, видимо, запах сохатого. «Если задавит сохатого, далеко не уйдет, — решили мы, — будем ставить палатку и брать скрадом». По следам было видно, как он пытался подкрасться к пасущимся лосям, гнал за ними, стремясь загнать в заросли стланика. Но лоси вовремя разгадали замыслы своего врага и, развернувшись, ушли в ключ. Напрасно медведь пытался выгнать их на лед. Лоси пошли кочкарником, по которому медведю трудно их преследовать, и он вскоре оставил их в покое.

После неудачной охоты за лосями шатуна направился по берложьим местам в надежде задавить своего собрата. Пришлось нам заночевать на его следах, а на следующий день возобновить преследования. К исходу дня подошли мы к медвежьей берлоге. Снег вокруг утопан, клочья черной и бурой шерсти, кровавые пятна на снегу... Видать, здесь случилась схватка между двумя медведями, но кончилась вничью. Идем дальше. На подъеме звери бредут широкими шагами, а под гору несутся вскачь, делая порой двухметро-

вые прыжки. Следы вывели нас в старую гарь. Склоны сопки, изрытые глубокими оврагами, просматривались хорошо, но идти по крутякам было очень трудно. Мы, как на лыжах, скатывались с обрывов и снова карабкались по крутым склонам. Еще труднее приходилось медведю, поднятому из берлоги: больно жирный — отпечатки лап глубокие и когтей почти не видно. Такой медведь не способен на долгий бег, вот-вот его должен был настигнуть шатун.

Поднявшись на одну из сопки, я вдруг увидел на противоположном косогоре медведя. Он лежал около поваленного ветром дерева и, видимо, дремал.

— Что будем делать? — спрашиваю Авдеева. — Подхода к зверю нет: сверху — мелкий орешник, снизу — обрыв.

— Придется отсюда стрелять, — отвечает он.

— Давай стрелять с упора разом вместе по моей команде, — предлагаю я, — и как встанет на ноги, стреляй без команды, пока не сунется.

Прислонили стволы винтовок к деревьям, выцеливали не торопясь и ударили залпом. Медведь вскочил и крупными прыжками понесся на вершину сопки, а мы давай палить ему вслед. Набирая скорость, зверь перемахнул через перевал и скрылся. Молча спустились мы на дно оврага и начали карабкаться по косогору к тому месту, где лежал медведь. Не терпелось скорее определить, ранен ли зверь. Поднялись — и глазам не верим: за поваленным деревом лежит мертвый бурый медведь. От неожиданности Авдеев чуть не пальнул в него.

Подойдя к мертвому медведю, я приподнял его лапу и попытался перевернуть на бок, но он оказался очень тяжелым. Это был тот самый медведь, за которым гнался шатун.

— Что-то не видно следов драки? — спросил Авдеев.

— Дрались они на вершине сопки. Там его шатун и прикончил, а потом стащил на край оврага к валежине: видишь, вóлок с сопки. Здесь ему спокойнее было пожирать свою добычу, по таким местам не только охотники, даже волки не ходят. На ползимы еды хватило бы. Давай-ка теперь посмотрим, не попало ли шатуну.

Осмотрел я истоптанный медведем снег, кустарник — ни срезанного пулей волоса, ни кровавых брызг. Выходит, промахнулись. Ведь для рикошета пули бывает достаточно на ее пути одного мерзлого прутика и даже травинки. По следам было видно, что медведь сильно испугался выстрелов. Возможно, что пуля какая-то его все-таки слегка задела —

уж очень долго он мчался широкими прыжками. И только перебежав речку, шатун успокоился, перешел на шаг. Начал было подниматься на водораздел, но тут его снова что-то встревожило, и давай он перемахивать через кусты.

До вечера гнались мы за ним. Смертельно устали. Заночевали на следах, а утром решили, что погоня бессмысленна, и повернули обратно. Так ни с чем и вернулся я в Хабаровск. А через месяц пришла телеграмма из Еловки: медведь убил старшеклассницу Надю Ивашину, приехавшую на зимние каникулы к родителям.

— Вот к чему привел твой промах, — заявил мне старший госохотинспектор. — Отправляйся опять на Бурею и без головы этого медведя не возвращайся.

Не буду рассказывать про горе родителей погибшей девушки. С медведем она столкнулась вечером, когда шла через огороды навестить подругу. Здесь он ее и схватил. Охотники потом гнались за ним двое суток, но безуспешно.

Никогда в жизни я не преследовал зверя с таким яростным желанием убить. На мое счастье, шатун наткнулся на добытого каким-то охотником лося. Наевшись до отвала мяса, он перетащил тушу в густые заросли лиственничника, загреб ее снегом, завалил валежником и лег рядом. Попробуй-ка сунься!

Все это я рассмотрел после, а тут, с ходу, увидев несколько одинаково свежих медвежьих следов, растерялся: какой из них последний? Пробираюсь сквозь густые заросли, а сам оглядываюсь по сторонам — хочется застать медведя на лежке. Снег был пушистый, двигался я бесшумно, но медведь почуял меня раньше, чем я его увидел. Получилось так, что мы скрадывали друг друга, и лишь выйдя на поляну, каждый увидел своего противника. Я замер, а медведь, рывкнув, перешел в атаку. Делая высокие прыжки, он быстро приближался ко мне. Теперь все зависело от верности моего выстрела. Вскинул я карабин и, поймав на мушку его широкий лоб, выстрелил почти в упор. Тихим послышался мне выстрел, словно дерево лопнуло от мороза, но медведь мгновенно сунулся головой в снег и, перевернувшись через спину, едва не задел меня задней лапой.

В страшные минуты своей жизни я всегда действовал спокойно, не торопясь. В руках появлялась уверенная твердость. Лишь после, когда опасность проходила, меня охватывала какая-то слабость, по телу пробегала дрожь. Так было и на сей раз.

Постояв несколько минут без движения и убедившись, что зверь мертв, я подошел и потрогал его ногой. При виде убитого матерого хищника я не испытывал всей полноты радости: угнетало сознание, что поздно уничтожил его. Время все приглушает, но долго не мог я простить себе, что тогда с Авдеевым упустил опасного зверя на горе людям.

В Хабаровск мы с Добровым вернулись большими друзьями. Прощаясь со мной, он протянул на ладони стертый медвежий клык:

— Того шатуна... Возьмите на память.

С тех пор храню его и вспоминаю о Лазаре Доброве — замечательном охотнике и прекрасном человеке.

ЗА СЛОНОВОЙ КОСТЬЮ

«Ждем у моря погоды»

В кабинет директора Хабаровского краеведческого музея вошел низкого роста пожилой человек.

— Иван Григорьевич Сотов, — назвал он себя и протянул мне руку. — На дне реки Иоткан лежит большой бивень мамонта. Я смотрел сейчас клыки, выставленные в вашем музее, — он больше. Если интересуетесь, могу показать свою находку.

— Позвольте, но до Иоткана далеко. Ведь он впадает в Маю.

— Абсолютно верно! — подтвердил Сотов. — Сядем на самолет и сегодня же вечером будем на месте.

Предложение Сотова становилось заманчивым, и я согласился.

До Курун-Уряха шесть летных часов. Обычно в сентябре на побережье стоит хорошая погода, но нам не повезло. Нынешняя осень оказалась дождливой, и самолеты в течение двадцати дней не летали на Север. В Николаевске-на-Амуре мы «засели». Ветер наносил с моря низкие тучи. Частый мелкий дождь, подхватываемый ветром, падал не сверху, а как-то сбоку. Но к концу дня дождь прекращался, сквозь тучи проглядывало солнце, и я спешил к диспетчеру.

— Север закрыт, погода нелетная, — лаконично отвечал распорядитель полетов.

Бывали дни, когда на безоблачном небе сияло солнце, но хребты Джугджура кутались в дымчатые облака, пробиваться сквозь которые было опасно. И мы снова «ждали у моря погоды». Да, на Севере для авиации страшны не расстояния, а погода, которая на побережье весьма неустойчива и капризна.

Прождав несколько дней, мы наконец сели в АНТ-2 и взяли курс на Север.

Сентябрь позолотил склоны убегающих к горизонту сопкок. Необозримые речные долины напоминали цветистый ковер со спиральным орнаментом вьющихся рек и проток. До зимы еще далеко, а угрюмые безлесные горы Джугджура уже покрыты глубоким снегом. Будет ли эта каменистая пустыня служить когда-нибудь человеку? За хребтом облачно. Приходится подниматься на большую высоту (не возвращаться же назад!). Самолет долго идет над волнистым белым морем, прежде чем решается пробиться сквозь густую пелену тумана. Но вот самолет пронизывает толщу облаков и, круто развернувшись, идет на посадку. Под крылом бегут навстречу маленькие бревенчатые домики Нелькана. Лететь дальше нам не разрешают.

Я спрашиваю Сотова, что означает на эвенкийском языке слово Джугджур?

— Прохода два, — отвечает он.

Действительно, эта малодоступная горная цепь имеет два низких, удобных перевала.

Нелькан — старинное русское село

Поселку Нелькан немало лет. Когда-то он стоял на оживленной дороге из Европы в Америку. Через него проходил тракт, связывавший Якутск с Аяном. Во времена В. С. Завойко из Якутска в Аян по зимней дороге на лошадях до-

езжали за неделю и, конечно же, останавливались в Нелькане.

Село расположено на каменистом склоне невысокой сопочки, поросшей березово-лиственничным лесом. Его бревенчатые домики спускаются к самому берегу Май. В центре села на холме высится срубленная из отборных толстых лиственничных бревен церковь. Невдалеке братская могила героев, павших в годы гражданской войны на Дальнем Востоке. В поселке имеются несколько магазинов, двухэтажное здание школы, здание интерната, больница. Нелькан — центр оленеводства Аяно-Майского района. Здесь разместилось управление совхоза.

Добыча золота, пушнины и разведение северных оленей — основные отрасли хозяйства этого гористого и мало-заселенного района. В совхозных стадах насчитывается около 16 тысяч оленей.

Северный олень! Трудно представить себе жизнь в тайге и лесотундре без этого неприхотливого транспортного животного. Не требуя от человека почти ничего, олень дает ему многое: жирное мясо, густое, словно сметана, молоко, теплую шкуру, из которой можно шить дошки, шапки-ушанки, унты и чулки. А какие красивые коврики-камаланы выделывают умельцы из кожи, снятой с оленьих голов!

Шкуру оленя обрабатывают под замшу, изготавливают из нее сбрую и одежду, походные переметные сумы и многое другое. Сухожилия используют для приготовления ниток, применение которых стало возможно даже в медицине. Некоторые ученые утверждают, что неокостеневшие рога самцов имеют те же лекарственные вещества, которые есть в пантах благородных оленей. На оленях перевозят грузы в нартах, на них ездят верхом. Олень сам добывает себе пищу, выкапывая из-под снега свой любимый корм — ягель. И где нет ягеля, не встретишь и оленя.

Оленеемкость окружающих пастбищ позволяет увеличивать поголовье оленей, и следовало бы эту отрасль сельского хозяйства обеспечить специалистами высшей квалификации, но, к сожалению, во всех институтах Сибири сельскохозяйственного профиля мы не найдем ни одного оленеводческого факультета. Не интересуется этими ценными животными и статистика. В бланках отчетности, рассылаемых в северные районы, есть пчеловодство, но не значится оленеводство. В Дальневосточном научно-исследовательском институте сельского хозяйства в штате нет оленевода.

В Нельканском совхозе до сего времени не используют шкуры и рога оленей. После забоя их попросту выбрасывают, а ведь это прекрасное сырье, которое могло бы иметь спрос даже за границей!

Широкая главная улица поселка, некогда поросшая низкой стелющейся травой, радовала глаз. Еще недавно по ней весело бегали в школу ребяташки. Теперь они вязнут в непролазной густой грязи. Как ни парадоксально, но породила ее цивилизация — современная техника.

Теперь во многих поселках трактор стал разрушителем и загрязнителем улиц, и люди бессильны заставить эти машины ходить по задворкам. Хочется верить, что все же они это сделают.

Прекраснейшая из прекрасных

Я сижу в добротном бревенчатом доме Николая Николаевича Дьячковского — звенка-охотника, старожила Нелькана. Ему идет восьмой десяток. Болезнь не позволяет отправиться на промысел белки, которой так славится на Дальнем Востоке Аяно-Майский район. Прошу хозяина передать музею семейную реликвию — подарок его отца — кремневую малопульку.

Не одну тысячу белок добыл старый охотник из этого шомпольного ружья, выкованного якутскими мастерами. На замке дата выпуска — 1826 год и непонятный для меня набор букв: С. Т. Р. Ц. К. Канал ствола — шестигранный, ложе прямое, березовое.

Каждому охотнику трудно расставаться с ружьем, если оно в течение многих лет не подводило. Николай Николаевич ласково проводит рукой по граням приклада, словно желая смягчить горечь разлуки с любимым другом.

Я успокаиваю его тем, что ружье будет выставлено в музейной экспозиции и сотни тысяч зрителей оценят его по достоинству.

Вечером зашел в школу. Приближался День учителя, к которому и готовились сельские артисты. Молодая учительница пения Тамара Пакулова приглашает принять участие в репетиции.

— Разве что спеть арию Варяжского гостя, — отшучивался я. Эта симфония Римского-Корсакова не выходила у меня из головы во время полета над Охотским побережьем. В облике Тамары много обаятельного — большие вырази-

тельные, слегка грустные глаза того неопределенного цвета, какого бывает вода в морском заливе в облачную погоду. Густые гладкие волосы, спускающиеся двумя тяжелыми прядями на виски, придавали лицу античную строгость. Тихо, но мелодично звучит ее певучий, западающий в душу голос.

Аккомпанируя себе на баяне, она с большим чувством исполнила песню на слова Есенина «Не жалею, не зову, не плачу». Я долго находился под впечатлением этой песни, столь импонирующей моему возрасту и осеннему времени.

Ранним утром вышел на берег Май. Нас ожидала быст-роходная моторка. Нелетная погода затянулась надолго, и я решил съездить в Джигду.

Быстро и плавно катит светлые струи Мая, но не в Ти-хий, а в Ледовитый океан. Прокладывая русло среди невы-соких сопок, поросших то сосновыми борами, то листвен-ничниками, она поражает взор путника живописными панорамами. Каменистые кручи, бронзовеющие сосняками, сменяются тихими речными заливами, заросшими ивняком и тополями.

Название реки Мая произошло от эвенкийского Майтэ, что означает «прекрасная из прекрасных».

С этим нельзя не согласиться!

По этой реке в 1639 году поднимались на лодках отваж-ные землепроходцы во главе с Иваном Москвитиным — первооткрывателем Севера нашего края.

С быстротой ветра скользим мы вниз по течению. На-встречу птицей проносится легкая дюралевая лодка с мо-тором «Вихрь».

— Это нельканский плотник поехал, у него восемь под-весных моторов — целая коллекция! — смеется наш мото-рист.

Джигда — село овощеводов, животноводов и охотни-ков. Здесь выращивается для Нелькана картофель и капу-ста, надаивается до тысячи центнеров молока. А вот масло приготавливается примитивно: сметана загружается в обыкновенную стиральную машину, и она выполняет функ-цию маслобойки.

Местный охотник сообщил мне, что недалеко от быв-шего поселка Цыпанда, располагавшегося в низовьях Май, есть огромная пещера с подземным озером.

Вечером мы вернулись из Джигды в Нелькан. Безоблач-ное небо предвещало хорошую погоду.

Бивень мамонта

Мы летим к Майскому нагорью — туда, где маленький ключ Курун-Урях впадает в Иоткан. На этом ключе, у известковой сопки, поросшей сосной, приютилась эвенкийская деревушка того же названия. Курун-Урях в переводе на русский язык — Горелый ключ. Мая течет здесь широкой заболоченной долиной. Из иллюминатора видны огромные кучи промытой породы — результат работы золотоискателей. В Курун-Уряхе 2-е отделение Нельканского оленеводческого совхоза, «Красная яранга», которой заведует И. Г. Сотов, здесь же живут геологи. В селе работают школа, медпункт, отделение связи. От посадочной площадки до деревни четыре километра. Приземлившись около одинокой избушки радиотехника, мы вышли из самолета.

На следующий день погода снова испортилась, но, несмотря на моросивший дождь, мы с Сотовым направились к месту его находки, которое находилось в шести километрах от деревушки.

— Вот в этом кривуне я его и увидел на дне, когда рыбачил. Достать было нелегко: глубина — четыре метра. Пришлось делать специальный багор.

Я внимательно рассматриваю извлеченный Иваном Григорьевичем обломок бивня. Пытаюсь с трудом поднять его с земли. В нем не менее пятидесяти килограммов. Достая сантиметр — длина 267, в обхвате 53 сантиметра. В результате ударов камней, передвигаемых горными потоками, бивень переломан посередине. Перед нами — нижняя его часть. Каким же огромным был этот зуб при жизни животного!

Мы разводим костер. Достая записную книжку. Подбрасывая дрова в огонь, Сотов просит рассказать о мамонтах. Мысленно переношусь в далекую, скрытую от нас десятками тысяч лет эпоху великого оледенения Земли.

...Выпадавшие глубокие снега не успевали оттаивать за лето. Прессуясь, они пропитывались водой, превращаясь в ледяные реки, медленно двигавшиеся по долинам и склонам гор. Сплошные льды наступали с севера, стирая с лица земли некогда пышную растительность, тесня на юг животных. Брели по заснеженным долинам молчаливые слоны, покрытые длинной шерстью. Тяжелыми бивнями они разрывали снег, доставая из-под него травянистую растительность — свой любимый корм.

Но не столько холод, сколько первобытный человек теснил этих миролюбивых исполинов. Мясо мамонтов было его любимой пищей. В ту далекую пору человек был вооружен камнем да деревянным копьём, но его более совершенный мозг помогал ему устраивать хитрые ловушки, сила мышц зверя уступала силе просыпающегося человеческого разума. Давно вымерли мамонты, лишь древние наскальные рисунки сохранили для нас сцены охоты на это могучее животное. Но не перевелись охотники за слоновой костью. Еще во времена Петра I был издан указ о собирании на Руси костей мамонта. Это делалось не только ради науки. Бивни мамонта — слоновая кость — являются ценным материалом, из которого можно вырезать художественные изделия. Особенно славятся в Сибири якутские и чукотские косторезы.

Сотов предлагает вывезти бивень к посадочной площадке на лошади. Мы возвращаемся в поселок. В пути он рассказывает о том, что на реке Ксондя часто встречаются кости мамонта. Придется со временем осмотреть и эту речку.

Погрузив бивень на самолет, я возвращаюсь в Нелькан, распрощавшись с Иваном Григорьевичем.

Какие колоссальные просторы, ждущие человека!

Не так давно среди моря таежных лесов были разбросаны маленькие поселки Кавалькан, Маймакан, Цыпанда, Тота, и как трудно было обеспечивать их население всеми видами культурного обслуживания и материального снабжения! Теперь с укрупнением Нелькана, где имеются квалифицированные кадры медиков, учителей, снабженцев, решать эти проблемы стало легче. А завезти охотников на промысел, оленеводов в стада при наличии в Нелькане вертолета не так уж сложно. И что бы ни говорили пессимисты, слияние мелких, далеко разбросанных по лесным дебрям деревушек в крупные села — процесс, оправданный самой жизнью.

Аянские мечтатели

Наконец установилась погода, и мы на моторной лодке выехали в нельканский «аэропорт». На летной площадке я встретился с секретарем райкома КПСС Василием Степановичем Охлопковым. В поездке по району его сопровождал председатель райисполкома Евгений Васильевич Москвитин. В ожидании посадки разговорились. Руководители района

горячо говорили о том, что пришло время начать строительство местной автотрассы Аян — Нелькан.

— Сами посудите, — убеждал Москвитин, — в бассейне Май растут не знающие топора корабельные рощи. Кому не известна аянская ель! Ее можно рубить и сплавливать до Нелькана, а из Нелькана вывозить на лесовозах в Аян. Жители Аяна смогли бы получать из-за хребта свежие овощи, молоко и другие сельскохозяйственные продукты. Эта трасса связала бы Тихий океан с Ледовитым — через Маю, Алдан, Лену.

При современном авиатранспорте завоз одного килограмма товаров обходится нам в 58 копеек. Протяженность трассы едва ли превысит 200 километров. Вести ее нужно по современному зимнику. Да и проект этой дороги есть. Выделили бы нашему районному дорожному участку три самосвала и два бульдозера С-100, так мы бы сами эту дорогу потихоньку выстроили.

Эта мечта имеет под собой реальную почву: ведь дорога, о которой шла речь, существовала в прошлом веке!

Мы садимся в самолет. Снова под крылом снежная гористая пустыня, но на побережье снега нет. Ярко расцвеченные осенью леса, ласковое солнце... «Тихо льется с кленов листьев медь...» — всплывают в памяти слова поэта, так выразительно переданные Тамарой в Нелькане.

Летчик делает круг над Аяном, и моему взору открывается живописнейшее место: обрывистый берег, застывшая синева Аянской бухты, чистый поселок с ровными как линейка улочками и подступающий к нему хвойный лес.

И я завидую тем, кто живет в этом романтическом морском селении.

РЕКА ЖИВОЙ ВОДЫ

В шестидесяти километрах на восток от Хабаровска течет по заболоченной, непроходимой равнине Немпту, прозванная охотниками Теплой речкой. Вода в Немпту и ее притоках отнюдь не теплая, летом она даже холоднее, чем в Амуре, но зато зимой местами не замерзает, и на ее заливах и ключах, лишенных льда, зимуют оляпки — водяные воробьи. В истоках эта река светлоструйная, стремительная, с перекатами и лесными заломами; в нижнем же течении, при впадении в мелководное Синдинское озеро, — медленная водная равнина.

Много подобных рек на Сихотэ-Алине, но в Немпту скрыта какая-то неповторимая особенность. У нее свой микроклимат, как говорят метеорологи. Я не находил в бассей-

не Немпту теплых, в полном смысле этого слова, источников, а вот места, на которых стаивает снег, словно под землей проложены горячие трубы, видел.

По берегам Немпту и ее притоков поднимается удивительно пышная растительность. Урожай всевозможных орехов и ягод повторяется здесь чаще, чем в соседних лесах, и бывает столь обильным, что ни люди, ни животные собрать его не в силах.

Особенно же славятся эти леса могучими высокоствольными кедрами. Многовековые темно-зеленые великаны господствуют над всеми деревьями. До сорока метров поднимаются в небо их столообразные вершины, усыпанные в урожайные годы золотистыми крупными шишками. Бывает так, что у самой земли тишина, не шелохнется пожелтевшая листва на кустарниках, а там, в вышине, мерно покачиваются от ветра мохнатые ветви, издавая невнятный шум, схожий с морским прибоем. Красновато-коричневые стволы трехсотлетних исполинов столь толсты, что иное дерево втроем не обхватишь. По своей девственности и чистоте мухенские кедровники не имеют себе равных во всем Приамурье!

Немпту и ее притоки очень богаты рыбой. Обычны хариус, ленок, краснохвостый таймень, а в нижнем течении — карась, сазан, щука. Осенью сюда ежегодно приходят на нерест из Тихого океана лососи.

Изобилие разнообразной растительности, обширные природные солонцы привлекают к себе изюбров, лосей, косуль, кабанов. А где скопления травоядных — там привольно живет хищникам, и не случайно, что истоки Немпту, особенно ее приток Мухен, облюбовали тигры. Эти лесные владыки живут здесь испокон веков, и хотя недалеко проходит северная граница их распространения по земному шару, чувствуют они себя в мухенских лесах превосходно, сравнительно многочисленны и нередко попадают на глаза человеку. Видимо, поэтому и названа причудливая скала, стоящая в истоках Мухена и напоминающая средневековый замок, Тигровым домом.

Сейчас в верховья Немпту попасть нетрудно: летают туда самолеты, можно доехать на поезде. А в пятидесятые годы охотникам приходилось брести десятки километров по топким болотам или по нескольку дней пробираться на мо-

торной лодке извилистой рекой. Заходило туда промысловиков немного, и зверя мало кто тревожил.

Неизгладимое впечатление произвела на меня Теплая речка, и хотя богат и разнообразен был ее животный мир, мне казалось, что в этом обширном и кормном зверином царстве с успехом могут разместиться новые ценные виды животных. В 1953 году решил я выпустить на ее берегу 75 штук американских норок, успешно акклиматизировавшихся на Анюе. До Сидими их доставили по железной дороге, далее везли на огромных санях, которые тащил трактор С-80. На берегу Теплой речки стояла тогда одинокая избушка лесника Морозова, как раз на том месте, где теперь расположен большой поселок лесорубов — Мухен. Около нее мы и остановились.

На следующий день семья лесника охотно приняла участие в разноске норковых клеток по берегу реки. Переселенцы быстро освоились на новом месте: корма всякого здесь было вдоволь, да и укрыться в зарослях от врагов нетрудно.

Морозов был человеком любопытным и, узнав, что норка питается рыбой, забеспокоился.

— Эта тварь всю рыбу теперь пожрет в нашей реке, — с сокрушением сказал он.

— Всю не съест, — утешал я Морозова. — Норка будет поедать прежде всего мелкую рыбу, «сорную»: гальяна, чебака, ну, конечно, мимо ленка и хариуса не пройдет, но ведь эта рыба в свою очередь уничтожает мальков кеты и этим приносит вред разведению морского лосося. Следовательно, норка станет защитником кеты. Да и не только рыбой питается норка. Она, как колонок, ест лягушек, полевок, очень любит раков. Разведем норок — ты же первый на них охотиться будешь.

Эти предположения подтвердились. Успех акклиматизации норки воодушевил меня на новые поиски. Вскоре я пришел к следующему заключению: обследованные места имеют большие запасы излюбленных кормов бобра — ивы и осины, характер берегов позволит ему устраивать норы, а медленное течение не будет помехой при строительстве плотин. Смущало только то обстоятельство, что бобры не привыкли к летне-осенним половодьям, когда вода поднимается на два-три метра, к обмелению рек зимой, относительно большому числу опасных хищников. Но должны же они приспособиться к этим неблагоприятным условиям!

Наконец наступил долгожданный 1964 год. Прибыла первая партия белорусских бобров, и мне довелось участвовать в выпуске их на Немпту. К всеобщей радости, бобры сразу основали устойчивую колонию, и на Дальнем Востоке образовался первый бобровый заказник.

Истоки Немпту и Мухена, впадающие в них реки Пунчи и Альчи, Большая и Малая Садама постоянно привлекают к себе зверовых промысловиков. Места здесь для охоты удобные: увалы пологие, высоких крутых сопок нет, заросли пихтачей, которых так избегают охотники, невелики. К тому же в течение всей зимы нетрудно поймать хариуса и ленка и скрасить свой стол ароматной ухой. А если походить в ноябре, пока еще не замерзли речки, то можно собрать тушки снулой отнерестовавшей кеты, чтобы затем положить ее куски для приманки в капканы.

Разнообразны здесь и объекты охоты: хочешь — ходи за белкой или ставь кулемки на колонка, лови капканом соболя, норку, выдру. Не хочешь заниматься пушниной — добывай медведя, лови тигров либо отстреливай копытных. Мне доводилось стрелять росомуху и индийскую куницу, лося и изюбра. Знаменитые охотники Хабаровска Иван Богачев, Аверьян Черепанов по многу лет охотились в этих местах. Не один десяток тигров взяли они, и первый документальный фильм о поимке владыки джунглей был заснят на Мухене. И. П. Богачев обычно заезжал на Мухен перед самым ледоставом. Окончив охоту, он дожидался вскрытия реки и, погрузив все охотничьи трофеи на большую лодку, привозил их к своему дому, стоявшему на берегу Амурской протоки.

Желание пополнить зоологические коллекции музея не раз заставляло меня братья за ружье и уезжать в знакомые мухенские леса. Последний раз я посетил Мухен в прошлом году. Сперва я приютился в зимовье на устье Альчи. Раньше оно принадлежало Аверьяну Черепанову, ловившему здесь тигров и молодых кабанов. Сейчас в нем хозяйничал Федор Проскуряков. Жил он в избушке вместе с женой. С утра уходил осматривать капканы на соболей и колонков, а жена ловила мелкую рыбешку, готовила обед, заготавливала дрова. Когда-то она работала на железной дороге, а теперь находилась на пенсии и охотно пошла с мужем в лесные дебри, чтобы хоть чем-то скрасить его тя-

желую жизнь промысловика. И эта мужественная женщина не роптала на тяготы лесной жизни, не пугалась зверей.

Как-то, преследуя бурого медведя, не залегшего вовремя в берлогу, я ушел далеко в лес, перевалив многие гряды сопок. Вокруг рос первобытный лес, куда, казалось, не ступала даже нога охотника. И вдруг увидел незнакомый след человека. «По соседству кто-то промышляет. Попробую разыскать его избушку», — думал я, шагая по следу. Вскоре я убедился, что незнакомец принадлежит к опытным охотникам и бывалым таежникам. Его интересовали старые берлоги и звериные следы. Но вот зачем он, казалось, без всякой нужды забирался на обрывистые выступы скалистых сопок и подолгу топтался на одном месте, словно изюбр на отстое? Вскоре я догадался, что попал на Садаму — реку, бегущую параллельно Альчи и впадающую в Мухен. Значит, и зимовье странного незнакомца должно стоять где-то поблизости.

След охотника неожиданно повернул вправо, уходя в сопки. День клонился к вечеру. Отказавшись идти по следу, я решил разыскать зимовье, придерживаясь берега реки. Обычно к охотничьим избушкам ведут затесы на деревьях, но здесь таковых не было. Оставалась надежда на новые следы, которые перед жилищем охотника сливаются в проторенную тропинку. В небе зажглись звезды, а долгожданной тропинки все не было видно. «Придется ночевать под кедром», — мелькнула было неприятная мысль, как вдруг под нависшей черной скалой блеснуло стекло. Я остановился и, внимательно осмотревшись, различил следы. Все они устремлялись к скале. Но где же зимовье? Медленно подхожу ближе. В свете полной луны проступили очертания необычного жилья, слепленного из бревен, земли и обломков скалы. Нащупав маленькую дверь, с трудом открываю ее и, сгибаясь, ползу на коленях внутрь землянки. Пахнуло теплом человеческого жилья. Найдя керосиновую лампу, зажигаю огонь, осматриваюсь. Строитель использовал отвесную скалу, приставив к ней две бревенчатые стены, наполовину вкопав их в землю. Получилась своеобразная землянка, у которой были три стены бревенчатые, а четвертая представляла собой сплошную каменную глыбу. Железная печь, придвинутая вплотную к каменной стене, нагревала ее, и она долго хранила в себе тепло, постепенно отдавая его жилищу. Покрывали землянку наклонно поставленные еловые плахи, присыпанные толстым слоем

почвы. Крохотное оконце выходило на юг. Сквозь незамерзшее стекло виднелась покрытая льдом Садама. На узких высоких нарах лежал воздушный резиновый матрац и пуховый спальный мешок. Но больше всего меня поразили химические реактивы на двух полках, бачки для проявления фотопленки и набор дорогих фотообъективов, по длине и форме напоминавших коллекцию подозрных труб. «Кто же хозяин этой таинственной избушки — ученый-исследователь или фотокорреспондент?» — терялся я в догадках.

Было позднее время, и я занялся приготовлением ужина. Избушка быстро наполнилась горячим воздухом, пришлось распахнуть дверь. В это время слышался скрип снега и громкое покашливание. На пороге показалась незнакомая фигура. Скинув с плеч ружье и рюкзак, человек протиснулся внутрь избушки и, глядя мне в лицо, протянул руку как старому знакомому.

— Шотин! — представился он. — А вы кто будете?

Я назвал себя. Шотин улыбнулся:

— Как на Садаму-то попали? — поблизости здесь никто не охотится. — После моего объяснения настороженность Шотина растаяла, он присел к столу и, пока мы ужинали, изредка задавал вопросы, избегая отвечать на мои. Беседа явно не завязывалась. Но когда легли на нары и погасили лампу, Шотин разговорился.

— Вы спрашивали меня, где проживаю, чем занимаюсь. Пенсионер я. Живу с семьей в Подмосковье. Пенсия приличная, в деньгах не нуждаюсь, имею благоустроенную квартиру, все хорошо. Да вот тоска сердце гложет. Невероятная сила влечет меня на Дальний Восток. Не могу простить себе, что уехал отсюда. Ведь четверть века прослужил я здесь в армии, ушел в запас майором. Затем работал охотоведом в военно-охотничьем обществе, полюбил зверовую охоту. А в последнее время увлекся поиском женьшеня. Бывало, неделями бродишь в девственных лесах Сихотэ-Алиня — и вдруг перед тобой таинственный «корень жизни»! В прейскурантах стоимость женьшеня достигает пяти тысяч рублей за один килограмм. Да разве дело в деньгах? Очень полезна для человека настойка этого корня. Я систематически пью ее, поэтому и не старею.

Очень увлекаюсь фотографией живой природы. Мечтаю тигра сфотографировать в естественной обстановке. Я убежден, что один удачный снимок живого медведя дороже сотни убитых. У меня уже сейчас накопился огромный фонд

негативов, кое-что опубликовано в книгах, журналах. Но эти увлечения не разделяют семья и близкие друзья. «Нельзя жить человеку одному в лесу — это опасно», — говорят они. А мне думается, что в современном городе опасностей еще больше. Здесь все просто и естественно. Меня окружают девственные леса, и душа наполняется радостью и спокойствием. По натуре я лесной бродяга. Отберут у меня ружье — пойду в лес с палочкой, но пойду обязательно. Не могу я жить без дальневосточной тайги, не могу...

Он умолк.

Мы долго лежали, прислушиваясь к монотонному шипению сырых дров, думая каждый о своем, пока сон не погасил наши мысли.

На следующий день я возвратился на Мухен.

В русских сказках волшебники воскрешают убитых богатырей, окропляя их тела живой водой. Я всегда вспоминаю эти сказки, когда иду к источнику нарзана, выбивающемуся на поверхность земли недалеко от Мухена. Узкая тропинка, проложенная охотниками и лесоустроителями, вьется по сумрачному пойменному ельнику и приводит к небольшой впадине, устланной крупной и мелкой галькой и наполненной бурно кипящей водой. Нагибаешься, чтобы зачерпнуть кружкой живительной влаги. Лицо обдает газ. В носу легкое покалывание, набегают слезы. Вода холодная, острая, приятная на вкус, как из шмаковского источника. Прекраснейший нарзан! Невозможно залпом выпить даже четверть кружки — так высока степень насыщения воды углекислым газом. Булькание воды в ключе столь сильно, что кажется, будто она кипит, подогреваемая скрытым огнем.

По утверждению геологов, мухенский нарзан по качеству не уступает шмаковскому. Запасы его велики. Какой дивный дар природы, и недалеко от Хабаровска! Пока этот нарзан пьют охотники и лесники, но завтра его будут пить хабаровчане и все те, кому он будет полезен. От него резко повышается аппетит, а нарзанная ванна придает организму столько свежести, бодрости и силы, что поневоле начинаешь верить в живую воду, воспетую в сказках. На таких источниках следует возводить санатории, водолечебницы. Здесь же, на Мухене, человека будет врачевать не только

вода, но и пропитанный кедровой смолой чистый горный воздух. Нет, нельзя вырубать кедровники в окрестностях нарзанных источников! По рекам Альчи и Пунчи они украсят и обогатят будущие здесь курортные поселки и санатории. Они будут лечить и радовать глаз человека. Люди будут стремиться к ним так же, как стремятся увидеть море.

Наш кедр — это «розовая сосна», а воздух сосновых боров всегда целебен. Издавна известно, что леса — хранители вод и подземных источников. Мухенские кедровники охраняют и берегают минеральные источники этих мест, и поэтому охрана их — дело государственной важности, дело всех нас, дальневосточников. Так думалось мне, когда я покидал живительные источники и прощался с кедрачами Мухена до следующего сезона.

Недавно мне позвонил главный геолог съемочной экспедиции Ефим Борисович Бельтнев:

— Хочешь слетать на Мухен, посмотреть, как бьют нарзанные фонтаны?

Предложение Бельтнева привело меня в восторг. Забыв прихватить с собой даже флягу, я через несколько минут был в геологоуправлении. Здесь собрались все те, кому предстояло ознакомиться с фонтанирующими свежими скважинами, заложенными экспедицией в порядке поиска минеральных источников.

Машина подвозит нас к самому вертолету. Мы легко размещаемся в обширном чреве МИ-4. Ревет мотор — и огромная железная «стрекоза» пронесется над городом, затем пересекает «дачный пояс», окружающий отроги Хехцира. Крохотные домишки, расставленные рядками, как улейки на пасеке, не ассоциируются с понятием дачи. И тем не менее многие хабаровчане гордятся ими. Затем плывут курчавые зеленые увалы Хехцирского заповедника, сменяемые обширной болотистой равниной, и не проходит пятидесяти минут, как мы уже стоим на бревенчатой площадке, приткнувшейся к речке Пунчи, в семи километрах от Мухена. Невдалеке виднеются два крохотных домишка геологов. Вооружившись бутылками и канистрами, вместе с летчиками идем к скважинам, расположенным ниже по течению реки. Впереди старший гидрогеолог экспедиции Бучинский. Заболоченная тропа пролегает по смешанному

кедрово-широколиственному лесу. По пути Бучинский рассказывает:

— Пока еще наши работы в стадии поиска, но уже то, с чем мы столкнулись, говорит о больших запасах чудесной минеральной воды. Первую скважину мы заложили вот здесь. Нарзан пошел с глубины шестьдесят пять метров. Вторая скважина, как видите, мощнее.

Мы подошли к железной трубе, выходящей из-под земли и согнутой на конце. Светлая вода непрерывной струей была из нее на землю. И на всем протяжении, пока она текла к реке, почву покрывал слой яркой желтой ржавчины.

— Пойдемте сразу к третьей.

Пройдя сотню метров по лесной тропинке, мы подошли почти к самому берегу реки.

— Вот и скважина номер три. Вода из нее поступает с двух горизонтов. По этой широкой трубе — с глубины шестьдесят метров, а из верхней тонкой — с глубины сто сорок метров. Пробуйте! — и протянул мне эмалированную кружку. Я сперва набрал воды из широкой трубы. Она прозрачна, с голубоватым оттенком, холодная, приятно покалывающая во рту, слабо минерализованная.

Подставляю кружку к верхней трубе. Вкус другой. Вода острее, солоноватее, с легким запахом сероводорода. Выход воды из глубинного пласта пульсирующий. Через равные промежутки времени труба то изрыгает воду, то из нее выходит газ вместе с мельчайшими брызгами, напоминающими пар. При этом слышится тяжелое сопение, будто рядом работает локомотив. Даже выдавшие виды геологи замерли в созерцании необычного зрелища. Перед нами была вскрыта одна из артерий самой Земли. Человек проник в нее, преодолев толстый слой защитных базальтов, и вот брызнула прозрачная кровь Земли, живительная и целебная. Ее жадно будут пить люди, и могучая сила вольется в их жилы, и продлит им жизнь, и принесет радость...

Выход газа чередуется с выбросом воды и порождает таинственные тяжелые вздохи. Земля стонет, как огромный зверь, раненный в грудь.

Молчание нарушает Бучинский:

— Начали мы поиск в конце семидесятого года. За четыре месяца пробурили 300 метров. Такое бурение труднее, чем на поиске твердых ископаемых: людей заливают водой, они теряют сознание, когда обильно выделяется углекис-

лый газ, от газа глохнут моторы. Зато какие радостные и обнадеживающие результаты! Уже сейчас наши скважины дают в сутки около сотни кубометров высокоминерализованного нарзана и триста кубометров более слабого, но не уступающего шмаковскому. Хоть сейчас открывай курорт на тысячу мест. Химический анализ дает право отнести наш нарзан к типу «Боржоми».

Я не сомневаюсь, что в скором времени здесь будет курорт. Многолика и богата природа Мухена! Осваивали ее охотники и лесорубы, рыбаки и пчеловоды, но вот пришли геологи и открыли бесценный дар земли — живую воду, и она сделает эту землю еще более благословенной!

ТРИ ДНЯ НА ХЕХЦИРЕ

После кратковременного дождя духота исчезла. Я вышел на пасеку. Теперь можно было безбоязненно прогуляться между ульев. В воздухе сверкнула голубоватая искорка, за ней вторая, третья. Всмотриваюсь в почерневший лес, он весь пронизывается множеством блуждающих огоньков, которые то вспыхивают, то угасают. Эта своеобразная «пляска» светляков — небольших жучков, приобретающих способность светиться во время непродолжительного полета, наполняет лес таинственностью. Залюбовавшись живыми огоньками, я и не заметил, как подошел

Подгурский. В темноте трудно было рассмотреть его лицо. Но походка, сухощавая фигура и спокойный рассудительный тон изобличали в нем хозяина заповедного леса. Назойливые комары не давали нам беседовать под открытым небом.

— Пошли, что ли, на сеновал? — предложил я.

Нет лучше постели, устроенной на свежем сене! С запахом сена у меня связаны воспоминания о беззаботном детстве, о далекой смоленской деревне.

Еще в Хабаровске мне было сообщено, что Подгурский — лучший егерь Хехцирского заповедника, и я попросил его рассказать о своей работе.

— Да что вам сказать о себе? Работа наша, егерская, — нелегкая, но она и невидная, учесть ее трудно. За другим браконьером неделями гоняешься, а поймать не удается. В прошлом году одолели волки. Месяц выслеживал волчью стаю, до того измотался, что еле на ногах стоял. Наконец выследил. Взяли волки отраву, казалось бы, радоваться надо, что вывел излюбленных врагов, а тут новая директива пришла: охранять волков. Пропали мои труды напрасно.

— А вы-то как к волку относитесь?

— Там, где охотники есть, волк не нужен, а в заповедном лесу он вроде и к месту — старых да больных зверей в первую очередь изничтожит.

— А кто вашу работу контролирует?

— Известно, администрация. Да кому охота по тайге мотаться, комаров кормить, мерзнуть, вот и составляются отчеты больше с наших слов, что скажешь, то и пишут. Не веришь — иди проверь в лес!

— В какое время года больше всего работы у егеря? — не унимался я с вопросами.

— Да, почитай, во все сезоны работы — только успевай. Вот, к примеру, сейчас, летом, каждому егерю нужно более тонны сена накосить, посолить его и расставить на своем участке кормовые стожки. Изюбр и косуля хорошо такое сено едят. Березовых веников засушить и развесить по лесу, солонцы подновить. Хоть летом браконьеров меньше, да больно опасны они. Особливо ежели на солонцы либо в заливы кормовые повадятся ходить. Осень подошла — в лес народ валом валит: кто за ягодой, грибом, кто за орехами, а кто с ружьишкой за зверем, птицей. Тут уж гляди в оба. Могут пал пустить либо кедры начнут ва-

лить, чтобы за шишками не лазить. Как заслышишь выстрелы, так и мчишься туда. Зимой браконьер в заповедник боится идти — следы на снегу его выдадут. Боится, а все же приходит. Старается под метель угодить, чтобы след замело. Ну да и мы не дремлем — знаем, где они любят укрываться. В прошлом году одиннадцать нарушителей в заповеднике задержали, прокурору дела на них передали. Наш старший охотовед все беспокоится об изюбрах. Был я в соседнем лесу. Встретил трех человек с карабинами — словом, охрана. Один охраняет лес, другой — зверей, которые водятся в этом лесу, а третий — рыбу. Охраняют-то они разное, а ходят по одной тропе и друг другу не доверяют. Мне думается, что всю природу должен охранять один человек, как у нас в заповеднике.

Близится полночь. Смолкает беседа. Издали доносится монотонный, навевающий сон крик маленькой южной совки — сплюшки...

Чуть забрезжил рассвет, а мы уже на ногах: сумеем ли за один день подняться на самую высокую точку Хехцира? Нашу небольшую группу ведет Подгурский. На нем форма лесника, кирзовые сапоги, за плечами рюкзак и карабин.

— Я за один день переваливал Хехцир, — говорит он, улыбаясь одними глазами из-под черных нависших бровей. — Выхожу с Чирков рано утром и поздно вечером прибываю на Бычиху.

Мы бредем по густой, высокой, доходящей до плеч траве, обильно смоченной росой. Переходим через ключ Золотой по свалившемуся дереву. Быстро мчит свои холодные прозрачные воды этот лесной ключ, в нем водятся радужные хариусы и проворные ленки. Лес богат насекомыми, попадающими в воду и являющимися их основной пищей. Разреженный дубовый лес густо порос ажурными папоротниками. Особенно красивым зеленым узором выделяется страусопер.

Перейдя долину ключа, мы поднимаемся по южному склону Хехцира. Щебенистая почва сменяется небольшими участками каменных россыпей, поросших лишайниками. Лес состоит из лиственных пород: ясеня, березы, осины, дуба. Полсотни лет тому назад здесь прошел пожар, уничтоживший кедрово-широколиственный бор. На земле догнивают огромные стволы могучих кедров. То тут, то там виднеются толстые замшевые пни. На смену хвойному восстановился широколистственный лес, но под его пологом

уже зеленеют маленькие кедры, пихты. Пройдет два столетия — и на этой земле снова поднимутся пышные кедрово-широколиственные леса, а пока хвойные деревья нуждаются в защите от палящего солнца. Даже зимой этот лес более оживлен птичьими голосами, а сейчас он молчалив, глух. Может, туманная погода причиной этому? Нет! Июль — время выкармливания детенышей. Оперившиеся желторотые птенцы чрезмерно прожорливы. Ведь подумать только! Они съедают за день гусениц и насекомых столько, сколько весят сами. Бедные родители: они вынуждены с утра до вечера таскать им пищу, тут уж не до песен! Туман развеялся. День выдался облачный, знойный. Пятилепестковые цветы калины спорили своей белизной с соцветиями окатника. На сырых полянах ласкали взор фиолетовые ирисы, оранжевые саранки, красодневы. Комары угомонились, но на смену им появились мошка, слепни. И до чего же отравляет настроение и притупляет восприятие природы гнус! Поистине летом в лесу «ни сна, ни отдыха». Чего же медлят ученые, химики, почему так мало создано средств, отпугивающих проклятый гнус?! Ох, и в большом долгу ученые перед людьми нашего лесного края...

Пытаюсь сфотографировать иссиня-черного, с зеленым отливом махаона Маака, севшего на чертополох. Бабочка раскрывает десятисантиметровые крылья, словно желая ослепить своей тропической красотой.

— Поберегите пленку для съемки кабанов, — советует Подгурский.

Поднявшись по косогору, мы спустились в горный распадок, на дне которого гремел ключ, густо заросший по берегам ольхой и вейником. На его берегу приютилась крохотная избушка — приют некогда жившего здесь браконьера. Теперь она используется в качестве егерского кордона, строительство которых, несмотря на тридцатилетнее существование заповедника, пока не налажено. Здесь решено сделать привал.

— А что, есть на Хехцире женьшень? — спросил я Подгурского.

— Раньше рос. Мы заломы и затесы женьшеньчиков находили, даже лунки местами уцелели, где корень копали, а самого женьшеня пока не удалось обнаружить. Мне известно, что некоторые корневишки высадили на Хехцире по несколько молодых корней. Но кроме их самих никто места эти не знает. Есть у меня большое желание создать

на Хехцире государственную плантацию женьшеня, пусть хотя бы туристы любовались этим легендарным растением.

После копченого ленка чай пьется с особым наслаждением, и даже гнус не может омрачить моего восторженного настроения, вызванного созерцанием девственной природы Хехцира.

Как все-таки хорош этот уцелевший от топора уголок! Семнадцать лет тому назад я завез сюда 43 буреинских соболя. Они хорошо прижились. Выпустить бы на Хехцире пятнистого оленя, енота-полоскуна и, может быть, горала. Ведь Хехцир со временем станут охранять еще больше, чем сейчас. На его территории должны быть собраны почти все представители фауны и флоры Приамурья и Приморья, кроме тигра и леопарда.

После краткого отдыха двигаемся дальше. Кончается старая гарь, мы вступаем под покров не тронутого человеком и огнем древнего леса. В нем царствует полумрак. Почва захлавлена повалившимися старыми деревьями. Травянистый покров развит слабо, его заменяют стелющиеся по земле лианы. Высоко в небо уходят темно-зеленые кроны вековых кедров, толщина стволов которых превышает за-

частую два обхвата. Мы подходим к старой липе, на ее коре царапины от когтей гималайского медведя, а вот и огромное дупло: в него вместе с карабином проворно залезает Подгурский и сообщает нам, что при нужде здесь можно с успехом укрыться от непогоды. Я фотографирую егеря. В этом лесу — как в джунглях: темно, сыро, душно. Растут колючие кустарники: аралия и дикий перец. Крупные, ярко раскрашенные насекомые копошатся в соцветиях лабазника. Тропические птицы — широкорот, желтая мухоловка — перепархивают в кронах деревьев.

— Посмотрите, — шепчет Подгурский, — никак живая лиана!

Я поднимаю глаза кверху, пытаюсь лучше разглядеть ветвь бархата, перевитую какой-то необычайно узорчатой лианой, но она движется. Да ведь это же большая змея! И зачем она так высоко лезет?

— Гнездо чует, — поясняет Подгурский. — Полоз — охотник до птичьих яиц и птенцов. А что там мелькнуло в стороне? Никак непальская куница.

Шедший впереди Подгурский остановился, подав рукой знак молчания. Вскоре я понял причину его насторожен-

ности: в нескольких десятках метров от нас под перистолистным маньчжурским орехом стояла самка изюбра с теленком, черными выпуклыми глазами всматриваясь в пришельцев. Своим телом она прикрывала детеныша, видимо, соображая, в какую сторону ей броситься. Мы разглядывали ланку несколько минут, прежде чем она решилась на первый прыжок, беззвучно исчезнув в зеленой густой заросли лещины. Подгурский был нескрывяемо рад, что сумел так близко подойти к сторожким оленям.

Подъем становился все круче и круче. По опушкам росла амурская сирень, усыпанная белыми гроздями душистых цветов, ярко выделяющихся на фоне елового лапника. Травы на лужайках были густы и разнообразны. Особенной высотой отличались какалия копьевидная — самая высокая трава Приамурья и дудник с белыми зонтичными соцветиями на верхушках. Пышные альпийские лужайки сменялись каменными россыпями, среди которых сновали сеноставки — мелкие грызуны из семейства заячьих. На одной из полян у самой вершины сопки с заболоченной почвой мы обнаружили дикую свинью с выводком маленьких полосатых поросят. Видно было по всему, что свинья давно облюбовала это место, не посещаемое летом медведями и волком. Мы нашли пять ее «гнезд» — гайн, сделанных из травы и мелкого кустарника, имеющих крышу и два входа внутрь. В таких гнездах поросята могли с успехом укрыться от непогоды, нападения гнуса и пернатых хищников. Сочные корни и побеги росли в изобилии, вода — рядом.

— А у меня раньше было представление, что кабан — житель низменных, заболоченных мест, — замечает на ходу Подгурский.

Прельстившись одной из живописных альпийских полян, на которой легкий ветерок отгонял гнус, мы опустились на траву.

До чего же здесь красиво, торжественно!

— Да, места здесь живописные, — согласился Подгурский.

Хехцир всегда привлекал к себе художников. Лучшие пейзажи Высоцкого, Зорина и Шишкина написаны на Хехцире. Кинокартины «Хабаровский край» и «Тигроловы» снимались на Хехцире.

— Ну что, пошли дальше? — предлагает Подгурский.

Солнце уже клонилось к горизонту. Громадные кучевые облака высоко уходили в голубое небо своими конусовидными белоснежными вершинами, предвещая хорошую погоду. Мы торопились засветло добраться до перевала. У подошвы Хехцира нам казалось, что хребет имеет только один склон, но вот уж несколько часов мы то карабкаемся на вершину, то спускаемся в распадок, а центральный водораздел все еще маячит впереди грядой заросших сопок. Изредка нам встречаются следы изюбров и кабанов, следов медведя нет, его привлекают в это время ягодники, растущие в низинах. В горы зверь придет тогда, когда поспеют желуди и кедровые орехи, кстати, урожай их в этом году ожидается хороший. Идущий впереди Подгурский останавливается и сворачивает к старому толстому дереву. Подхожу к нему. Перед нами ребристая береза. На ее коре множество медвежьих царапин. Вместо сука зияет черное отверстие, идущее внутрь дерева.

— Впервые вижу берлогу гималайского медведя в березе, — говорю егерю и фотографирую редкую находку.

— Вот видите, если в заповеднике мы станем удалять старые и сухие деревья, то гималайские медведи, оставшись без зимних «квартир», уйдут из этих мест.

К исходу дня, обливаясь потом, мы поднялись на центральный хребет Большого Хехцира. Кажется, будто и незначительное препятствие преодолели, а чувство торжественности разлилось в душе. Да и как же было не торжествовать, когда перед нами с юга, запада и севера раскрылась такая обширная и красивая панорама, что дух захватывало! Словно с борта самолета мы увидели излучины Уссури и полноводного Амура с разбросанными по их берегам поселками. А на северо-востоке в свете гаснущего солнца раскинулся громадный красавец город Хабаровск. Он был виден на протяжении более двадцати километров: от Красной Речки до Краснофлотского района протянулись светлые дома и заводы, подступая к Амуру и отражаясь в его воде. Тридцать лет прожил я в этом городе и вот теперь, созерцая его с вершины Хехцира, задумался о его бурной жизни и судьбе. Вспомнился день приезда, когда я ожидал на вокзале единственного в городе автобуса, ходившего только до Комсомольской площади... Теперь перед нами расстилалась настоящая столица Приамурья! Мы чтим основателя Хабаровска капитана Дьяченко, сумевшего так

удачно подобрать для него прекрасное место, где теперь скрестились водные, сухопутные и воздушные пути Востока Родины, но мы еще больше благодарны советским строителям и архитекторам, в столь короткое время выстроившим величавый город на Амуре!

Полюбовавшись амурскими далями и видом Хабаровска, двинулись в обратный путь. Не прошло и часа, а мы уже спустились к ключу. Решили разбить табор и переночевать под открытым небом. Запылал костер. Поставили накомарники, но спать никому не хотелось. Подбрасывая в огонь валежник, Подгурский следил за чайником.

— Слышал я, что железную руду сыскали геологи на Хехцире, может, начнут скоро разработку. Тогда нашему заповеднику конец придет.

— Руду нашли — это хорошо, не первая и не последняя находка. Наш край богат рудами, и если даже на Хехцире есть руда, это вовсе не значит, что рудники и шахты обезобразят этот чудесный уголок природы, уничтожат его растительность, разгонят животных. Скорее всего, люди сохранят Хехцир как большой природный парк, где разместятся санатории, дома отдыха, туристические базы, а часть Хехцира останется живой лабораторией — заповедником. Ведь имеется же на Хехцире большой каменный карьер. Добывают гранитоид. Какие сильные взрывы потрясают землю, а звери не уходят — привыкли к этим звукам. Дикие животные хорошо уживаются даже на артиллерийских полигонах. Главное, чтобы их никто не преследовал.

Гаснет костер. Теплая уссурийская ночь, полная невнятных звуков, шорохов и шелеста осиновых листьев, окутывает сопки.

НОВОГОДНИЙ РАССКАЗ

О чем поведал мне охотовед Перекатов

Белыми столбами поднимались в морозное небо дымы из труб таежного поселка. Было тихо... Перекатов — высокий, немного сутуловатый, долго смотрел, как оранжевый диск солнца прятался за синие тучи, лежавшие у самого горизонта. Казалось, ничто не предвещало плохой погоды.

Охотовед Перекатов только недавно закончил учет лосей. Полевые работы затянулись, он соскучился по жене, маленькой дочурке. Приближался Новый год, и охотовед мечтал встретить его в кругу своей семьи. Только бы не задержал циклон — столь частый гость в этих местах. Утром Перекатов проснулся от громкого гудения проводов. Сквозь

оттаявшие окна виднелась молочная пелена, висевшая над тальниками, — начиналась пурга.

— Павел Васильевич! Никак погода нелетная, — с беспокойством окликнул летчика Перекатов.

— Да, ветер сменился. С моря тянет. Теперь дня на два запуржит, видать, циклон идет.

Летчик так же, как и охотовед, хотел попасть в Хабаровск к Новому году. Последние сведения, полученные по радио, были безрадостными: все аэродромы закрыты, по всему Приамурью свирепствует циклон. Три дня бушевала пурга. На улицах поселка выросли сугробы вровень с крышей. На четвертый день ветер стал стихать. Наступило тридцать первое декабря.

— Неужто Новый год будем встречать здесь? — волновался Перекатов.

— Улетим, — успокаивал его пилот. — Лишь бы Хабаровск принимал. Вы собирайтесь, а я побеспокоюсь, чтобы техник машину разогрел.

И вот, когда все было готово к полету, торопливо подошел директор зверопромхоза:

— Товарищи, у нас беда! Прибежала из тайги лошадь охотника Семенова. На ней хомут, сбруя порвана, а хозяина нет. След перемело, сами знаете. Я выслал людей на поиски. В зимовье Семенова нет. Где теперь его искать? Много времени надо, а для вас — момент! Слетайте, прошу вас! На Яке и сесть везде можно, — человека подберете, может, замерзает он.

Перекатов задумался. Он уже видел себя за праздничным столом. Разумянившаяся жена подает блинчики, фаршированных рябчиков — любимое его кушанье... А тут нужно идти на поиски неизвестного человека. Колесования недолго владели его душой. Искося взглянув на летчика, он повернулся к директору зверопромхоза:

— Что же ты сразу с утра к нам не пришел? Показывай на карте, где зимовье Семенова и какой дорогой он должен был ехать. Каждая минута дорога.

— Вот тут его зимовье, на краю этой большой мари, дороги-то настоящей нет, а ехать он должен был по речке.

— Дежурьте у диспетчера. Если мы обнаружим охотника, радируем вам и попробуем сесть. — И, обращаясь к летчику, добавил: — Не суждено нам, Павел Васильевич, встречать Новый год в Хабаровске.

— Ничего, встретим его под елкой в тайге.

Прихватив с собой аптечку и термос с горячим чаем, Перекатов вылетел на поиски охотника.

Хотя снегопад прекратился, ветер порой достигал пятнадцати метров в секунду, самолет бросало словно автомобиль, пробирающийся по кочкам. Перекатов и летчик пристально всматривались в каждое темное пятно на земле, в каждое поваленное дерево, в каждый холмик. «Если жив, должен переждать непогоду у костра, — размышлял Перекатов. — Но почему прибежала лошадь? Чего напугалась, как не удержал ее бывалый таежник?» Много возникало вопросов в голове охотоведа. Самолет бросало то вверх, то вниз. Под крылом плыли однообразные пейзажи. Заснеженный лес был лишен какой-либо жизни. Вот и то место, где должна находиться избушка Семенова, но не видно никаких признаков человека. Сделав несколько кругов, пилот обратился к Перекатову:

— Что делать?

— Осмотрим соседнюю речку. В пургу он мог потерять дорогу и уйти в сторону.

Рискуя быть застигнутым ураганным ветром, самолет взял курс на север. И вот, когда пилот хотел уже поворачивать обратно, Перекатов заметил на одной из излучин реки маленький дымок.

— Нашли! — вскрикнул он и хлопнул ладонью по спине пилота.

Но вскоре стало ясно, что дымок вьется из избушки каких-то рыбаков, вышедших на берег посмотреть на самолет.

— Павел Васильевич, делай посадку, расспросим людей.

Хотя и трудно было садиться на узкую, с высокими берегами в тальниках речку, но опытный пилот мастерски приземлился и подрулил к самой избушке. Выпрыгнув из самолета, Перекатов подошел к незнакомым рыбакам.

— Здравствуйте! Мы разыскиваем охотника Семенова, может, знаете такого? Он заблудился в пургу.

— Как не знать. Да вот он перед вами. Никуда не девался. Два дня у нас отлеживается.

— Неужели правда?! — радостно воскликнул Перекатов и бросился обнимать застенчиво улыбающегося рыжего бородача. — Вот какого новогоднего деда мы сейчас привезем из тайги!

— Да что же мы тут стоим, пошли в избушку, пельменями из тайменя угостим вас, — пригласил гостей один из рыбаков.

Пока Перекатов с пилотом уписывали чудесные пельмени, Семенов рассказывал:

— Тут от моего зимовья до поселка километров восемьдесят напрямик. Вздумалось мне к Новому году дичинки промхозу подбросить. На прошлой неделе подфартило: медведя жирнущего добыл. Завалил зверя в сани и чуть свет на деревню тронул. Конь медвежий дух учуял, похрапывает, везет резво, ну, думаю, рано приеду. А тут ветрюга поднялся, с ног валит. И надо же было свалиться сухой березе, когда я перелеском проезжал, да по возу суком задеть. Медведь шевельнулся. Ну, конь хватил и понес! Сани — на кочку, оглобли пополам. Коня как и не бывало. Остался я один с возом. А тут пурга, свету божьего не видно. Я — назад, да на старую протоку вышел. Как заблудился — и самому дивно. Хорошо, на зимовье попал. Здесь и переждал непогоду...

— Вот видишь, ты тут пельменями услаждаешься, а жена слезами изошла, — заметил охотовед.

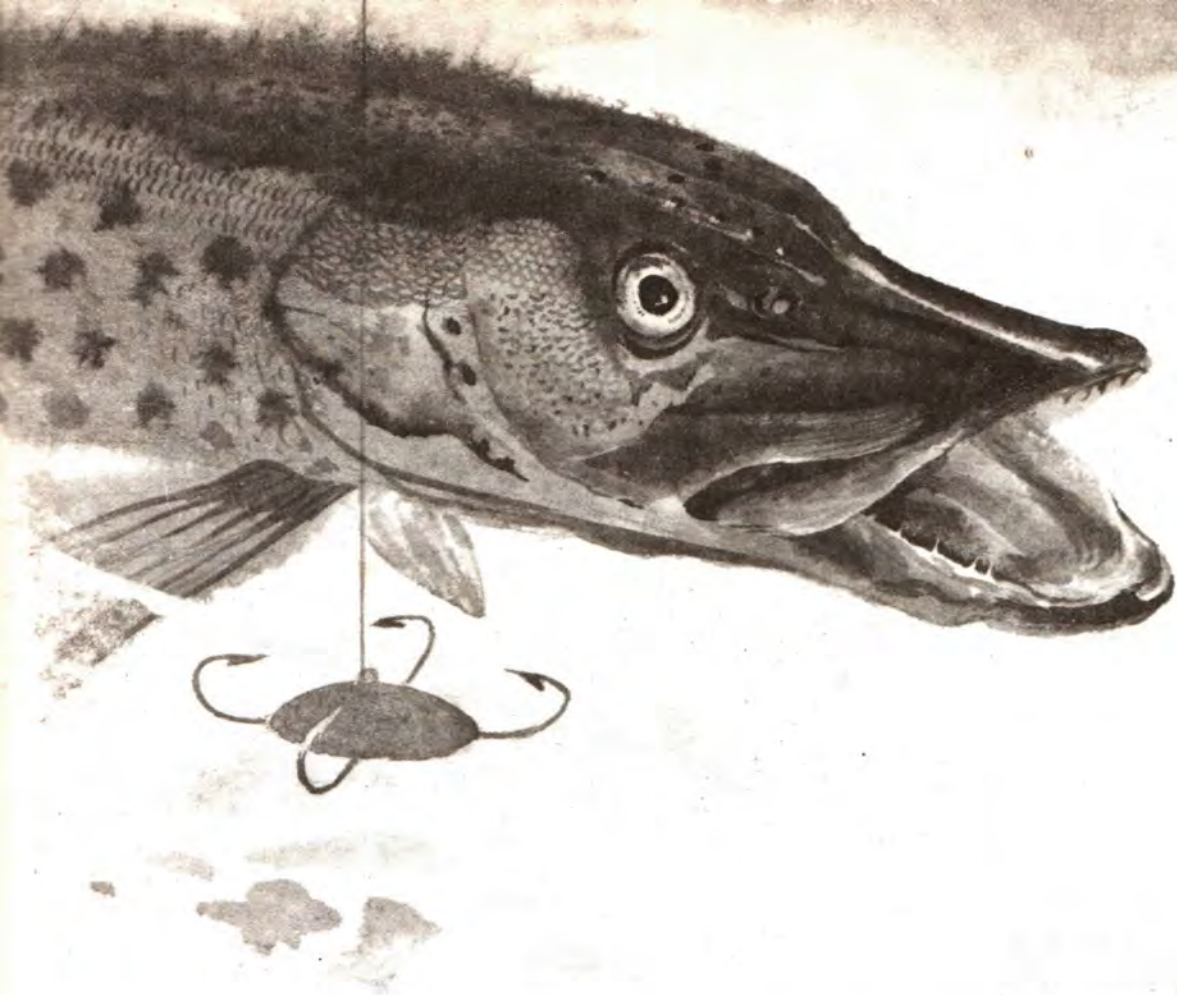
Отблагодарив за угощение, он вместе с пилотом и охотником направился к самолету. Вечером все трое благополучно прибыли в поселок, где их с нетерпением ожидало все население.

Новый год встречали у директора промхоза. На вечере были Семенов и товарищи его по охоте.

— А я полагал, что конный транспорт надежней авиационного, — подтрунивал пилот над незадачливым охотником.

— Всякое бывает, — разводил в смущении руками Семенов, — всему виной медведь. С конем в тайге не заблудишься. Бывали со мной и не такие случаи. Вез я однажды на метеостанцию груз, припозднился. Поднялся сильный буран: шаг ступишь, а след за тобой уже замело. Сбился с дороги. Ну, думаю, пропал. Распряг коня и говорю ему, как человеку: «Иди, Буланый, в деревню, овса дам». Развернулся мой конь, понюхал снег и пошел. Ухватился я за его хвост — и вслед. Шли долго. Устал я, с ног валюсь, а хвост из рук не выпускаю: держась за него, мне легче идти. И что бы вы думали — привел меня Буланый в деревню. Так я от радости его поцеловал, буханку хлеба дал.

И хотя причиной задержки охотоведа в новогоднюю ночь был испуг лошади, он предложил тост за Буланого.

СТРАСТЬ НА ЛЬДУ

До чего же сильна рыбацкая страсть! Мороз ниже двадцати градусов, назойливый ветер, пронизывая любую одежду, свободно разгуливает по широким просторам Амура, а рыбаки упрямо сидят у своих лунок, погружившись в мир ведомых лишь им ощущений, забывая обо всем окружающем. Удивительное племя!

Не без иронии смотрел я на зимних рыбаков. Неужели это скучное, однообразное движение рук, долгое молчаливое сидение на льду могут по-настоящему увлечь и глубоко волновать человека? А опытные рыбаки, загадочно улыба-

ясь, утверждали: «Зимняя рыбалка непередаваема! Возьмешь хоть раз в руки махалку, «придавит» сижок — не оторвешься!» Вскоре я убедился, что они были правы.

За щукой

Зимняя рыбалка в наших краях начинается в ноябре и оканчивается в начале апреля. Случалось, что по Амуру еще идет шуга, а на заберегах, в покрытых льдом заливах, уже сидят рыбаки. И в эту пору становления льда на Амуре, в ноябре месяце, бывает самая удачная ловля. За лето меняется конфигурация дна реки, исчезают и возникают новые косы, и там, где в прошлом году рыба хорошо ловилась, теперь ловится плохо. Словом, рыбу нужно искать, а пока лед нетолстый, рыбаки легко продалбливают по несколько лунок в день и все же ее находят.

К середине зимы толщина льда достигает метра, рыбалка становится менее удачной. В марте ход рыбы возобновляется, и уловы снова радуют «махальщиков». Широкое русло Амура обычно покрывается торосистым, труднопроходимым льдом. Сильные ветры срывают мелкий песок с обнажившихся от снега кос и разносят его по льду реки.

Тихо и безжизненно зимой на Амуре. Только в утренние да вечерние часы, когда солнце у самого горизонта, вспыхивают хрустальной голубизной поставленные на ребро прозрачные льдины, и тогда кажется, что они издают какие-то звенящие звуки и полны скрытого движения.

Недоступен человеческому взору мир обитателей реки. Но рыбак хорошо знает, что творится под ледяным панцирем Амура. В глубоких зимовальных ямах с едва уловимым течением покоятся в дремотном состоянии те, кто питается растительной пищей и добывает корм на илистых мелководьях: карась, амур, толстолоб, сазан и лещ. Перестали гоняться за мальком и присмирели верхогляд и желтощек. А вот на обширных косах — там, где течение реки переносит песчинки, резвятся стайки юрких мальков, а за ними-то и охотятся щуки, сиги, ленки.

В один из погожих ноябрьских дней, соблазненный настойчивым приглашением, выехал я впервые на подледный лов в район Чепчиков. Мое снаряжение состояло из пешни (остро заточенного ломика с деревянной рукояткой), железного сачка-ковша и двух «махалок». «Махалка» — это короткая удочка. На ней леска диаметром сечения от 0,5

до одного миллиметра. На конце — блесна. Каких только форм и цвета не бывают блесны! Круглые, звездообразные, ромбические, но чаще всего они напоминают по форме маленькую рыбку. Именуют их обычно «крабами», ибо усажены они по бокам четырьмя, а то и шестью крючками. С какой стороны ни схватит щука — крючка не миновать!

Выйдя на лед, я направился к ближней косе, на которой чернело несколько сот рыбаков, одетых преимущественно в полушубки и тулупы. Хотелось уйти подальше от этого скопления людей, но это значило перейти на дальние косы, которые едва виднелись за торосистым руслом реки. «Попробую проловить около настоящих рыбаков, может, чему-нибудь научусь у них», — с этой мыслью я подошел к молчаливо сидевшему старичку и стал готовить себе лунки в двадцати шагах от него. Толщина льда не превышала двадцати сантиметров. Пробив во льду два отверстия и очистив их ото льда, я опустил в воду свои блесны и, усевшись на обломок льдины, стал подражать движению рук своего соседа. Глубина подо льдом около полутора метров, течение — едва заметное. Помня наставления опытных рыбаков, я держал блесны на высоте десяти сантиметров ото дна и через короткие паузы резким взмахиванием поднимал их вверх. Такими движениями имитировались играющие в воде рыбки. Плывет рядом щука, увидела «рыбку» — хватить ее и попалась на крючок. Все казалось логичным и нехитрым. Но я совершил не одну сотню взмахов, а поклевки все не было. Мой сосед вытащил несколько щук, они извивались на льду, широко раскрывая зубастые пасти, судорожно хватая морозный воздух... Я же все махал и махал...

День выдался яркий, солнечный, безветренный. Снежок подтаивал на моих черных валенках. Чистый воздух слегка пьянил, и я, обласканный лучами солнца, незаметно вздремнул, продолжая лениво поводить махалками. И вот в эту блаженную минуту спокойствия и отдыха, когда все мышцы тела были расслаблены, вдруг кто-то слегка дернул за мою махалку. Вздрогнув от неожиданного прикосновения, я излишне энергично вскинул махалку вверх, но тут же необычайной силы рывок пригнул мою руку ко льду... Недоумевающим взглядом смотрел я на ожившее древко удочки, прыгавшее по льду, а затем бесследно исчезнувшее в зеленоватой воде лунки. Дремота слетела мгновенно. Снова принимаюсь сосредоточенно помахивать одной удоч-

кой. Прошло около получаса, и вот снова рывок. Энергичный, резкий, волнующий. Как при этом встрепенулось мое сердце! Я вскочил на ноги и стал тянуть на себя леску. Натянувшись струной, она звенела в рукавицах. И вот моя первая щука вытянута на лед. Щука как щука, но я рассматривал ее так, будто видел впервые.

В ожидании подхода настораживаюсь до предела. Теперь я хорошо улавливаю, как иногда, проходя мимо лещи, щука колышет ее хвостовым оперением, как иной раз промахивается, не рассчитав колебания блесны, стучаясь головой о нее. Случается, что к блесне или леске прикасаются другие рыбы или проплывающие предметы, и ты вздрагиваешь от этих едва уловимых толчков. Вот крючок скребанул по толстой и широкой чешуе сазана, вот с блесной столкнулся пескарь и привел ее в легкое колебание. Как разнообразны эти ощущения! А рыба, скрытая от рыбака льдом и толщиной воды, зоркая и ловкая, ходит где-то рядом с блесной, поглядывая на нее алчным глазом прожорливого хищника. И если блесна внешнею и движением похожа на малька, то сомкнутся на ней зубастые челюсти щуки. Старательно делаю плавные соразмерные взмахи, и время от времени блесна, словно задевая за коряжину, останавливается на месте и тут же ее тянет в глубь реки. Быстро тяну леску и извлекаю рыбу на лед. Поджидаю новую. Незаметно летит время. К вечеру подход щук учащается. Около моих лунок коченеет уже тринадцать рыбин. Для начала неплохо!

С заходом солнца клев прекратился. Иду в «домик рыбака». Здесь собралось большое общество любителей подледного лова. Кто варит ужин, кто приводит в порядок маخالки. Разговоры о рыбе не умолкают. Рекордным уловом сегодняшнего дня считаются сорок четыре щуки, пойманные молодым рабочим одного из хабаровских заводов. Стремясь повысить уловистость, он обертывал свои блесны станиолью из-под сыра.

На второй день чуть свет я направился к своим лункам. Утерянную маخالку заменил новой, изготовленной из сухой тальниковой палки. Солнце, выйдя из-за ивовых зарослей, обдало торосы розовым светом, осветило сосредоточенные лица рыбаков. Вот сидящий впереди рыбак вытащил щуку. За ним — второй, третий, четвертый. Начался утренний клев. А у меня ни одного подхода. Прошел час. Мой сосед поймал шесть щук, а тут хотя бы один толчок.

Меняю блесны, и опять никакого результата. Может, сменить лунки? Но ведь ловилась же вчера щука на этом месте!

Приближается одиннадцатый час. Меня уже охватывало отчаяние, как вдруг блесна вздрогнула и остановилась на месте, словно зацепилась за бревно. Натягиваю изо всех сил лесу и чувствую, как что-то тяжелое поднимается в лунку. Последний перехват лесы — и из воды показалась страшноватая щучья голова. Я вскакиваю на ноги, высоко поднимаю руки вверх, но щука так длинна, что хвост ее остается в лунке. Тогда я отбегаю в сторону и выволакиваю на лед двенадцатикилограммовую рыбину. Близидящие рыбаки бегут ко мне, чтобы посмотреть на редкую добычу и поздравить с удачей.

— Как леса не оборвалась? — удивляюсь вслух.

— Крупная щука всегда хорошо идет, лишь бы в лунке не застряла, — объясняет бывалый рыбак, сидевший по соседству.

— Вот так щучка! — смеется молодой парень, — моих десятка стоит.

Не берусь судить, чего стоила эта щука, но воспоминания о ней сохранятся у меня на всю жизнь.

За сига́ми

Благороден и красив серебристый сиг! Не случайно его подавали к царскому столу. Особенно вкусны вяленые сиги с прозрачной мякотью, истекающие нежным жиром. Ароматна и навариста из него ушица. Хорош он и свежемороженый в строганине! Мне казалось, что ловить сегов нужно умеючи и кому попало эта рыба в руки не дается. Но надо же было как-то начинать. И вот нынешней зимой я направился в лиман Аму́ра, понаслышавшись, что в тех местах вылавливают по сто сегов в день — при таком обилии рыбы и неопытному рыбаку можно рассчитывать на успех.

Летом сегов в Амуре нет — с наступлением тепла эта холодноводная рыба уходит в горные прозрачные реки, а зимой снова возвращается в Амур. На его обширных косах сиг нагуливает жир, поедая несчетное количество малька.

Блесна на сига требуется маленькая, с двумя крючками, и по форме напоминающая крохотную рыбку. Чтобы поймать его, блесну следует опустить на дно реки и легким подергиванием махалок заставлять как бы подпрыгивать

кверху. Подобное движение проделывает малек, разыскивающий пищу на песчаной косе. Завидя блесну и приняв ее за рыбешку, сиг стремится придавить ее грудью ко дну с тем, чтобы потом проглотить, и попадает на крючок. Ловля сигов в лимане начинается в конце ноября, но особенно хороша рыбалка в декабре и марте.

Прибыв в деревушку Нейвах, приютившуюся на крутом обрывистом берегу Амура, мы вышли на лед. От необозримого заснеженного поля, покрытого острыми ледяными торосами, веяло холодом. Где же ходят здесь стайки сигов, как их найти? Поначалу я слепо подражаю действиям местных рыбаков: останавливаюсь там же, где и они, долблю лунки по соседству. Наконец опускаю блесны под лед...

Белая ширь Амура действует успокаивающе. Да и какая же это река — без берегов, с убегающими к самому горизонту торосистыми полями! Это скорее обширный залив студеного Охотского моря. Рыбаков здесь значительно меньше, чем в районе Чепчиков. Но почему они жмутся друг к другу? Ведь кругом столько простора. Видимо, это не случайно: нелегко найти здесь скопление сигов. Вот к такому счастливицу, обнаружившему косяк сигов, и пристаиваются все остальные. Мои проводники уже вытащили по паре сигов, а у меня ни одного подхода. Набираюсь терпения (в рыбной ловле это необходимый залог успеха). Медленно течет время. Едва пошевеливаю блеснами и вдруг чувствую, как одну из них что-то слегка придавило. Неужто рыба? Подтягиваю леску и убеждаюсь, что блесну потянуло в сторону. Сиг! С нетерпением перебираю легко идущую лесу. Когда же конец ей будет! И вот из лунки, сверкнув серебром чешуи, словно выскакивает сиг. Первый сиг. Стройная, красивая рыба. Крючок глубоко вошел в ее белую грудку. Освободив блесну, бросаю ее в лунку, а сам не свожу глаз с красавца. Судорожно забившись всем телом об лед, он замирает и лежит без движений. А я поджидаю второго.

Поднявшееся солнце напоминает об обеденном перерыве. Мы пьем из термосов горячий чай с бутербродами, шутим по поводу незадачливого начала рыбалки: все рыбаки поймали по нескольку штук сигов и утверждают, что нынче сига нет. В третьем часу я решил поискать свое рыбацкое счастье. Уйдя на километр от рыбаков, продолбил одну, затем вторую лунку, но сколько ни махал, удачи не было. Лед в этом месте был гладкий, под ним чернела вода. Глу-

бина везде одинаковая — три метра. Впереди снова начался торосистый лед. А что, если попробовать здесь, у границы гладкого льда и торосов? Пробиваю лунку. Вода мутноватая, глубина — два метра. Слегка приподнимаю блесну, рыбок — и тащу сига. Это довольно крупный экземпляр — натяжение лесы сильное. Сняв с крючка двухкилограммовую рыбу, тороплюсь опустить блесну в воду. Два, три взмаха — и снова придавливает сижок. Несмотря на мороз, мне становится жарко, сбрасываю меховые варежки.

Спустя час лов прекратился. Осматриваюсь — на льду лежат три десятка серебристых рыб. Но радость самостоятельной находки косяка сигов выше радости, полученной от поимки рыбы!

За тайменем

Семейство лососевых ученые делят на две группы: проходных лососей, к которым относятся кета и горбуша, и непроходных, пресноводных, жизнь которых протекает в реках, — это ленок и таймень. Летом их в Амуре не поймает: они уходят в верховья его притоков — Амгуни, Горина, Гура и других. А зимой спускаются в Амур и ведут жизнь отъявленных хищников, поедая большое количество мальков разных рыб, в том числе и кеты.

Вряд ли кто из представителей семейства лососевых может превзойти по величине тайменя. Известному ихтиологу Никольскому местные рыбаки рассказывали, что в 1945 году около Иннокентьевки на крючок был пойман таймень, весящий около восьмидесяти килограммов!

Мне лично не приходилось видеть столь крупных тайменей, но двухпудовых при мне вылавливали, а сам я на спиннинг брал семнадцатикилограммовых. На Амуре редко встретишь рыбака, который специально ходил бы на тайменя, — уж чересчур нужно иметь большое терпение. Больше двух-трех рыбин за целый месяц не поймает. Бывает, по нескольку недель сидит рыбак в заветной мечте, но уж если подфартит, то и посмотреть есть на что!

Однажды я ловил щук и ленков в нижнем течении Теплой речки. На пасеке, где меня приютили, остановился хабаровский рыбак Шахов. Вот он как-то и говорит мне:

— Не хотите рискнуть на тайменя? Здесь недалеко, где Мухен впадет в Теплую речку, есть хорошее улово, я там взял не одного.

— А вы уверены, что поймаем? На эту рыбу и снасть особая нужна, и время, да и места надо хорошо знать, а то просидишь несколько дней понапрасну.

— Снасть имеется. — И он показал мне тяжелую латунную блесну с одним, но крепким и чрезвычайно остро заточенным крючком. — Для вас тоже найдется!

Я согласился. Поднявшись среди ночи, мы вышли на лед реки и пошагали вверх по течению. Река петляла между стенами непролазного тальника, но была покрыта гладким, слегка припущенным снегом льдом. Идти было легко. За разговорами не заметили, как прошли восемь километров. Вот и место рыбалки. Пустынно. Тайнственно... Прорубаем лунки — всего лишь по одной на брата, но заправка их особенная: во-первых, ширина больше, чем у обыкновенной, во-вторых, отверстие в толстом льду делается не вертикально к воде, а наклонно, чтобы легче было вытаскивать тяжелую рыбу.

Таймень берет блесну ртом, как и щука, но чаще всего он любит придавливать ее грудью. Вот почему мы кладем блесны на дно, слегка поднимая их кверху. Течение быстрое, но блесна тяжелая, под стать ей и миллиметровая жилка особой прочности. Слегка брезжит рассвет. Тальники на фоне молочного неба стали черными. Вокруг безжизненная тишина. Вода в лунке кажется чернильной. От нервного напряжения и ожидания чего-то необыкновенного по телу пробегает мелкая дрожь. Томительно проходят часы. Ленки и таймени предпочитают брать на рассвете, но вот на макушках заиндевелых ив блеснули первые лучи восходящего солнца, а подхода все нет. Надежда никогда не покидает рыбака: не клюет на рассвете, возьмет поздним утром. Не подошла утром — клюнет к обеду. Нет ничего в середине дня — обязательно должна брать к вечеру! Но и рыбацкое терпение тоже имеет свой предел! Солнце заходит за тальники. Апатично подергиваю блесной. Она тяжело поднимается над песчаной косой и неожиданно прочно задевает за подводный камень. Какой неприятный зацеп, да еще чужой блесной. Пытаюсь отцепить ее, дергаю в сторону, натягиваю лесу и чувствую, как огромная сила медленно, но уверенно увлекает ее в речную пучину.

«Таймень! — мелькает в голове. — Лишь бы не сошел». Я делаю резкий короткий рывок, желая поглубже вогнать крючок в добычу, и начинаю из всех сил тащить рыбу к лунке. Жилка вытягивается, скрипит и проскальзывает

в варежках. Лихорадочно наматываю ее на руку, но у меня не хватает сил.

— Шахов, помоги, таймень!

Подбегает товарищ, проверяет пешней лунку.

— Только слабину не давай! — кричит он. — Лунка правильная. Сейчас я его тоже подцеплю.

И он опускает в лунку свою блесну и делает несколько резких рывков.

— Засек! Теперь не уйдет!

Но я не верю в победу. Рыба пока сильнее нас. Она свободно ходит под лункой, несмотря на все наши потуги.

— Держи мою лесу и тяни сразу за две, а я подцеплю его приемником, — предлагает Шахов и передает мне свою лесу. Забрасываю лески на плечо и медленно начинаю отходить от лунки, подтягивая рыбу к поверхности.

— Показалась голова! — кричит Шахов. — Теперь не уйдешь, голубчик. — И он всаживает острый крюк в тайменя.

— Тащи смелее!

Делаю несколько шагов. Тяжесть будто обрывается с плеча. Оборачиваюсь. На льду лежит король горных рек — огромный краснохвостый таймень.

— Да, за таким красавцем не жаль и месяц проходить, — замечает Шахов.

СЛУЧАЙ НА ДАЧЕ

Быль

Приамурье, в котором я охочусь тридцать пять лет, богато зверем: тут не только медведи и олени, но и тигры с леопардами обитают. Много приключений случилось в тайге, но никогда зверь не заставлял меня столь резво бегать, как в Подмосковье.

Прошедшей зимой вызвали меня в Москву по делам службы. Прилетел в субботу. Думаю: завтра выходной, навещу-ка своего старого приятеля Василия Ивановича, много лет с ним не виделся.

Да, не один нужен зимний вечер, чтобы наговорились после долгой разлуки два охотника! Было далеко за полночь, когда Василий Иванович хлопнул меня по плечу: «Давай спать, завтра съездим посмотреть сад мой. Увидишь, каких успехов достиг в разведении новых сортов».

Дача Василия Ивановича — неподалеку от поселка Здравница. Электричкой с Белорусского вокзала ехать не более часа. Садоводческое искусство друга мне очень понравилось. Уход за деревьями образцовый. Среди молодых яблонь — кусты нашей дальневосточной войлочной вишни. Набрал в погребе полную сумку свежих яблок и наполнив бидончик солеными огурцами, мы направились на станцию через небольшой лес, подступающий к даче. Любуясь чистым стройным ельником, я шел не торопясь, прислушиваясь к рассказу своего спутника.

— Тебя, конечно, нашими охотами не удивишь, но, должен заметить, лосей в Подмосковье теперь побольше, чем на Амуре. Они иногда вот этот лужок переходят, — указал рукой Василий Иванович на небольшой сырой луг, вклинивающийся в ельник. Я взглянул в указанном направлении и остановился.

— Лось!

Василий Иванович тотчас увидел зверя и стал протирать очки. Сомнений не было — на опушке леса в молодом кустарнике стояла лосиха. «Может, это домашний лось?» — пронеслось в голове. Но на звере не было ни уздечки, ни колокольчика.

Тем временем мы подошли к животному шагов на тридцать. Удивлению моему не было предела: никогда еще дикий лось, не будучи раненым, не подпускал человека так близко к себе. Он видел и чуял нас и тем не менее не обращал ни малейшего внимания, словно были мы неодушевленные предметы.

Василий Иванович хотел еще ближе подойти к лосихе, но я сдержал его:

— Это вам не лошадь, не подходите близко.

Но Василий Иванович не слушал, громко разговаривая, он смело приближался к зверю. Я следовал за ним.

— Может, она ранена, а может, ее загнали до изнеможения собаки или волки?

Расстояние до лосихи не превышало двух десятков шагов. Василий Иванович был настолько уверен в безобидности зверя, что даже швырнул в него небольшим сучком, —

надо отогнать от тропы, неровен, мол, час подстрелит браконьер. Но лосиха оказалась не из робкого десятка: отвернувшись, она снова принялась обкусывать вершину молодой березки. Только один раз вскинула она свои большие уши и, глядя темными выпуклыми глазами поверх наших голов, стала прислушиваться к каким-то неясным далеким звукам. Вскоре ее беспокойство улеглось.

Налюбовавшись великолепным зверем, сетуя на отсутствие фотоаппарата, мы решили продолжить свой путь на станцию. Гудки электрички были отчетливо слышны. Захотелось в последний раз подойти поближе и попрощаться с лосихой. Но едва я сделал шаг, как она прижала уши к шее. Кто из охотников не знает этот распространенный у животных жест раздражения, после которого обычно наступает действие? Предчувствие недоброго заставило меня насторожиться.

— Василий Иванович, лось сейчас бросится, бежим! — крикнул я, но предупреждение опоздало.

Выведенная из терпения лосиха ринулась в нашу сторону. Развернувшись, мы побежали к лесу. И откуда только взялась резвость! Как старый охотник, я хорошо представлял, что значит попасть под передние копыта рассерженного гиганта — одного удара достаточно, чтобы протиться с жизнью. С быстротой, присущей юношам, перемахнули мы поляну, теряя на бегу яблоки и огурцы. Вот и спасительный лес, но успеем ли залезть на дерево в тяжелом пальто, когда по пятам несется лось? Мы уже не бежали, а летели. Окажись лосиха понастойчивее — нам бы не уйти, но, к счастью, удовлетворившись своей победой, она остановилась на опушке. А мы все бежали и оглядывались...

Выйдя на дорогу и переведя дух, я расстегнул пальто.

— Счастливо отделались, Василий Иванович!

— Это хорошо, что тебя, старого медвежатника, московский лось погонял, не будешь задаваться. Но если напишешь, что от лосихи бегал один я, ей-богу, опровержение опубликую.

Мы вышли на перрон, у которого стояла электричка.

ОХОТОВЕД, ПИСАТЕЛЬ, ПУТЕШЕСТВЕННИК

В 1950 г. студентов Московского пушно-мехового института глубоко увлекла книга об охоте, изданная Дальневосточным государственным издательством. Единственный раздобытый кем-то экземпляр ее был зачитан буквально до лохмотьев и дыр. В книге рассказывалось о Приамурской тайге, о богатстве и разнообразии ее животного мира, об уссурийских тиграх, маньчжурских зайцах и гималайских медведях. В ней было немало великолепных очерков об охоте и множество таких тонких охотоведческих наблюдений, что им позавидовал бы любой известный натуралист. В книге ощущалась преемственность лучших страниц русской охотничьей литературы — «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова и «Записок охотника Восточной Сибири» А. А. Черкасова. В ней чудесно уживались поэзия и наука, на ней была мета настоящего произведения литературы. Язык ее был прост, ясен, выразителен.

Книга называлась «Охота в Хабаровском крае», а ее автором был тогда еще мало кому знакомый биолог-охотовед Всеволод Сысоев.

С тех пор прошло более 20 лет. Много «Охотничье-промысловых зверей и птиц» и книг с похожими названиями выпущено нашими областными издательствами, но ни одна из них не идет ни в какое сравнение с сысоевской книгой. А «Охота в Хабаровском крае» выдержала пять изданий, переведена на английский, немецкий и французский языки, стала любимой книгой сотен тысяч читателей.

И сейчас, когда Всеволоду Петровичу Сысоеву — известному охотоведу и писателю — исполнилось 60 лет, многим его почитателям хочется узнать о его жизненном пути и творческих планах.

Всеволод Петрович Сысоев родился 24 ноября 1911 г. в Харькове, в семье слесаря железнодорожного депо. Его детские и юношеские годы протекали в Ялте и Симеизе, на берегу Черного моря, куда он переехал в 1918 г. В 1928 г. в Ялте он оканчивает восемь классов средней школы, здесь же начинается его трудовая жизнь. В 1929 г. он работает учеником слесаря, а затем слесарем в механических мастерских Крымского курортного треста. В это же время он учится на платных курсах по подготовке в вузы и втузы и заканчивает их в 1932 г.

Осенью по путевке райкома комсомола он едет в Москву для поступления в институт.

В Москве он устраивается слесарем на завод «Физприбор» и, выдержав конкурсные экзамены, зачисляется на вечернее отделение Механико-машиностроительного института имени Баумана. Но учиться в этом институте ему не пришлось. Ведь самые дорогие воспоминания детства были связаны с волшебной природой Причерноморья, с ловлей крабов, охотой на вальдшнепов и перепелов. К тому же случилось так, что вскоре после приезда в Москву он познакомился со студентами Балашихинского института, и это оказало решающее влияние на его выбор — той же осенью он переходит во Всесоюзный зоотехнический институт, в 1937 г. заканчивает его охотоведческий факультет и получает специальность биолога-охотоведа.

После окончания института В. П. Сысоев зачисляется охотоведом в Зейскую экспедицию первоначального землеустройства Наркомзема РСФСР, в мае 1937 г. выезжает на Зею и с тех пор вот уже 36 лет живет и работает на Дальнем Востоке.

Летом 1939 г. В. П. Сысоев становится начальником управления охотничьего хозяйства при Хабаровском крайисполкоме. На этой должности его застаёт Великая Отечественная война. Уже на второй день после начала войны В. П. Сысоев уходит в армию. В 1945 г. он участвует в боях против Квантунской армии.

Демобилизовавшись весной 1946 г., В. П. Сысоев работает начальником отдела воспроизводства краевой конторы «Заготживсырье», а в 1948 г. по решению крайисполкома снова занимает пост начальника краевого управления охотничьего хозяйства. В 1955—1958 гг. В. П. Сысоев — старший преподаватель, а затем декан географического факультета Хабаровского педагогического института, а в 1958—1959 гг. — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института лесного хозяйства. Наконец, в 1959 г. он назначается директором Хабаровского краеведческого музея.

Деятельность В. П. Сысоева на Дальнем Востоке чрезвычайно многогранна и в то же время исключительно целеустремленна. Географ, путешественник, краевед, писатель, музейный работник, общественный деятель — вот не совсем полный перечень испытанных им поприщ. Но в какое бы дело ни вкладывал свою энергию этот замечательно цельный человек, он во всем оставался охотоведом.

В. П. Сысоев проводит охото-экономическое обследование Верхнебуреинского района, обосновывает целесообразность акклиматизации в Приамурье речного бобра. Изучает места выпуска норки, соболя, ондатры, а затем расселяет их в этих новых местах. В 1947 г. вносит проект закона об охране амурского тигра, который утверждается Хабаровским крайисполкомом.

Он организует предприятие нового типа — Верхнебуреинский племенной соболиный рассадник. На территории рассадника проводят учет и подкормку соболя, регулируют численность его врагов и конкурентов. В лучших соболиных угодьях закладывают систему крупных долгосрочных живоловушек, создают базу по передержке соболей, а затем организуют их доставку к местам выпуска. С 1952 г. питомник поставил для расселения 4200 соболей. Он оставил очень заметный след в работе по восстановлению ареала и численности соболя в СССР, блестяще завершённой советскими охотоведами. Буреинский питомник трижды был участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

А сколько сил отдано Хабаровскому краеведческому музею! Драгоценной достопримечательностью музея стал ствол очень старого гигантского тиса — «негнойдерева», или «ели с красными ягодами», как называют этот вид хвойных на Дальнем Востоке. Его возраст — около полутора тысяч лет! Он был найден, спилен и доставлен из глухой тайги в музей по инициативе и при непосредственном участии В. П. Сысоева. Не менее любопытна лиственница с дуплом-берлогой гималайского медведя. Неизменный восторг посетителей вызывает живописная биогруппа — гималайский медведь с тремя медвежатами.

Благодаря энтузиазму директора музей превратился в уникальный памятник культуры Дальнего Востока. Побывав в музее, Константин Симонов писал: «...природоведческий отдел его подобран так блистательно, что не хочется уходить!» Михаил Шолохов в книге посетителей отметил, что экспонаты музея «собраны любовно и умно», а известный американский антрополог Хесус Лосойя оставил такую запись: «Этот музей был большим уроком для нас в том смысле, какими возможностями обладает человек, который понимает и использует силы природы».

Вклад В. П. Сысоева в воссоздание музея отмечен высокой наградой: он удостоен звания «Заслуженный работник культуры РСФСР», а музей — «Лучший музей РСФСР». Но, несомненно, высшая награда за труды — исключительная популярность музея: ежегодно его посещает более 300 тысяч человек.

Экспонаты из собранных В. П. Сысоевым охотоведческих, зоологических и этнографических коллекций хранятся также в музеях Москвы, Владивостока, Биробиджана, Комсомольска-на-Амуре, Николаевска-на-Амуре. В 1971 г. он уходит из музея, чтобы полностью отдать литературной работе.

Всеволод Петрович — один из самых активных общественных деятелей Хабаровского края. Он три раза избирался председателем Ученого совета Приамурского филиала Географического общества СССР, два раза — депутатом районного Совета Центрального района Хабаровска. Он член Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, заместитель председателя Хабаровского краевого совета этого общества, заместитель председателя краевого отделения АПН. В 1953 — 1954 гг. В. П. Сысоев был председателем Хабаровского городского общества охотников, а затем — председателем оргбюро краевого общества, которое создавалось при его участии.

Первая книга В. П. Сысоева «Охота в Хабаровском крае» вышла в 1950 г. За ней последовали: «Пушные богатства Советского Дальнего Востока» (1951), «Тигроловы» (1955), «Амба» (1964), «По медвежьим следам» (1966), «На тигров» (1967), «Рассказы дальневосточного следопыта» (1968), «Золотая Ригма» (1970) и в соавторстве с В. И. Клипелем: «В горах Баджала» (1957), «Кур-Урмийский район. Природа и хозяйство» (1958), «За черным соболем» (1959, 1960), «Светлые струи Амгуни» (1962, 1963). О тематике книг можно не говорить — названия точно и полно раскрывают их содержание. За свои книги В. П. Сысоев принят в Союз писателей СССР.

За 20 лет издается 12 книг, не считая четырех значительно переработанных и дополненных изданий «Охоты в Хабаровском крае»! Невольно спрашиваешь себя: когда же создавались эти книги, если всю жизнь Всеволод Петрович был занят на службе, не дававшей почти никакой возможности писать в рабочее время? Ответ может

быть только один: он писал свои книги в те дни и часы, когда громадное большинство людей отдыхает — по вечерам и ночам, во время отпуска, по праздничным и выходным дням.

Многие ли из наших писателей могут порадовать таким богатым урожаем книг? И каких книг! Написанные великолепным языком, скроенные крепко и ладно, насыщенные богатейшим оригинальным материалом, ценнейшими наблюдениями автора, они завоевывают все больше и больше читателей. Всеволод Петрович мечтает о новых книгах: он хочет написать о династиях потомственных дальневосточных следопытов, о Хабаровском краеведческом музее.

Почва, питавшая почти все направления деятельности В. П. Сысоева, — это многочисленные путешествия по Приамурскому краю. Труд охотоведа, за исключением очень немногих его сторон, немыслим без полевой и экспедиционной работы. Экспедиции давали В. П. Сысоеву материал для охотоведческих обобщений, поставляли множество экспонатов для музеев, обогащали впечатлениями для книг. Всеволод Петрович участвовал в десяти больших экспедициях, многие из которых работали под его руководством.

Жизненный путь В. П. Сысоева — прекрасный пример для охотоведов. Он свидетельствует о том, что охотоведческие знания всегда найдут применение в самых различных областях человеческой деятельности — от практической работы в охотничьем хозяйстве до научного исследования, литературного творчества и музейного дела. Он показывает, какие большие возможности открываются перед охотоведом, желающим и умеющим действовать.

О. ГУСЕВ,
главный редактор журнала
«Охота и охотничье хозяйство»,
кандидат биологических наук

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
ЗОЛОТАЯ РИГМА	9
УДИВИТЕЛЬНЫЕ ЗВЕРИ	
Повесть о гималайском медведе	104
Последний барс	130
Американская норка	144
Лесной барометр	151
Древесный разбойник	157
Заворотень	165
Волчья жизнь	171
Олень Золотые рога	183
Похождения Яшки	191
Белый Ошейник	197
Киринас	204
Ласка мореплавателъ	208
Странствия белки Чернохвостки	215
Приключения черного соболя	221
Согжой	233
Сохатый	239
Лоська	246
ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ	
Егеръ	254
За слоновой костью	270
Река живой воды	278
Три дня на Хехцире	288
Новогодний рассказ	297
Страсть на льду	301
Случай на даче	312
О. Гусев. Охотовед, писатель, путешественник	315

Сысоев Всеволод Петрович

С95 Удивительные звери. Повесть, рассказы, очерки. Хабаровск, Кн. изд., 1973.

320 с. 50 000 экз. 1 р. 72 к.

В новую книгу Вс. П. Сысоева вошли повесть «Золотая Ригма», цикл рассказов «Удивительные звери» и цикл очерков «Памятные встречи».

Увлекательно рассказывает автор о жизни и приключениях уссурийской тигрицы Ригмы, гималайского медведя Белогрудого, харзы, соболя, сохатого, волка и многих других обитателей дальневосточных лесов.

Рассчитана книга на всех, кто интересуется природой Дальнего Востока.

7-3-2

52-73

P2

Всеволод Петрович Сысоев

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ЗВЕРИ

Для среднего и старшего школьного возраста

Редактор В. С. Шевченко.

Художественный редактор А. В. Колесов.

Технические редакторы Е. С. Польщикова, Н. А. Лызова.

Корректоры Н. П. Рыжова, Р. Н. Ращупкина.

Сдано в набор 3/1 1973 г. Подписано к печати 13/VIII 1973 г. ВЛ10465. Бумага офсетная № 1. Формат 60×84¹/₁₆. 18,6 усл. п. л. 20,41 уч.-изд л. Тираж 50 000 экз. Заказ № 185. Цена 1 р. 72 к. Хабаровское книжное издательство Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31. Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглавполиграфпром Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Калинин, проспект 50-летия Октября.

